

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 4 (38), 2014

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2014, № 4 (38)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **Русь**

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. Суляк (Молдавия)

кандидат исторических наук Н. Бабилунга (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина)

доктор исторических наук В. Зиновьев (Россия)

кандидат филологических наук Д. Катунин (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

доктор исторических наук Н. Руссев (Молдавия)

кандидат исторических наук В. Содоль (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук Н. Тельнов (Молдавия)

доктор исторических наук А. Черкасов (Россия)

доктор исторических наук М. Чучко (Украина)

Р. Шапка (Канада)

кандидат исторических наук П. Шорников (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. Фейса (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А.
Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2014

© Association «Rus'», 2005-2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Страница редактора.....	5
Editor's Page	
Международная научно-практическая конференция «Первая мировая война и Русский мир» / An International Scholarly-Practical Conference "WWI and the Russian World"	
Михаил Чучко Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны (II)	7
Mykhaylo Chuchko Orthodox Church in Bukovina during the WWI (II)	
Вячеслав Содоль Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей»)	30
Veacheslav Sodal' Philantropical activities of Clergy of the Archdiocese of Kishinev at the beginning of the WWI (on the "Kishinev diocesan gazette")	
Петр Бойко Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны	47
Petr Boiko Bessarabian question in the outcome of the WWI	
Сергей Назария Появление бессарабского вопроса на последнем этапе Первой мировой войны и интерпретация этих событий в исторической и мемуарной литературе	61
Sergiu Nazaria The appearance of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in historical and memoirs	
Петр Шорников Белые и красные на Днестре: саботаж гражданской войны?	78
Petr Shornikov White and Red (Army) on the Dniester: the sabotage of the Civil War?	
Валерий Власенко Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии	99
Valery Vlasenko The third wave Ukrainian interwar political emigration to Romania	

**Международная научная конференция
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и
социальной адаптации в истории и современности:
методология, методика и практики исследования» /**

**An International Scientific Conference
"Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation
in History and at Present:
methodology, methods and practices of research"**

О конференции 115
Information on the Conference

Вячеслав Кудряшев

Русская общественная мысль в поисках национальной идентичности: зарождение русского национализма (вторая половина XIX в.) .. 117

Vyacheslav Kudryashev

Russian social thought in the search for national identity: the birth of Russian nationalism (the second half of the XIX century)

Василий Зиновьев, Аниса Жеравина

Советская составляющая российской идентичности 130

Vasiliy Zinovyev, Anisa Zheravina

Soviet component of Russian identity

Егор Федосов

Советский человек: пропаганда или реальность? 139

Egor Fedosov

The Soviet person: propaganda or reality?

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

Сергей Суляк

Предки русинов и кочевники: вопросы этнокультурного взаимодействия 152

Sergey Sulyak

The Ancestors of the Rusins and the Nomadic Tribes: Etho-Cultural Interactions

ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ / FAMOUS RUSINS

Борис Жигалов, Сергей Фоминых

И.Г. Коломиец (1903-1962) – исследователь истории Закарпатья .. 177

Boris Zhigalov, Sergey Fominykh

I.G. Kolomiys (1903-1962) – the researcher of history of Transcarpathia

ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTICS

Валерий Наумов

Русинско-русские межъязыковые формально-семантические соответствия в лексикографическом представлении: принципы создания учебного словаря 189

Valery Naumov

The Ruthenian-Russian interlingual formal-semantic similarity in lexicographical representation

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели!

Вот и подошел к концу 2014-й - юбилейный для нашего издания год. За это время вышло 38 номеров журнала. Его полные электронные версии размещены в РИНЦ, на сайте «Русины Молдавии», в Научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

С 2011 г. журнал входит в перстижную библиографическую и реферативную базу данных «Scopus» компании «Elsevier».

По предложению «Scopus» в 2015 г. мы начнем вносить в базу предыдущие выпуски журнала. Пока речь идет о 2009 и 2010 гг. Больше количество мы, к сожалению, пока обработать не сможем.

Коротко о наших планах на будущее. В 2015 г. выйдут четыре номера журнала (март, июнь, сентябрь, конец ноября) объемом 240 страниц каждый. Также начнет выходить приложение к журналу «Русин» - «Библиотека журнала "Русин"» (объемом до 320 страниц).

Особое внимание на страницах издания по-прежнему будет уделяться вопросам истории и культуры русинов - коренного населения Карпато-Днестровских земель. Также мы продолжим публиковать материалы проводимых нами конференций.

По тематике № 1 будет общерусинским, а в № 2-4 будут опубликованы материалы конференций.

В 2015 г. мы совместно с Национальным исследовательским Томским государственным университетом запланировали проведение четырех международных научно-практических конференций:

1) Всероссийская научная конференция «СССР в период Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.». Секция «Карпато-Днестровские земли в годы Второй мировой войны» (23-24 апреля 2015 г., Томск);

2) «Славянские языки в условиях современных вызовов» (15-16 мая 2015 г., Томск);

3) «Славянские этносы и культуры в условиях современных вызовов» (2-3 октября 2015 г., Томск);

4) «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Четвертые чтения памяти И.А. Анцупова)» (15-16 октября 2015 г., Кишинев).

Все расходы, связанные с пребыванием на конференции (проезд, проживание), оплачиваются участниками за собственный счет или за счет отправляющей стороны. Допускается заочная форма участия.

Объявления о конференциях будут размещены на нескольких сайтах, в т.ч. на сайте «Русины Молдавии» (<http://rusyn.md>).

Темы и тезисы докладов для участия в конференциях заявляются за два месяца. Часть докладов по близкой к нашему изданию тематике будет опубликована в международном историческом журнале «Русин», остальные - в сборниках материалов конференций (приложение к журналу «Русин») и в журналах «Вестник Томского государственного университета» (серии «История» и «Филология»), входящих в перечень ВАК (правила публикации см.: <http://journals.tsu.ru/history>).

Статьи, оформленные по правилам журнала «Русин», представляются не позднее чем за месяц до начала конференции или выпуска журнала и проходят рецензирование.

Правила оформления статей для журнала «Русин» и приложения см.: <http://journalrusin.ru/index.php?id=pravila-publikacii>

В качестве образца см. материалы, опубликованные в № 3-4 за 2014 г.

С уважением, Сергей Суляк,
главный редактор

УДК 94(477.85)“1914/1918”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/2

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА БУКОВИНЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (II)

М.К. Чучко

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Scopus Author ID: 55358825100

Авторское резюме

В статье освещается положение православной церкви Буковины в годы Первой мировой войны. Рассказывается о лояльном отношении большинства клириков Буковинской митрополии к политике Габсбургов в начале войны. Показана репрессивная политика австрийских властей по отношению к священникам-русофилам, а также к духовникам-румынам – пропагандистам великорумынской идеи. Раскрыто бедственное положение клириков во время войны, их ограбление и разорение войсками воюющих сторон в ходе военных действий.

Отдельное внимание уделено изучению вопроса национально-государственных ориентиров украинского (русинского) и румынского православного духовенства края в период войны.

Ключевые слова: православная церковь, Буковина, Буковинская митрополия, Первая мировая война, православное духовенство, национальные ориентиры, русофилы, Румынское королевство, Габсбурги.

Orthodox Church in Bukovina during the WWI (II)

M.K. Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Abstract

The article highlights the position of the Orthodox Church of Bukovina during the First World War. Indicated on the loyalty of the majority of the clergy in politics

Bukovinian archdiocese of Habsburgs at the beginning of the war. Displaying the repressive policies of the Austrian authorities in relation to the priests-russophiles, as well as the supporters of the Romanian kingdom. Revealed the plight of the clergy during the war, their robbery and destruction forces of the warring parties in the course of hostilities.

Special attention is paid to the issue of national and state guidelines Ukrainian and Romanian Orthodox clergy edge in time of war.

Keywords: Orthodox Church, Bukovina, Bukovinian archdiocese, the First World War, the Orthodox clergy, national landmarks, Russophile, Romanian kingdom, the Habsburgs.

18 июня 1916 г. в ходе Брусиловского прорыва г. Черновцы, а затем и почти вся Буковина оказались в руках россиян (Ботушанський 2009: 152; Жуковский 1956: 298). Русское наступление в который раз заставило бежать гражданское население, особенно городских жителей. Бегством спасались даже православные священники. Ученик Вижницкой гимназии В. Руснак, родом из с. Неполоковцы, впоследствии так описывал настроение, охватившее жителей г. Вижница во время этого мощного наступления русских войск на Буковину в направлении Карпат, куда под прикрытием австрийских подразделений также отправились потоки беженцев: «Теперь мне и моим товарищам по квартире стало ясно, что россияне снова займут целую Буковину, и что нам вскоре откроется путь домой. Но россияне продвигались от Прута до Карпат довольно медленно, все время встречая сопротивление австрийского арьергарда, и им потребовалось 5 дней, чтобы пройти неполных 40 километров от Прута к Вижнице. И так под вечер в четверг, видимо, 21 или 22 июня 1916 г., мы услышали сильную ружейную перестрелку в селе Черногузах на расстоянии каких-то 4-5 километров, а через следующие полчаса солдаты австрийского полка, состоявшего из сербов или хорватов, отступая, прочесывали город и приказывали, чтобы население убиралось из города в горы, потому что в Вижнице будет большой бой.

Тогда наша хозяйка вместе со своим братом, приходским священником Семанюком, и со своей ближней и дальней родней, что успела уже прибежать к ней, а также и нами, четырьмя ее квартирантами, взяли что наиболее важное и наиболее необходимое, кто что мог, и со священником Семанюком во главе, который ехал на небольшой коляске, подались в Виженку к протоиерею Осташику [...]. Потому как шоссейная дорога была забита и беженцами, и военными обозами, можно было продвигаться по нему очень медленно, так что нам понадобилось около трех часов, чтобы преодолеть расстояние около 6 километров от нашего дома до дома протоиерея Осташика в Виженке. Туда прибыли мы уже вечером и застали около 50 человек, которые

хозяйничали на достаточно обширном дворе, как кто мог. Некоторые главнейшие беженцы, как настоятель Семанюк и профессор Орелецкий, нашли место в доме протоиерея, куда были приглашены наша хозяйка и другая близкая родня священника Семанюка. Нас, троих ребят, благодаря Семанюку поместили в сенях. Со временем здесь собралось около 150 человек разных национальностей, состояния, возраста и пола. Все они надеялись, что под защитой православного протоиерея такие же православные россияне не будут делать им неприятностей».

Поскольку русские войска отрезали путь к отступлению тем австрийским частям, которые находились между Вижницей и Усте-Путиловом, беженцам довелось возвращаться в Вижницу. В. Руснак рассказывает: «Все беженцы, находившиеся в доме, в усадьбе протоиерея Осташика и по соседним домам, создали на дороге перед домом колонну, во главе которой стал настоятель Семанюк на своей коляске, запряженной белым конем, что теперь подходил для функции, за которую взялся священник Семанюк [...]. Отец Семанюк велел сделать из простыни белый флаг, который прикрепил на передок своей брички, чтобы продемонстрировать перед российским войском, что он ведет за собой мирных людей, которые сдаются на милость и немилость победителей.

Дорога к Вижнице была затруднена тем, что не остался неуничтоженным ни один мост на реке Виженке и ее притоках [...]. Дома мы застали все в порядке, мы были рады, что по поводу эвакуации не претерпели никакого убытку. В тот день мы впервые хорошо поели и рано пошли спать, потому что в Виженке мы не имели где выспаться.

Но еще в тот день перед вечером хозяйка попросила нас сделать из белого картона таблицу 20 на 20 см и написать на ней большими печатными буквами, что наш дом принадлежит православному батюшке, и повесить эту таблицу на двери, на крыльце, которые были обращены к улице [...]. В то время русские заняли только правый берег Черемоша, а на левом стояли австрийцы [...]. В понедельник, кажется, 25 июня, рано, где-то около пяти часов, когда я еще спал глубоким сном, вдруг что-то страшно загремело [...]. Здесь я узнал, что австрийская артиллерия из Кутов уже с самого утра обстреливает наш дом и что один снаряд попал прямо в дом, а других девять или десять снарядов взорвались вокруг дома на расстоянии от полутора десятков до нескольких десятков метров. Через полчаса австрийцы остановили обстрел [...]. Причиной обстрела нашего дома была, пожалуй, та несчастная таблица, прикрепленная нами минувшего дня на дверях крыльца, которая должна защищать нас от грабежей русских солдат, а между тем навлекла на нас обстрел австрийской артиллерии

[...]. Несколько дней после того как фронт отошел на запад, в Вижнице наступила тишина, и мы с Мендришорой и Орелецким решили возвращаться к нашим родителям [...]. Это произошло в конце июня или в начале июля 1916 года.

На этот раз русская армия стала крепкими ногами на Буковине, а не так как в 1914 и 1915 годах, когда русские считали, пожалуй, захват Буковины только временным, и поэтому тогда и не вводили своей гражданской администрации» (Добржанський, Старик 2008: 261-266, 269).

После занятия россиянами Черновцов председателем городской управы стал настоятель церкви Св. Параскевы о. Г. Шандру, но после 10 дней правления он подал в отставку под предлогом того, что общественные дела забирают у него много времени, необходимого для пастырской деятельности. Поэтому на его место бургомистром выбрали Микули, которого утвердила русская администрация.

Вскоре в Черновцы из России прибыл бывший клирик церкви Св. Параскевы и православный законоучитель д-р Л. Герман, румын по национальности. Перед войной он пытался занять место профессора канонического права в Черновицком университете и профессора теологии в Яссах, но, не получив этих должностей, отправился в Бессарабию, где стал сельским священником. Отмеченный в России, он поселился в доме дирекции имений Православного религиозного фонда Буковины и начал с ведома российской администрации собирать местных православных священников на совещания для создания новой консистории, поскольку митрополит Владимир и его консистория были вывезены в Ватра Дорней, а затем и в глубь страны и отрезаны от Буковины. На одном из совещаний председателем новой консистории был избран старый консисторский советник архипресвитер М. Галип, который из-за слабого здоровья получил от австрийцев разрешение покинуть Ватра Дорней и перебраться к родственникам в Черновцы. Будучи австрийским патриотом, о. М. Галип принял так близко к сердцу обременительное председательство под российским патронатом, что вскоре умер от сердечного приступа.

Не без участия д-ра о. Л. Германа бургомистр Черновцов Микули был заменен на бывшего заместителя старосты в Гура Гуморулуй Маковей – его кузена (Добржанський, Старик 2008: 103-104).

После смерти архипресвитера М. Галипа Л. Герман вновь созвал буковинских православных священников на заседание, которое выбрало новую консисторию. Главой стал о. д-р С. Сагин, профессор догматического богословия Черновицкого университета, заместителем – о. д-р Л. Герман, членами консистории – протоиереи О. Козак из Путилова, Г. Балолешкул из Дихтинця и еще два румынских

приходника из сел, которые должны были приезжать на заседания в Черновцы (Добржанський, Старик 2008: 107; Добржанський, Старик 2009: 88).

Со стороны российской оккупационной администрации организацией церковного дела на Буковине в 1916 г. занимались протопресвитер армии и флота Г. Шавельский и его помощник – ординарный профессор Киевской духовной академии доктор церковной истории протоиерей Ф. Титов, который, по словам о. Г. Шавельского, «был чрезвычайно важен, особенно при сношениях с буковинскими церковными властями, где управление было составлено из черновицких архимандритов и протоиереев, которые щеголяли званиями докторов богословия, профессоров университета и др.» (Шавельский 1954: 38-39). Описывая непростые отношения с членами новой Черновицкой консистории, протопресвитер Г. Шавельский так характеризовал тогдашнюю ситуацию в местной православной церкви: «С занятием Буковины встал вопрос об управлении Буковинской церковью. Буковинским митрополитом в то время считался Владимир Репта. При первом занятии нашими войсками в 1914 году г. Черновиц (столица Буковины) митрополит Владимир остался на месте. Когда Черновицы вновь перешли в руки австрийцев, последние, в наказание за общение митрополита Репты с русскими, наложили на него пеню в 75 тысяч крон, в то время сумму очень значительную. Чтобы не подвергнуться еще худшему, митрополит Владимир при вторичном приближении наших войск к Черновицам в 1916 г. бежал в Вену. Бежали с ним и некоторые из его сослуживцев-членов консистории. Оставшиеся члены консистории сторонились от управления, опасаясь подвергнуться в будущем каре. Фактически Буковинская церковь осталась без управления. Не выпускал из своих рук вожжей лишь один секретарь консистории, о котором, однако, ходили недобрые слухи, как об австрийском шпионе и хищнике. Положение вопроса об управлении Буковинской церковью еще осложнялось тем, что там издавна соперничали две партии – румын и русинов, каждая из которых старалась получить перевес в управлении. С отъездом митрополита этот спор еще более обострился, ибо теперь обе партии лишились примиряющего центра.

Между тем положение Буковинской церкви требовало всегда, а теперь в особенности, наличия сильной и справедливой власти. Буковинская митрополия едва ли не самая богатая из всех православных церквей в мире. Ей принадлежала в то время 1/3 часть всей буковинской земли. Богатейшие имения Буковинской митрополии с чудными хозяйствами, фермами и заводами были рассеяны по всей Буковине. Несметные лесные богатства принадлежали ей. Митропо-

лия ежегодно получала колоссальный доход. На свои средства она содержала в Черновицах богословский факультет; в ее руках была почти вся благотворительность страны. Недавно отстроенный, стоивший свыше 5 млн крон дворец митрополита напоминал царскую резиденцию, а не обитель смиренного служителя Божия. И все это несметное богатство было брошено теперь на произвол судьбы, ибо нельзя же было считать серьезную опеку над ним консисторского секретаря. Не было в Черновицах церковной власти, которая порадела бы об этом богатстве. Начались хищения изнутри и извне: стали расхищать всё; начали, не стесняясь, пользоваться митрополичьим добром, в особенности лесами, и наши. В это время я был извещен новым галицийским генерал-губернатором ген. Ф.Ф. Треповым, что крайне необходим мой приезд в Черновицы для организации управления Буковинской церковью.

Штаб галицийского генерал-губернатора в данную пору помещался в г. Тарнополе. Отсюда мы, т. е. я, ген. Трепов, начальник его штаба ген. Сухомлин и протоиерей Титов, и направились в г. Черновицы.

По пути мы условились так действовать: а) чтобы нас не могли потом упрекнуть ни во вмешательстве в дела автокефальной Буковинской церкви, ни в бездействии при нарушении другими ее интересов; б) чтобы лиц, имеющих войти в состав правления, оградить от возможности обвинений австрийцами, а в случае нового занятия ими Буковины, в измене, и в) чтобы, наблюдая и то, и другое, в то же время соблюсти и интересы русского дела.

На следующий день, по нашем прибытии в Черновицы, ген. Треповым были приглашены в зал митрополичьего дома-дворца оставшиеся на месте члены Буковинской консистории, профессора богословского факультета и виднейшие представители городского духовенства для обсуждения вопроса об организации церковного управления.

В назначенный час состоялось наше совещание с приглашенными. Конечно, все мы вчетвером присутствовали на нем. Совещание началось моей речью, в которой я изложил наши общие пожелания: согласно воле нашего государя, мы не хотим вмешиваться в управление Буковинской церковью, но мы считаем своим долгом помочь ей организовать управление, хотим затем помочь этому управлению в охране прав и интересов их церкви. Дабы не подвергать кого-либо каким-нибудь опасностям в будущем, русская власть отказывается от всяких назначений по церковному управлению Буковины и предлагает самому духовенству выбрать членов консистории и других начальствующих лиц. Русская власть лишь оставляет за собою право, каким пользовались и австрийские власти в мирное время, утвержде-

ния или неутверждения избранных, а для устранения всяких споров между румынской и русинской партиями предлагает соблюсти при выборах принцип, чтобы румыны и русины в одинаковой пропорции вошли в управление. Точно так же само буковинское духовенство должно разрешить вопросы, возникшие ввиду отсутствия в Буковине епископа, как вопрос о назначениях на вакантные священнические места, о рукоположении новых священников и пр. Последний вопрос был разрешен таким образом: Буковинская консистория избирала кандидатов на священнические места, которые затем по моей просьбе рукополагались русскими архиереями ближайших к Буковине русских епархий. Объявив собранию, что мой помощник проф. Ф.И. Титов будет посредником между буковинской церковной властью и нашими гражданскими властями и что он всемерно будет охранять права и интересы Буковинской церкви, я закончил свою речь.

После обмена мнениями пришли к решению: буковинское духовенство само изберет чинов консистории и избранных представит через протоиерея Титова на утверждение генерал-губернатору. На другой день я уехал из Черновиц. Дело продолжал о. Ф. И. Титов. Ему удалось помочь буковинцам сформировать церковное управление и вообще наладить расстроенную войной церковную жизнь. Благодаря его же вмешательству, настойчиво поддержанному мною перед ген. Алексеевым, были защищены лесные и другие богатства Буковинской митрополии.

Судя по тому, что в конце 1916 года буковинское духовенство поднесло о. Титову очень трогательный благодарственный адрес, надо полагать, что наша бескорыстная политика была понята и оценена буковинцами. Должен признать, что дальше всё делалось о. Титовым, а я почти только тогда привлекался к участию, когда требовалась защита или поддержка ставки или же надо было согласовать деятельность фронтового духовенства с деятельностью о. Титова и его помощников. Много облегчала работу полная, ни разу не нарушавшаяся солидарность во взглядах и действиях между мною и о. Титовым, с одной стороны, между нами и ген. Треповым - с другой. Последний в нашем деле показал себя просвещенным и доброжелательным администратором.

В Буковине всё же нам легче было действовать, чем в Галиции. Правда, в Буковине нас легко могли обвинить во вмешательстве в дела автокефальной церкви. С другой стороны, мы тут встретились с докторами богословия и профессорами-протоиереями, с самолюбиями которых считаться было не легко. Но оба эти подводных камня были обойдены сравнительно благополучно. Зато здесь, на нашей стороне, был один плюс, к сожалению, отсутствовавший в Галиции.

Доселе, если не считать одного, более курьезного, чем значительного случая, никаких недоразумений между русскими и буковинскими церковными властями не было, так как русские до этого времени предоставляли самим буковинцам разбираться в своих делах. (Не могу не рассказать о нем. В конце 1914 или в начале 1915 г. ко мне в Барановичах зашел черновицкий губернатор Евреинов с просьбой помочь делу, очень его беспокоившему. Состояло оно в следующем. В данное время в Черновиках стоял наш, кажется, 281 пех. полк. Очень молодой и, вероятно, не особенно воспитанный (из мобилизованных, лично я его не знал) полковой священник, воспользовавшись отсутствием митрополита, поселился на правах победителя в величественных митрополичьих покоях, потом стал пользоваться великолепным митрополичьим выездом и, наконец, стал совершать богослужения в кафедральном соборе, обяывая заслуженных черновицких протоиереев-докторов богословия сослужить ему, т.е. ставя их в подчиненное положение. Как побежденные, они повиновались, но всё же ропот пошел такой, что губернатор вынужден был просить меня ограничить начальственный пыл батюшки.)» (Шавельский 1954: 40-44).

Вскоре в руководстве Черновицкой консистории произошли изменения. 3 марта 1917 г. и. о. председателя консистории А. Козак и член консистории Г. Балошескул сообщили письмом черновицкому губернатору генералу В. Лигину, что «28 февраля с. г. заявил д-р О. Стефан Сагин, что он вследствие болезненного состояния и загруженности как профессора на открытом богословском факультете (18 занятий в неделю) вынужден отказаться от должности члена и председателя консистории». Они ставят в известность губернатора, что «консистория избрала своим председателем о. протоиерея Ореста Козака» (ДАЧО: 5).

Первоочередной задачей консистории в то время была выплата духовенству денежного содержания. Так, начальник Кимпулунгского уезда ротмистр Гартин подал 20 февраля 1917 г. рапорт черновицкому губернатору, в котором сообщал, что ему поступила просьба православного священника местечка Вама о. Ломыковского о выдаче духовным лицам из этого уезда жалования, которое они не получали с 8 ноября 1916 г., а некоторым задолжали даже за сентябрь месяц. Ротмистр просит губернатора ходатайствовать перед Черновицкой духовной консисторией об удовлетворении просьбы о. Ломыковского (ДАЧО: 13). 8 марта 1917 г. и.о. председателя консистории протоиерей О. Козак информировал губернатора о невыплате в Кимпулунгском уезде жалования многим духовным лицам за июнь, июль, август, ноябрь, декабрь 1916 г. из-за недостатка средств в кассе фонда (ДАЧО: 15).

В компетенцию избранной в Черновцах консистории входили также кадровые и дисциплинарные вопросы, но утверждала ее решения российская администрация. Так, представитель военного протопресвитера священник Подвысоцкий сообщал в письме к черновицкому губернатору от 1 апреля 1917 г., что назначение православного священника из с. Мигово Д. Мунтяна, которого консистория 23 марта 1917 г. установила старшим священником в Берегомет над Сиретом с правом на проживание в приходском доме, а также на получение половины доходов, военный генерал-губернатор Усов признал справедливым (ДАЧО: 24).

В мае 1917 г. о. д-р С. Сагин вернулся к председательству в Черновицкой консистории. 2 мая 1917 г. он просил в письме черновицкого губернатора разрешения для священника с. Кирибаба Г. Павлюка, который из-за военных действий бежал в Румынию, вернуться на Буковину и занять вакантный приход Синевцы-Горбовцы в Сиретском уезде. 12 июня 1917 г. д-р С. Сагин как председатель консистории разбирал жалобу крестьянки из с. Киселицы Вижницкого уезда Екатерины Чечул на священника этого села Тотоескула и псаломщика Семаковского за вымогательство чрезмерной платы на похоронах ее матери Феодоры Карапка (ДАЧО: 48, 50).

Как отмечал буковинский политик проукраинского направления депутат сойма О. Попович, тогдашняя Черновицкая консистория, или, как ее называли священники-украинцы, румынско-русская «временная управа православной церкви Буковины», состоявшая из председателя – профессора богословия д-ра С. Сагина, трех священников-румын и трех русинов – отцов О. Козака, Г. Балощескула и И. Кадышука, проводила откровенно пророссийскую политику в церковной сфере. В статье под названием «Сообщение о событиях на Буковине во время русской оккупации», опубликованной в Вене в газете «Буковина» за 10 октября 1917 г., подписанной криптонимом «О.П.», политик подверг острой критике эту «румынско-русскую» консисторию за то, что она отправила трех теологов, на рукоположение которых не соглашались австрийские краевые власти, на хиротонию в Кишинев, а также предоставила ряд приходов «предателям-кацапам», то есть священникам-русофилам, которые в свое время бежали из Буковины вместе с русскими войсками. Причем давала им лучшие приходы, которые даже не были вакантны. Так, священник-беглец о. В. Велигорский получил приход в Новых Мамаевцах, где настоятелем был протоиерей Т. Драчинский, краевой вице-маршалок, который, как депутат Буковинского сойма и фельдкурат, пребывал вместе с другими украинскими депутатами в Вене (Добржанский, Старик 2009: 88).

Стоит отметить, что в то время уже никто не верил, что Австрия будет в дальнейшем владеть Буковиной, а потому буковинские русофилы

и румыны начали бороться за симпатии русской оккупационной администрации при определении дальнейшей судьбы края в составе России. Первыми начали переговоры с российским губернатором А. Лотоцким о своей судьбе под российским правлением буковинские румыны. Румынские руководители Буковины, помещики, интеллигенты и два архипресвитера – доктор И. Тарнавски и Г. Шандру изложили российскому губернатору требования буковинских румын: Буковина должна войти в состав России как чисто румынская и автономная провинция с румынским официальным языком в церкви и во всех школах – как исключительно румынский край. По словам К. Богатырца, «это вызвало среди русинского населения Буковины острый протест. Секретарь Руськой народной партии доктор Геровский и еще несколько членов правления организовали и созвали в Черновцах на 2 июня 1917 г. большое собрание народа (каждая русинская община должна была выслать своих делегатов - на 1000 душ населения одного). В упомянутый день патрона Буковины св. Иоанна Сочавского собрались в синодальном зале митрополичьей резиденции в Черновцах несколько тысяч делегатов. Референт доктор Геровский пояснил, открыв собрание, для чего созван народ в Черновцы, ознакомил делегатов с требованиями румын, поставленными русскому правительству на случай присоединения Буковины к России, и открыл дебаты, пригласив прибывших делегатов, чтобы выразили они свое мнение».

6 июня состоялись широкие дебаты, в которых принимали участие народные делегаты от крестьян. Крестьянин Иван Савчук из Кливодина предложил решение: «Делегаты буковинско-руського народа, избранные русинским населением во всех общинах Буковины по одному на 1000 душ, требуют от имени избравшего их народа в административном отношении присоединения Буковины к Украине, но эта Украина должна быть в тесном единении с Русским государством и должна представлять неотъемлемую часть этого государства. Собрание протестует против присоединения Буковины к проектируемому украинскому гетманату под правлением Вильгельма фон Габсбурга и под протекторатом Австрии» (Богатырец б/г: 164-165; Добржанський, Старик 2009: 72).

Как утверждал К. Богатырец, «делегаты приняли предложение делегата Савчука единогласно, и на предложение делегата крестьянина Ивана Мельничука решено в этом смысле составить краткий мемориал, следует вручить российскому губернатору с просьбой передать его российскому правительству». 7 июня 1917 г. делегация, состоявшая из протоиерея Н. Григория, священников В. Велигорского и Е. Цуркановича, крестьян И. Савчука и И. Мельничука и адвоката

доктора Геровского (в другом варианте записи К. Богатырец называет уполномоченных Н. Григория, В. Велигорского, Е. Цуркановича, И. Савчука и В. Ковальчука), передала российскому губернатору Буковины А. Лотоцкому письмо с уведомлением о решении собрания представителей буковинско-русского народа, в котором просила сообщить о нем российскому правительству и «постараться, чтобы это постановление в силу права наций на самоопределение осуществилось» (Богатырец б/г: 165; Добржанський, Старик 2009: 72-73).

В статье «Сообщение о событиях на Буковине во время русской оккупации», опубликованной О. Поповичем в «Буковине» за 10 октября 1917 г., отмечается, что на созванном А. Геровским собрании православными священниками-русофилами в Синодальном зале митрополичьей резиденции «были поставлены с румынской стороны епископ Попескул (*Евсевий Попович. – М.Ч.*), тесть Геровского, а с стороны кацапской - протоиерей Осташик. Далее признало собрание, что митрополит Репта должен дальше оставаться митрополитом, потому что, как говорил Геровский, он арестован австрийцами. Однако украинские священники в сих собраниях не приняли участия и протестовали против их важности и правомочности их решений. Заметить следует, что с украинскими православными священниками обходились часто очень плохо, а больше всего пострадал от московских солдат-неяг о. Тыминский, которого даже честь попрана» (Добржанський, Старик 2009: 83).

В свою очередь украинские православные священники из Буковины на собрании 15 (28) июня 1917 г. во время обсуждения текущего положения в православной церкви края составили против «румынско-русской» консистории протест. Сетую на отсутствие на их совещании приглашенных членов временной управы православной церкви на Буковине, то есть консистории, они приняли решение, что временная управа неправомерно присвоила себе название «консистория»; представители украинской части архиепархии в управе были назначены без ведома и согласия священников-украинцев русской администрацией; деятельность временной управы не направлена на пользу церкви; представители украинской части архиепархии, которые входят во временную управу, должны быть заменены на избранных этим совещанием; они протестуют против неканоничного занятия мест священниками-беглецами и лицами, не посвященными буковинским архиереем; выступают за возвращение в украинской части архиепархии украинского языка и фонетического правописания вместо языка русского и решительно протестуют против сравнения проф. др-м Сагиным украинцев с черносотенцами во главе с Геровским (Добржанський, Старик 2009: 88-89). А укра-

инские парламентарии из Буковины призвали население сохранять верность Габсбургам, выражая надежду на образование в составе Австро-Венгрии отдельной украинской провинции. 15 июня в Вене Клуб украинских послов из Буковины выступил с программным заявлением относительно создания отдельной украинской провинции в Австро-Венгрии, в котором, в частности, говорилось: «Мы, украинцы Буковины, связанные с 40 миллионами украинцев в России, а через узел православной церкви даже с великорусским народом, отвергаем всякую мысль об изменении границ Австрии через включение нашего отечества из этого государства, руководствуясь верностью и благодарностью к династии и к австрийскому государству, пока нам Австрия, как доселе, не навязет чужого владения» (Добржанський, Старик 2009: 74).

Румынский депутат австрийского парламента доктор А. Ончул и трансильванский румынский деятель М. Мигали решили провести агитацию в пользу основания румынской автономной провинции под покровительством Австрии, которая как великое воеводство Ардял должна была охватывать южную часть Буковины, Бессарабию, Трансильванию, венгерский Банат и королевство Румынию (Богатырец б/г: 166).

В конце июля 1917 г. вследствие успешной наступательной операции австрийской армии под командованием генерал-полковника К. фон Пфлянциера-Балтина и подразделений немецкого «Карпатского корпуса» русские войска и администрация стали отступать из Буковины. 3 августа австрийские и немецкие подразделения вошли в Черновцы (Бажанский 2006: 146-147; Добржанський, Старик 2008: 126). В населенных пунктах края немецкие солдаты-союзники нередко практиковали реквизиции, от которых страдали как крестьяне, так и духовенство. Например, немецкие гусары из 3-го полка «Von Zieten» (Бранденбург) заставили в г. Кицмань православного священника Георгия Тэутула предоставить им большое количество зерна. Этот священник стал не единственным человеком, который от них пострадал. Полк хорошо запомнился кицманским жителям реквизициями скота и продуктов питания (Bălan 1929: 70).

6 августа, в воскресенье, с визитом в Черновцы прибыл император Карл I. Он приехал автомобилем из Коломыи в сопровождении нового краевого президента графа И. Ецдорфа и генералитета. На площади Рынок возле ратуши высоких гостей поприветствовал тогдашний глава города православный священник церкви Св. Параскевы Г. Шандру с членами городского совета. После приветственной речи о. Шандру император в сопровождении графа Ецдорфа встретился с представителями делегаций, в частности с православным духовенством города,

которое расположилось сразу за советниками черновицкого магистрата. Во главе православных клириков стоял д-р С. Сагин, бывший ректор университета, поскольку митрополит Буковины и Далмации Владимир со своей консисторией по известным причинам продолжали оставаться в Вене (Добржанський, Старик 2008: 126-127). После встречи с делегациями у ратуши император Карл посетил черновицкую православную кафедральную церковь Сошествия Св. Духа, где его встретили клирики собора архипресвитер д-р И. Тарнавски и о. д-р К. Бриндзан. Вечером он покинул Черновцы.

Боевые действия, которые велись на Буковине в августе – ноябре 1917 г., как и военные операции 1914–1916 гг., привели к повреждению и разрушению приходских домов и православных храмов. Например, в с. Джэминэ шрапнелью разбило крышу приходского дома (Diacon 2005: 59). В Калинештах над Черемошем, Люди-Гореча, Топоривцах, Боянах, Самушине от снарядов и шрапнели пострадали приходские церкви. В бывшем монастыре Хрещатик снарядом был поврежден притвор часовни, расположенной над целебным источником. А в с. Беэуць огнем артиллерии полностью была разрушена церковь, построенная в 1487 г. молдавским воеводой Стефаном Великим. Частично уцелела лишь стоявшая рядом колокольня (Morariu 1922: 58-59).

Весть о подписании 9 февраля (26 января) 1918 г. мирного договора между Украинской Народной Республикой и Четверным союзом в Брест-Литовске, который устанавливал границы между УНР и Австро-Венгрией на довоенных границах России с империей Габсбургов, с радостью была встречена в австрийской Буковине (Жуковський 1956: 298). Украинское население по случаю заключения мира повсеместно устраивало празднования. В частности, 14 апреля 1918 г. в Вижице состоялся уездный праздник мира и украинской государственности. По этому случаю утром в местной православной церкви было отправлено соборное богослужение, а после праздничного шествия к населению с речью обратился православный протоиерей Т. Семанюк, который рассказал крестьянам о возрождении украинского государства и призвал буковинских украинцев оставаться верными Австрии и императору, поскольку именно благодаря австрийскому монарху стал возможным мир с Украиной (Буковина 2014: 283-284; Добржанський, Старик 2009: 115). Зато настоятель православного собора в Черновцах, румын по национальности, отказал православным украинцам в проведении 3 марта торжественного богослужения в кафедральном соборе по случаю праздника мира и украинской государственности (Добржанський, Старик 2009: 107). 7 мая состоялся праздник Воскресения Украины в с. Черновка. Священник из с. Добрыновцы, который

обещал отправить в местной церкви богослужение по этому случаю, так и не прибыл, а потому управляющий школой с дьяком сами отпели воскресный канон и прочитали «Апостола». Дети под руководством учительниц спели «Христос воскресе», «Боже единственный крупный» и «Уже воскресла Украина» (Добржанський, Старик 2009: 123-124).

Праздник мира и украинской государственности в Черновцах, запланированный на 19 мая, из-за событий на Украине, связанных с установлением там гетманата, был отменен. Вместо него провели Шевченковский праздник, который начался воскресным богослужением в православной кафедральной церкви. Разрешение на его проведение украинский комитет по празднованию добился от консистории лишь после долгих переговоров, поскольку та не решалась позволить его в первый раз из-за румын, которым в тот день предоставили для отправления воскресной службы церкви в резиденции.

В поминальном богослужении по Т. Шевченко в кафедральном соборе приняли участие украинские священники Тыминский, Еремиев, Калинюк, Романович, Копачук, Катеринюк, Падуро, Евстафиевич, Ташук, Гливка и Боднарюк под руководством протоиерея, вице-маршалка сейма о. Т. Драчинского. После богослужения с патриотической проповедью выступил о. П. Катеринюк. Завершились торжества вечером праздничным концертом (Добржанський, Старик 2009: 126).

С 20 мая 1918 г. на Буковине было снято военное положение (Буковина 2014: 299). Только тогда австрийские власти взялись за тщательное расследование уголовного дела в отношении буковинского митрополита Владимира (Репты) и членов его консистории, рассмотрение которого продвигалось очень медленными темпами, как рекомендовало Министерство иностранных дел еще в феврале 1918 г. По завершении расследования министр культов и образования д-р Л. фон Квиклински подал 22 июня 1918 г. императору Карлу I подробный отчет по этому делу, в котором, между прочим, говорилось: «Против применения решительных мер говорит необходимость учитывать соседнее королевство Румынию, учитывая румынскую национальность Репты и его духовенства». В отчете министра также указывалось, что действия митрополита, хотя и были осуществлены по принуждению, однако заслуживают категорического осуждения. Учитывая указанное, Владыке было предложено добровольно подать в отставку, однако он решительно отказался это сделать.

В этой ситуации Л. фон Квиклински предложил императору следующее:

1. в православной консистории в Черновцах необходимо ввести вторую должность консисторского архимандрита;
2. консисторских советников Манастирського и Поповича необходимо немедленно отправить на пенсию;

3. назначить консисторскими архимандритами настоятеля монастыря Драгомирна архимандрита Ипполита Воробкевича и священника из Довгопилля Тита Тыминского. Первый из них - румын, второй - украинец.

Император дал согласие на вышеупомянутые предложения, после чего немедленно были приняты соответствующие меры (Прокопович 2003: 14).

Между тем, находясь в Вене, митрополит Владимир вместе с архимандритом Артемоном (Манастырским) и протосингелом Панкратием (Сидоровичем) отслужили 21 июля 1918 г. в румынской православной часовне для румынской колонии благодарственный молебен по случаю возвращения на Буковину мощей св. вмч. Иоанна Нового Сучавского, хранившихся в австрийской столице с осени 1914 г.

25 июля в сопровождении отца Панкратия святые реликвии были отправлены по железной дороге из Вены в Черновцы, а затем, 27 июля, через Милишеуц - в Ицкань, где они находились в церкви Успения Пресвятой Богородицы до 28 июля. В указанный день после литургии мощи св. Иоанна в сопровождении процессии верующих и духовенства во главе с викарием архимандритом Ипполитом (Воробкевичем) были доставлены в монастырскую церковь Св. Георгия в Сучаве (Grigorescu 2003: 128-131).

Окончательное урегулирование вопроса с церковным руководством на Буковине принесло императорское постановление от 21 августа 1918 г. на основе отчета министра вероисповеданий и образования Г. фон Мадейского-Порая. Митрополит Владимир (Репта) был уволен с должности, однако ему были оставлены титул и доходы, которые он получал до тех пор (Прокопович 2003: 15).

В циркуляре от 8 (21) августа 1918 г. за № 219 указывалось, что и. к. президиум определился на основании распоряжения ц. к. Министерства культов и просвещения от 20 июля 1918 г. (ч. 1936) о реорганизации и обновлении архиепископской консистории. А именно, согласно распоряжению императора от 14 июля, приказывает в архиепископской консистории в Черновцах поставить двух консисторских архимандритов и одного протопресвитера церкви Св. Николая с рангом консисторского архипресвитера как протопресвитера кафедральной церкви. В целом состав консистории должен был включать двух консисторских архимандритов в качестве заместителей епископа, протопресвитера кафедральной церкви, протопресвитера церкви Св. Николая, четырех платных консисторских советников, двух почетных заседателей.

При этом один консисторский архимандрит, протопресвитер церкви Св. Николая и два консисторских советника должны быть украинцами.

Греко-православный консисторский архимандрит Артемон Манастырский и надворный советник Евсей Попович отправлялись на пенсию. Из Буковинского православного религиозного фонда им было определено годовое пенсионное содержание: первому – 12 500 крон, второму – 15 000 крон.

Император повелел назначить консисторскими архимандритами настоятеля монастыря Драгомирна архимандрита-старофора Ипполита Воробкевича и приходского священника села Довгопилля Тита Тыминского. Циркуляр президиума подписал митрополит Владимир (Foia Ordinăciunilor 1918: 5-6).

18 (31) августа 1918 г. из Вены за подписью митрополита Владимира (Репты) поступил еще один циркуляр, в котором содержался призыв президиума и.к. правительства по оповещению 1 сентября Министерством продовольствия населения, чтобы оно сдавало на военные нужды молоко и хлеб (Foia Ordinăciunilor 1918: 7). Следующие циркуляры для Буковинской архиепархии подписывали уже ее новые руководители – И. Воробкевич и Т. Тыминский, поскольку митрополит, а с ним и вся консистория решились внести прошение о своем освобождении и выдаче им пенсии (Добржанський, Старик 2009: 141).

Новоименованные консисторские архимандриты имели одинаковые права: Тыминский заведовал украинскими приходами, а Воробкевич – румынскими. Один объявил конкурс на должности украинских советников, второй – румынских. Решения должны были принимать совместно. В случаях, где не могли договориться, решение принимала власть. Весть о назначении о. Т. Тыминского консисторским архимандритом украинское сообщество края восприняло с невыразимой радостью. По этому случаю его поздравили Союз украинских буковинских послов, Общество священников и другие общества и частные лица (Добржанський, Старик 2009: 141-142).

1 сентября на крестьянских сходах в Раранче и Топоривцах, собранных украинским депутатом австрийского парламента И. Семакой по вопросу ратификации Брестского мирного договора между Украиной и Австро-Венгрией, парламентарий проинформировал о состоянии церковного вопроса на Буковине и назначении консисторским архимандритом о. Тита Тыминского, священника из Довгопилля, об определении равного числа советников – украинцев и румын в консистории, а также о выделении для православных украинцев города Черновцы церкви Св. Николая. На собраниях также выступили местные священники Симигинович и Арийчук.

Оба веча высказались за скорейшую ратификацию Брестского мирного договора. Кроме того, вече, которое собралось в Топоривцах,

потребовало, чтобы кафедральная церковь в Черновцах также была предназначена как для румын, так и украинцев и чтобы в ней попеременно отправлялись службы в одно воскресенье по-славянски, а во второе - по-румынски.

5 сентября в Черновцах в помещении Православной академии состоялся съезд украинского православного духовенства Буковины (более 50 клириков), участники которого поздравили новоименованного консисторского архимандрита Т. Тыминского, выразили удовлетворение относительно паритета православных украинцев в будущей консистории и потребовали создания параллельных украинских кафедр на теологическом факультете Черновицкого университета (Добржанський, Старик 2009: 146-148).

1 (14) сентября циркуляром за №224 администратор Буковинской православно-восточной архиепархии архимандрит-ставрофор Ипполит (Воробкевич) огласил духовенству, что он по распоряжению Министерства культов и образования принял «в Вене дня 7 сентября н.с. с.г. акты, относящиеся к консистории» и с сегодняшнего дня начинает свое управление (Foia Ordinăciunilor 1918: 11).

6 (19) сентября в Черновцах за подписью И. Воробкевича и Т. Тыминского вышел циркуляр об объявлении конкурса на замещение должностей в румынской и украинской частях Буковинской консистории (Добржанський, Старик 2009: 153-154).

Между тем в Черновцы вернулся отправленный на пенсию митрополит Владимир (Репта). Поселился он с разрешения австрийских властей в митрополичьей резиденции. Поздравить архипастыря во владычий дворец прибыла делегация румынского духовенства, в составе которой находились также священники русофилы Е. Козак и К. Богатырец (Ткачук 1956: 741; Добржанський, Старик 2009: 149).

12 (25) сентября в архиепископской часовне митрополит Владимир возвел отцов Ипполита (Воробкевича) и Тарасия (Тыминского) в сан консисторских архимандритов. При этом оба получили митры и жезлы.

После посвящения консисторские архимандриты обратились 14 сентября к клирикам и верующим Буковинской архиепархии с циркуляром, в котором сообщили о своем возведении в сан архимандритов-митрофоров: «Подавая это к сведению православных братьев наших духовных и мирян народности румынской и украинской, особенно просим их, чтобы дали тоже всякую помощь моральную и реальную в сих необычно тяжелых временах, в которых теперь находится наша святая церковь и дорогая общая нам всем отчизна. Пусть соединятся, пусть откажутся сами себя и самые вознесутся до высоты звания своей степени во всяком виде хорошим примером

заранее, научая молодежь и наставляя старших, чтобы читали законы и любили родину и императора и чтобы молились из глубины сердца за победу над врагами нашими и за почетный мир» (Добржанський, Старик 2009: 152-153, 157).

Оценивая правительственные нововведения в деле управления православной церковью на Буковине, немецкий историк Э. Прокопович справедливо отмечал, что они «отвечали многолетнему желанию украинцев, однако вызвали острейшее сопротивление среди румын, поскольку те потеряли ведущую позицию в руководстве церковью». По словам исследователя, это дало новый повод румынским политикам и интеллектуалам тайно представить «несправедливое увольнение с должности румынского митрополита как новое доказательство враждебного отношения австрийской власти к румынам» (Прокопович 2003: 15).

Междутем судьба Австрии была уже решена, а ее распад был лишь вопросом времени. В среде румынского и украинского сообществ края появились тенденции к национальному самоопределению. Большая часть румынских парламентариев от Буковины высказывалась за создание самостоятельного румынского государства как члена создаваемой Австрийской Федерации, причем в нее должна была входить часть Буковины южнее Прута, включая Черновцы (Добржанський, Старик 2009: 170). Однако центробежные тенденции усиливались, и императорский манифест от 16 октября 1918 г., которым народам Австро-Венгрии было предоставлено право создавать свои национальные образования в рамках Австрийского союзного государства, уже не мог спасти ситуацию (Прокопович 2003: 28-30; Добржанський, Старик 2009: 172).

6 (19) октября на собрании румынских эмигрантов из Австро-Венгрии в Яссах была принята декларация об отклонении идеи федерализации монархии Габсбургов, и взят курс на объединение Буковины и Трансильвании с Румынией. 14 (27) октября 1918 г. в Черновцах состоялось народное собрание буковинских румын, провозгласившее себя учредительным собранием (Конституантой). Оно избрало Румынский национальный совет во главе с исполнительным комитетом под руководством крупного землевладельца д-ра Янку фон Флондора (История Румынии 2006: 504; Добржанський, Старик 2009: 205-207).

25 октября в Черновцах был образован Украинский краевой комитет во главе с депутатом сейма О. Поповичем (Ботушанський 2009: 153; Добржанський, Старик 2009: 204; Буковина 1998: 215). 3 ноября он провел в краевой столице Буковины Украинское народное вече, которое высказалось за присоединение северной части края к Украине (Буковина 1998: 216; Добржанський, Старик 2009: 234; Добржанський, Старик 2008: 293).

6 ноября председатель Украинского краевого комитета О. Попович вместе с представителем демократической части Румынского национального совета А. Ончулом в сопровождении вооруженного отряда приняли власть в краевом управлении от австрийского президента Буковины графа И. Ецдорфа (Попович 1992: 186-188; Ботушанский 2009: 153-154). Но руководили они недолго. Председатель Румынского национального совета Я. Флондор выслал курьера в Яссы с просьбой к Румынии ввести войска на Буковину для восстановления порядка и защиты румынского населения (Nistor 1928: 35; Nistor, 1938: 30-31; Добржанский, Старик 2009: 240-241). Румынский король Фердинанд I принял это предложение и направил на Буковину 8-ю румынскую дивизию под командованием генерала Я. Задика. А после вступления королевских войск 11 (24) ноября в Черновцы и проведения 15 (28) ноября в митрополичьей резиденции Всеобщего конгресса Буковины румынский монарх издал декрет-закон о включении буковинского края в состав Румынского королевства (Богатырец б/г: 167; Cuțui 2011: 56).

Первым делом румынского правления в Буковине было восстановление митрополита Владимира (Репты) в правах по управлению Буковинской митрополией. Вскоре румынское правительство аннулировало расписание конкурсов на места советников консистории и отменило распоряжение австрийского Министерства культов о пропорциональном представительстве украинцев и румын в Буковинской консистории (Богатырец б/г: 167; Foia Ordinăciunilor 1919: 6).

Таким образом, Первая мировая война (1914–1918 гг.) существенно повлияла на положение Буковинской православной церкви и национально-политические ориентиры ее клира. С первых дней объявления войны руководство автономной Буковинско-Далматинской митрополии и подавляющее большинство буковинского приходского духовенства на официальном уровне демонстрировали свою преданность Габсбургам и высказывались в поддержку австрийской политики. Часть православных священников симпатизировала России и Румынии. Наиболее лояльными к Австрии были клирики проукраинской ориентации. Австрийские власти пытались изолировать священников с пророссийскими и прорумынскими взглядами. В частности, большое количество клириков-русофилов было интернировано в лагерь Талергоф.

Во время боевых действий священники, которые остались на Буковине, страдали вместе с населением от произвола солдат воюющих сторон. Тяжелым бременем на православное духовенство и религиозный фонд легли австрийские военные займы. В церквях реквизировались колокола. Многие православные храмы в ходе войны были повреждены. Некоторые из них были разрушены.

Митрополит Буковини и Далмации Владимир (Репта), который во время первой русской оккупации 1914 г. остался в Черновцах и вынужденно сотрудничал с российской администрацией, в 1916 г. был вывезен с консисторией в глубь страны, а летом 1918 г. отправлен на пенсию. Руководство архиепархией по указанию императора взяла на себя новая консистория, которую возглавили украинский и румынский викарные архимандриты, вследствие чего украинцы на короткое время достигли равноправного с румынами положения в церкви. Однако поражение в войне и распад империи Габсбургов привели к обострению борьбы между украинцами и румынами за власть в крае. В результате Буковину аннексировали румынские королевские войска, край был объединен с Румынией, а митрополит Владимир (Репта) вновь возглавил Буковинскую митрополию.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанський 2006 - *Бажанський І.* Війна. Щоденник-хроніка буковинського педагога та письменника (Вашківці, 31.8.1914-29.12.1918/22). Чернівці, 2006.

Богатырец б/г - *Богатырец К.* История Буковинской епархии (машинопись). Б. м., б. г. // Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ.

Ботушанський 2009 - *Ботушанський В.* Місто в період австрійського правління // Чернівці: Історія і сучасність (Ювілейне видання до 600-річчя першої писемної згадки про місто) [Кол. монографія]. В.М. Ботушанський, С.В. Біленкова, О.В. Добржанський та ін. За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці, 2009. С. 79-154.

Буковина 1998 - Буковина: історичний нарис. Чернівці, 1998.

Буковина 2014 - Буковина в роки Першої світової війни 1914–1918. Документи / Упорядкування, коментарі переклад з німецької та російської мови В.М. Ботушанський. Чернівці, 2014.

ДАЧО - Державний архів Чернівецької області (далі - ДАЧО). Ф. 27. Оп. 1. Спр. 136.

Добржанський, Старик 2008 - *Добржанський О., Старик В.* Бажаємо до України! Змагання за українську державність на Буковині у спогадах очевидців (1914-1921 рр.). Одеса, 2008.

Добржанський, Старик 2009 - *Добржанський О., Старик В.* Змагання за українську державність на Буковині (1914-1921 рр.). Документи і матеріали. Чернівці, 2009.

Жуковский 1956 - *Жуковский А.* История Буковины // Буковина – її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітківського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж-Філадельфія-Дітройт, 1956. С. 63-420.

История Румынии 2006 - История Румынии / И. Болован, И.-А. Поп (координаторы) и др. М., 2006.

Попович 1992 - *Попович О.* Відродження Буковини // Буковинський журнал. 1992. Ч. 2-3. С. 166-196.

Прокопович 2003 - *Прокопович Е.* Кінець австрійського панування в Буковині. Чернівці, 2003.

Ткачук 1956 - *Ткачук І.* Церковно-релігійне життя // Буковина – її минуле і сучасне/ під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж-Філадельфія-Дітройт, 1956. С. 724-756.

Шавельский 1954 - *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2.

Bălan 1929 - *Bălan T.* Bucovina în războiul mondial. Cernăuți, 1929.

Cuțui 2011 - *Cuțui A.* Participarea clerului ortodox bucovinean la primul război mondial și unirea romanilor din 1918 // Revista de istorie militară. 2011. Nr. 1-2. P. 52-58.

Diacon 2005 - *Diacon V.* Cronicile Suhei Bucovinene. Iași, 2005. Vol. II.

Foia Ordinăciunilor 1918 - Foia Ordinăciunilor Consistoriului arhiepiscopesc în afacerile Archidiecezei ortodoxe-orientale a Bucovinei. Anul 1918. Cernăuți, 1919.

Foia Ordinăciunilor 1919 - Foia Ordinăciunilor Consistoriului arhiepiscopesc în afacerile Archidiecezei ortodoxe-orientale a Bucovinei. Anul 1919. Cernăuți, 1929.

Grigorescu 2003 - *Grigorescu F.* Sfântul Ioan cel Nou de la Suceava în viața credincioșilor. Suceava, 2003.

Morariu 1922 - *Morariu L.* Ce-a fost odata din trecutul Bucovinei. Cernăuți, 1922.

Nistor 1928 - *Nistor I.* Zece ani de la unire. Cernăuți, 1928.

Nistor 1938 - *Nistor I.* Bucovina sub dominațiunea românească: La 20 de ani de la Unire. Cernăuți, 1938.

References

Bazhanskiy 2006 - *Bazhanskiy I.* Viyna. Schodennik-hronika bukovinskogo pedagoga ta pismennika (Vashkivtsi, 31.8.1914-29.12.1918/22) [War. Journal-Chronicle Bukovynian teacher and writer (Vashkivtsi, 31.8.1914-29.12.1918 / 22)], Chernivtsi, 2006 [in Ukrainian].

Bogatyrets b/g - *Bogatyrets K.* Istoriya Bukovinskoy Eparhii [History of the Diocese of Bukovina] (Mashinopis), B. m., b. g., Potochniy arhiv Chernivetsko-Bukovinskoy Eparhiyi UPTs [in Russian].

Botushans'kiy 2009 - *Botushanskiy V.* Misto v period avstriyskogo pravlinnya [City during the Austrian rule], Chernivtsi: Istorlya i suchasnist (Yuvileyne vidannya do 600-rlchchya pershoyi pisemnoyi zgakki pro mlsto) [Kol. monografiya], V.M. Botushanskiy, S.V. Bilenkova, O.V. Dobrzanskiy ta in. Za zag. red. V.M. Botushanskogo, Chernivtsi, 2009, pp. 79-154 [in Ukrainian].

Bukovina 1998 - *Bukovina: Istorichniy naris* [Bukovina: Historical Review], Chernivtsi, 1998 [in Ukrainian].

Bukovina 2014 - *Bukovina v roki Pershoyi svitovoyi viyny 1914-1918. Dokumenty / Uporyadkuvannya, komentari pereklad z nimetskoyi ta rosiyskoyi*

movi V.M. Botushanskiy [Bukovina during the First World War 1914-1918 Documents], Chernivtsi, 2014 [in Ukrainian].

DACHO – Derzhavniy arhiv Chernivetskoyi oblasti (dali - DACHO) [State Archive of Chernivtsi region (further - DACHO)], f. 27, inv. 1, d. 136 [in Ukrainian].

Dobrzhans'kiy, Starik 2008 – *Dobrzhanskiy O., Staryk V.* Bazhaemo do Ukraini! Zmagannya za ukrayinsku derzhavnist na Bukovini u spogadah ochevidtsiv (1914-1921 gg.) [We wish to Ukraine! Competition for Ukrainian statehood in Bukovina in the memories of (1914-1921 gg.)], Odessa, 2008 [in Ukrainian].

Dobrzhans'kiy, Starik 2009 – *Dobrzhanskiy O., Staryk V.* Zmagannya za ukrayinsku derzhavnist na Bukovini (1914-1921 gg.). Dokumenti i materiali [Competition for Ukrainian statehood in Bukovina (1914-1921 gg.). Documents and Materials], Chernivtsi, 2009 [in Ukrainian].

Zhukovskiy 1956 - *Zhukovskiy A.* Istoriya Bukoviny [History of Bukovina], Bukovina – Yiyi minule i suchasne, pid red. D. Kvitkovskogo, T. Brindzana, A. Zhukovskogo, Parizh-Filyadelfiya-Ditroyt, 1956, pp. 63-420 [in Ukrainian].

Istoriya Rumynii 2006 - *Istoriya Rumynii* [History of Romania], I. Bolovan, I.-A. Pop (koordinatori) i dr., M., 2006 [in Russian].

Popovich 1992 - *Popovich O.* Vidrozhennya Bukoviny [Renaissance Bukovina], Bukovinskiy zhurnal, 1992, ch. 2-3, pp. 166-196 [in Ukrainian].

Prokopovich 2003 - *Prokopovich E.* Kinets avstriyskogo panuvannya v Bukovini [The end of Austrian rule in Bukovina], Chernivtsi, 2003 [in Ukrainian].

Tkachuk 1956 - *Tkachuk I.* Tserkovno-religiyne zhittya [Church and religious life], Bukovina – Yiyi minule i suchasne/ pid red. D. Kvitkovskogo, T. Brindzana, A. Zhukovskogo, Parizh-Filyadelfiya-Ditroyt, 1956, pp. 724-756 [in Ukrainian].

Shavelskiy 1954 - *Shavelskiy G. I.* Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoy armii i flota [Memoirs latter protopresvytera Russkaya army and navy], New York, 1954, vol. 2 [in Russian].

Bălan 1929 - *Bălan T.* Bucovina în războiul mondial [Bucovina in World War], Cernăuți, 1929 [in Romanian].

Cuțui 2011 - *Cuțui A.* Participarea clerului ortodox bucovinean la primul razboi mondial și unirea romanilor din 1918 [Bucovina Orthodox clergy participation in World War I and the union romanilor 1918], Revista de istorie militară, 2011, Nr 1-2, pp. 52-58 [in Romanian].

Diacon 2005 - *Diacon V.* Cronicile Suhei Bucovinene [Chronicles Suhei Bucovina], Iași, 2005, vol. II [in Romanian].

Foia Ordinăciunilor 1918 - Foia Ordinăciunilor Consistoriului arhiepiscopesc în afacerile Archidiecezei ortodoxe-orientale a Bucovinei. Anul 1918 [Piece orders Consistory Orthodox Archbishop Archidiecezei oriental affairs Bukovina. 1918], Cernăuți, 1919 [in Romanian].

Foia Ordinăciunilor 1919 - Foia Ordinăciunilor Consistoriului arhiepiscopesc în afacerile Archidiecezei ortodoxe-orientale a Bucovinei. Anul 1919 [Piece orders Consistory Orthodox Archbishop Archidiecezei oriental affairs Bukovina. 1919], Cernăuți, 1929 [in Romanian].

Grigorescu 2003 - *Grigorescu F.* Sfântul Ioan cel Nou de la Suceava in viața credincioșilor [Saint John the New of Suceava in the lives of believers],

Suceava, 2003 [in Romanian].

Morariu 1922 - *Morariu L.* Ce-a fost odata din trecutul Bucovinei [What was once in the past Bucovina], Cernăuți, 1922 [in Romanian].

Nistor 1928 - *Nistor I.* Zece ani dela unire [Ten years from union], Cernăuți, 1928 [in Romanian].

Nistor 1938 - *Nistor I.* Bucovina sub dominațiunea românească: La 20 de ani de la Unire [Bukovina under Romanian domination: 20 years from Union], Cernăuți, 1938 [in Romanian].

Чучко Михаил Константинович - доктор исторических наук, профессор, и.о. завкафедрой этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

Chuchko Mykhaylo - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

УДК 94(478)"1914"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/3

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА КИШИНЕВСКОЙ ЕПАРХИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей»)

В.А. СОДОЛЬ

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Scopus Author ID 55588230700

SPIN-код: 5577-1050

Авторское резюме

Статья посвящена рассмотрению деятельности духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны. На основе данных официальной церковной печати автор раскрывает мероприятия руководства епархии по мобилизации духовенства на сбор пожертвований для армии, оказанию помощи раненым воинам и поддержке семей мобилизованных в действующие войска лиц. Подробно освещена деятельность Духовного комитета, Духовного лазарета, Бессарабского трудового братства, а также попечительских организаций приходского духовенства. Сделан вывод об активизации патриотических настроений в среде духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Бессарабия, Кишиневская епархия, православие, духовенство, Духовный комитет, Духовный лазарет, Трудовое братство.

Philantropical activities of Clergy of the Archdiocese of Kishinev at the beginning of the WWI (on the "Kishinev diocesan gazette")

V.A. Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107, October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the study of philanthropical activities of clergy of the Archdiocese of Kishinev at 1914. Using a broad data of the official diocesan gazette "Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti" author demonstrates how the Archbishop of Kishinev formed the philanthropical organizations named "Dukhovnyy komitet" ("The Spiritual Comittee"), "Dukhovnyy lazaret" ("The Spiritual hospital") and "Trudovoe bratstvo" ("The Brotherhood of labour").

Keywords: World War I, Basarabia, Archdiocese of Kishinev, Orthodoxy, Clergy, The Spiritual Committee, Dukhovnyy komitet, Dukhovnyy lazaret, Trudovoe bratstvo.

Вопросы участия православного духовенства Кишиневской епархии в Первой мировой войне и сейчас, спустя столетие после ее начала, остаются наименее изученными, но весьма важными. Как восприняли бессарабские священнослужители, монашество и иерархи начало этой мировой бойни? Какую позицию по отношению к Российскому государству они заняли? Какие формы участия в этой войне сочли для себя приемлемыми? Ответы на эти и некоторые другие вопросы (в церковно-монархической трактовке) содержатся в официальном печатном органе Кишиневской епархии – «Кишиневских епархиальных ведомостях» (*далее КЕВ. – В.С.*), которые систематически публиковались, несмотря на перипетии военной поры.

Как известно, официальная часть этого и подобных ему изданий других епархий публиковала документы нормативного характера, исходивших как от монарха, так и от высшего органа по управлению церковью – Святейшего Синода. Это позволяет пролить свет на те задачи, которые были поставлены перед руководством Кишиневской епархии высшей властью. Неофициальная часть этого издания содержала многообразные материалы, отражавшие текущую жизнь духовенства епархии и ее иерархов (рубрика «Епархиальная хроника»), отчеты о деятельности различных структур Епархиального управления и чрезвычайных церковных органов военного периода, тексты выступлений предстоятеля епархии и других иерархов на злободневные темы. Информация именно из этого отдела КЕВ представляется для настоящей публикации наиболее ценной, поскольку позволяет раскрыть жизнь духовенства и верующих епархии в период Первой мировой войны. Несмотря на то, что это официальный источник, и, следовательно, сведения, помещенные в нем, прошли через сито цензоров, подвергшись соответствующей идеологической обработке, использование опубликованных в журнале

данных позволяет восполнить имеющиеся лакуны на историческом полотне Прото-Днестровского междуречья.

Учитывая то, что эта статья является первой попыткой автора осветить заявленные выше вопросы, остановимся на характеристике событий начального периода войны, ограниченного рамками с июля по декабрь 1914 г.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну было близко к сердцу воспринято духовенством Кишиневской епархии. Уже 21 июля 1914 г. *(все даты указаны по юлианскому календарю. – В.С.)* на Соборной площади Кишинева архиепископ Платон огласил манифест Николая II о войне с Германией и совершил там же перед иконой Гербовецкой Богоматери всенародное молебствие о даровании побед российской армии (КЕВ 8: 1325, 1326). Тогда же председатель бессарабской церкви выступил с проповедью «Услышите имате брани и слышание бранем. Зрите, не ужасайтесь», в которой отмечал: «Всякая брань, всякая война – ужас и горе, а эта война – сугубый ужас и сугубое горе, ибо воевать будут христианские народы, люди, верующие во Христа, знающие Его любовь и призыв к любви. ...Забыв завет Небесного Учителя и поправ всякую правду, единственно из материальных экономических расчетов, но прикрываясь выдуманною высокоморальною причиною, немцы устремляются на нас – славян, чтобы уничтожить, стереть нас с лица земли. ...Но стократ благословен наш русский православный народ. Он не сам своею волею вступает в эту войну, а насильно вовлекается в нее. ...Наш народ, увидев то насилие, которому подвергся родственник наш серб, не смог быть безучастным зрителем и сразу заволновался от края до края своей необъятной страны. ...Явно, что в нашем народе так развита душевная чуткость, так он настроен, что достаточно было увидеть ему в беде своего брата, чтобы заволноваться и запротестовать до готовности оказать деятельную помощь. И кто может осудить его за это? ...Когда убивают на твоих глазах человека, твоего брата, неужели ты можешь только смотреть на это и твоя рука не дрогнет, не поднимется на защиту? Вот в чем оправдание этой войны. ...Война эта... не унижает, а возвышает нас, а принесение всего идейного жизни своей во имя высшей святой идеи – “возлюби ближнего своего, как самого себя”» (КЕВ 29: 328-330).

В дальнейшем, согласно установленным традициям, текст царского манифеста по указанию архиепископа Кишиневского Платона был зачитан с амвона во всех храмах епархии в воскресенье, 27 июля, после божественной литургии (КЕВ 24: 325).

Уже само географическое расположение Кишиневской губернии, которая граничила с владениями Австро-Венгрии (противни-

ка Российской империи) обусловило использование ее территории во всевозможных военных целях: прежде всего, через Бессарабию должны были следовать к театру военных действий российские войска; во-вторых, оттуда неизбежно должны были прибывать раненые; в-третьих, здесь должны были располагаться значительные силы армии. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что среди отправлявшихся на фронт солдат значительную часть составляли и прихожане (КЕВ 30: 332). Помимо этого, значительная часть крестьян Бессарабии была призвана в ополчение и таким образом оторвана от полевых работ. В результате возникала задача оказания материальной и духовной помощи семьям ополченцев (КЕВ 28: 327).

Фактически с первых дней мобилизации священники Кишиневской епархии приступили к особому духовному окормлению солдат, призванных в действующую армию. Они исповедывали воинов, осуществляли их приобщение Святых Тайн, совершали торжественные молебствия, благословляли бойцов на войну крестиками и иконками, а грамотных – и Евангелием. В воскресные и праздничные дни возносили на ектениях молитвы с упоминанием имен отбывших из прихода воинов о даровании здоровья и победы, а о павших воинах – заупокойные поименные моления (КЕВ 30: 333).

Для оказания помощи действующей армии, семьям мобилизованных, раненым солдатам и гражданским властям губернии, объявленной на военном положении еще с 18 июля, руководство епархии выступило с инициативами создания временных (на период войны) специальных организаций духовенства.

Первым таким, органом Кишиневской епархии стал Духовный комитет (*далее ДК. – В.С.*), созданный по распоряжению архиепископа Платона (и под его председательством), в составе протоиерея Н. Лашкова, секретаря Духовной консистории В.Г. Решетникова, казначея протоиерея В. Гумы, делопроизводителя священника Е. Козакевича и священника Г. Гловатинского (КЕВ 30: 335). В задачи комитета входило оказание помощи воинам действующей армии и оставшимся в Бессарабии их семьям. Заседания ДК происходили несколько раз в неделю, как правило, в архиерейских покоях здания митрополии. Фактически комитет стал постоянно действующим органом Кишиневской епархии по осуществлению благотворительной деятельности в отношении военнотружущих и их семей.

В дальнейшем важную роль в формировании благотворительных организаций духовенства сыграл состоявшийся 31 июля 1914 г. Съезд благочинных и наблюдателей церковных школ Кишиневской епархии. Он проходил в зале архиерейских покоев митро-

полии под председательством архиепископа Платона и при участии епископа Аккерманского Гавриила. На нем присутствовали все благочинные и уездные наблюдатели церковных школ, кроме представителей четырех церковных округов Хотинского уезда губернии, не приехавших на съезд «по обстоятельствам военного времени» (КЕВ 31: 1331). Собравшиеся обратили внимание на специфику положения дел в губернии, где мобилизация уже была завершена, и предложили приступить к оказанию помощи семьям мобилизованных. Для этого было предложено в каждом приходе создать попечительный совет в составе священника и двух-трех почетных прихожан, который бы собирал в их пользу пожертвования, оказывал материальную помощь и ходатайствовал о направлении сирот воинов на воспитание в монастыри епархии (КЕВ 31: 1333).

Для удовлетворения духовно-нравственных потребностей больных и раненых воинов съезд решил сформировать Духовный отряд, в который предполагалось направить по одному священнику или иеромонаху от каждого церковного округа епархии (КЕВ 31: 1334).

Собравшиеся поддержали учреждение Духовного комитета и высказались за самообложение духовенства епархии в качестве одного из источников денежных средств для его деятельности, а также определили для него и иные финансовые ресурсы. Они также расширили перечень поставленных перед комитетом задач за счет введения в их число оказания помощи семьям плененных и пострадавших от войны церковнослужителей (поскольку ко времени проведения съезда четверо священников пограничных сел Хотинского уезда оказались в плену у австрийской армии, а их семьи столкнулись с тяжелыми материальными условиями) (КЕВ 31: 1335, 1336).

Участники съезда поддержали и предложение руководителя епархии об организации учащимися духовных школ сбора пожертвований вещами и об открытии при них мастерских, в которых «женщины и девушки шили бы из пожертвованного полотна белье для больных и раненых» (КЕВ 31: 1338).

В скором времени, с 3 по 11 августа, состоялись окружные съезды духовенства всей епархии, на которых в большинстве случаев были приняты к исполнению выработанные благочинническим съездом решения (КЕВ 7: 1376).

Так, например, один из таких съездов состоялся 8 августа в с. Калинешты Бельцкого уезда. По утверждению одного из его участников, «...все проникнуто были искренним желанием так или иначе прийти на помощь нашему доблестному воинству, призванному на брань с дерзким и вероломным врагом – немцем, посягнувшим на честь, достоинство и достояние нашего великого и славного оте-

чества – России... Материальные и денежные вопросы прошли на съезде гладко и быстро. Энтузиазм и истинный патриотизм сделали свое дело: каждый готов был дать с себя и рубашку на алтарь отечества в годину испытания» (КЕВ 3: 1399).

Одним из принципиальных решений Съезда благочинных и наблюдателей церковных школ стало формирование Духовного отряда (*далее ДО. – В.С.*) от Кишиневской епархии. Он должен был находиться всецело в ведении ДК, который, после согласования с военно-духовным руководством, направлял бы его членов по месту требования. Еще в ходе заседания присутствовавшие отметили, что каждый пастырь должен стать его членом, «но так как по различным обстоятельствам это неисполнимо, то потому все пастыри должны заменить себя одним избранником, дав ему из своих личных средств вознаграждение за его труды» (КЕВ 31: 1334). Тогда же было определено, что членам отряда будет выплачиваться материальное вознаграждение из средств самообложения приходского духовенства посредством ДК в размере не менее 150 руб. в месяц. При этом за ними и членами их семей сохранялось право на половину казенного жалования или доходов от земли (КЕВ 31 1914: 1334).

Избрание членов Бессарабского ДО происходило на окружных съездах духовенства с 3 по 11 августа в обстановке патриотического подъема. Так, на упоминавшемся выше съезде в с. Калинешты быть командированными в отряд выразили желание 5-6 священнослужителей, и выбор единственного члена ДО от 3-го округа Бельцкого уезда был сделан в результате жребия, который пал на молодого и энергичного священника с. Кухнешты И.П. Байдана (КЕВ 3: 1399).

Уже 14 августа избранные члены Духовного отряда, в составе которого было 30 священнослужителей, съехались в Кишинев. Почти каждый из них, как было предписано Съездом благочинных, имел при себе дароносицу с запасными дарами, облачения, служебник, молитвенник, требник, Евангелие, крест и кадильницу. Некоторым из них (по надобности) выдавались антиминсы (КЕВ 31: 1334). Поскольку в обязанности членов ДО входило не только удовлетворение духовных и религиозных потребностей воинов, но и «посильное облегчение, в экстренных случаях, физических страданий», для них ДК были организованы десятидневные курсы по санитарии и оказанию первой помощи раненым (КЕВ 7: 1377). 22 августа 1914 г. священники Духовного отряда по предложению комитета распределились на четыре группы – в зависимости от мест назначения, согласованных с протопресвитером Военного и морского духовенства Г.И. Шавельским (КЕВ 9: 1462).

Так, в Вильно были направлены священники Я. Гаврилович, Н. Балжаларский, И. Байдан, В. Георгиянов, В. Донос, И. Громиков, М. Сухомлинов, В. Аронов, А. Нагачевский, В. Тучковский, В. Балтага, М. Софронович; в Брест – Н. Мошняга, П. Георгиянов, И. Попеско, Я. Сербов, Ф. Кишка, В. Крупский, А. Беров, И. Макрицкий, П. Здетовецкий, Д. Димов, М. Няга, Г. Ксифти, Г. Секриер, Г. Подгурский, И. Курбет; в Пинск – И. Димитриев; в Бердичев – Г. Жерегий, Г. Загорский (КЕВ 21: 1498, 1499). Три дня спустя члены Бессарабского ДО отправился в места своей новой службы.

О характере деятельности членов отряда позволяет судить письмо Д. Поповича, священника церкви с. Никорены Бельцкого уезда, командированного в распоряжение протопресвитера Военного и морского духовенства и направленного им для обслуживания 118-го запасного военного госпиталя во Львове. В нем автор сообщал, что в госпитале состояли на лечении больные холерой (более 200 чел.), в связи с чем никто из священников до него не соглашался обслуживать этот лазарет. Около четверти из них скончалось, так и не будучи причащены, и были преданы земле без отпевания. Д. Поповичу пришлось налаживать порядок нравственного воздействия как на санитарную команду, так и на больных, совершать водосвятия, раздавать крестики, Евангелия и брошюры, а также приспособить одно из помещений госпиталя для совершения богослужений (КЕВ 1: 1838, 1839).

Помимо этого, члены отряда зачастую служили доверенными лицами и курьерами, перевозившими в действующие части продовольствие, одежду, медикаменты и другие пожертвования, собранные Бессарабским ДК. Такие функции, в частности, выполняли Ф. Кишка, Н. Болбочан, Г. Чепелев и др. (КЕВ 13: 1745; КЕВ 14: 1776).

Важным направлением деятельности бессарабского духовенства в условиях начавшейся войны стало оказание духовной и материальной поддержки воинам действующей армии, удовлетворение их религиозных потребностей.

Так, вечером 24 июля, во время отправки на фронт с Немецкой площади Кишинева Минского и Волынского полков и артиллерийской бригады, архиепископ Платон в сослужении соборного, военного и монашеского духовенства при пении архиерейского хора совершил молебен о даровании победы идущим на брань войскам. В конце молебна Владыка выступил с напутствием солдатам и благословил их в лице генерала Глинского образом Гербовецкой Богоматери (КЕВ 8: 1327).

Аналогичную миссию архиепископ Платон совершил 3 сентября на Соборной площади, где благословил войска образом Спасителя

и окропил их святой водой (КЕВ 9: 1466). 15 ноября он же благословил отходившие на войну три роты 40-го запасного батальона 250 молитвенниками (КЕВ 15: 1832).

Созданный по указанию руководителя епархии Бессарабский ДК с первых дней своего существования инициировал сбор пожертвований от духовенства на военные нужды, публикуя отчеты об использовании поступивших средств на страницах журнала «Кишиневские епархиальные ведомости». В частности, лицам, состоявшим на епархиальной и духовно-учебной службе и получавшим за это жалование, было предложено отчислять ежемесячно в пользу комитета определенный процент (КЕВ 30: 335).

Этот почин был поддержан на упоминавшемся выше Съезде благочинных и уездных наблюдателей церковно-приходских школ, который рекомендовал в качестве источников фонда для пожертвований использовать самообложение духовенства (путем обложения каждой десятины церковной земли на сумму 1 руб./год, а для женских скитов – 50 коп./год), передачу в ведение и распоряжение ДК всей наличной суммы упраздненного Комитета по сбору пожертвований на постройку церквей в беднейших приходах епархии, отчисление из свободных средств каждой приходской церкви, тарелочный сбор после каждого богослужения (при этом, учитывая тяжелые условия жизни населения Хотинского уезда, его духовенство было освобождено от уплаты взносов в пользу ДК) (КЕВ 30: 335; КЕВ 31: 1331, 1338).

Оригинальным способом пополнения средств Духовного комитета стали сборы с лекции архиепископа Платона «Наша Русь в Америке» (предстоятель Кишиневской епархии до своего назначения в Бессарабию в марте 1914 г. являлся архиепископом Алеутским), состоявшейся 28 ноября в Серафимовском епархиальном доме. Чистая выручка от этого мероприятия составила 651 руб. 4 коп., была разделена пополам и направлена в адрес Бессарабского дамского комитета и Бессарабского трудового братства (КЕВ 20: 2010).

Таким путем, согласно отчетам ДК и наших подсчетам, в период с 26 июля по 27 августа 1914 г. поступило 35 976 руб. 22 коп., с конца августа до середины сентября – 14 844 руб. 84 коп., с середины сентября до середины октября – около 30 477 руб., с 17 октября по 14 ноября – 18 703 руб. 39 коп., с 14 ноября 1914 г. по 15 ноября 1914 г. поступило 20 536 руб. 11 коп., что составило в целом за период с июля по ноябрь 1914 г. включительно 120 536 руб. 11 коп. (КЕВ 25: 1402; КЕВ 2: 370-372; КЕВ 26: 419; КЕВ 27: 15-23).

Расходование собранных средств происходило по распоряжению Бессарабского ДК по мере надобности и аккумуляирования средств

в кассе. Так, по опубликованным сведениям, 1 ноября комитет постановил «послать в распоряжение протопресвитера для населения Царства Польского, разоренного войной с немцами, 2 тыс. руб. и в распоряжение генерал-губернатора Галиции – также 2 тыс. рублей для крайне бедствующего населения Галиции» (КЕВ 14: 1775). 3 ноября от Бессарабского ДК было отправлено в действующую армию протопресвитеру Г.И. Шавельскому еще 2 тыс. руб. (КЕВ 14: 1776). 5 ноября члены комитета решили «употребить тысячу рублей на покупку 4 000 аршин теплой материи для работ Трудового братства» (КЕВ 14: 1777). 10 ноября было решено «ассигновать из комитетских сумм 5 000 руб. профессорскому комитету в Киеве на оборудование лазарета при политехническом институте на 100 кроватей, а также 2 000 руб. в пользу бедных галичан» (КЕВ 15: 1830). 18 ноября ДК постановил выдать 3 000 руб. в распоряжение председателю губернской земской управы К.А. Мими «как первую помощь со стороны бессарабского духовенства на содержание питательного пункта в Бродах» (КЕВ 15: 1835). Таким образом, согласно опубликованным данным, лишь за неполный ноябрь месяц по указанию Духовного комитета на различные благотворительные и военные нужды было выделено 17 тыс. руб.

Помимо сбора денежных пожертвований, Бессарабский ДК осуществлял работу по заготовке нательного белья, верхней одежды, швейных материалов, продуктов питания и прочего требовавшегося фронту. Члены комитета неоднократно обращались к лицам, производившим сбор пожертвований, с просьбой «ввиду наступающих уже холодов, а затем имеющей быть зимы, обратить особенное внимание на заготовление для раненных и больных воинов теплых вещей (фуфайки, куртки минтяны, полушубки, рукавицы, шерстяные чулки, портянки, байковые рубахи, башлыки и вообще материалы для теплых вещей)» (КЕВ 23: 375; КЕВ 6: 407, 408).

Однако духовенство Кишиневской епархии не удовлетворялось одной лишь ролью сборщика и распределителя пожертвований. Важным делом, предпринятым руководством епархии, стала организация в бывшем певческом помещении митрополии Бессарабского трудового братства в целях «приготовления теплого белья и нужных вещей для воинов в холодное время». При этом Владыка призывал не стесняться «приглашения и евреев, ибо одинаково зрит Бог на делающих добро» (КЕВ 13: 1745). 5 ноября под председательством члена ДК Н. Лашкова состоялось предварительное учредительное собрание Бессарабского трудового братства портных монастырей и города Кишинева. В нем участвовали более ста портных, преимущественно евреев, в тот же день взявшихся за нитки и иголки (КЕВ

14: 1777). Чтобы обеспечить это предприятие необходимым сырьем, священникам предлагалось «обратиться к своим прихожанам с убедительнейшею просьбою жертвовать дубленые барашковые и овечьи шкурки на изготовление полушубков» (КЕВ 18: 411).

Поступавшие на склад комитета вещи складывались в узелки (для каждого воина отдельно), в которых были, как правило, рубаха, кальсоны, полотенце, портянки или чулки, носовой платок, Евангелие, молитвенник и крестик.

Расходование собранного и произведенного осуществлялось, как и в случае с денежными взносами, по распоряжению самого Бессарабского ДК. Одно из первых указаний было сделано в конце августа, когда гостившему в Кишиневе митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану было передано для нужд лазарета при Киево-Печерской лавре 50 пудов полотна (КЕВ 19: 1423).

18 сентября архиепископ Платон распорядился послать в действующую армию 10 000 смен белья (КЕВ 11: 1545). В октябре комитет послал через священника Ф. Кишку в действующую армию 150 полных смен белья, 250 молитвенников и 200 крестиков, а с помощью священника Н. Болбочана для 249-го Дунайского полка – 250 молитвенников и меховую шубу. Тогда же было решено отправить солдатам в окопы уже третью партию продуктов и вещей, купив для воинов на тысячу рублей сахар, чай, вино, соль, ложки, нитки и иголки, папиросы и проч. (КЕВ 13: 1745). Используя в качестве курьеров и офицеров, отбывавших на фронт, Бессарабский ДК для 1-й бригады 63-й дивизии через старшего унтер-офицера И. Пантелеева направил 250 молитвенников, 10 фуфаек, 10 теплых рубах, 10 таких же кальсон, полотенце, чулок, шапок, перчаток; а в 3-ю батарею 14-й артиллерийской бригады через подпрапорщика С. Гопаша – 180 полных смен белья, 3 ящика с продуктами, 250 молитвенников, 5 000 папирос, 3 бутылки коньяка, 2 т орехов (КЕВ 13: 1747).

В ноябре комитет отправил в действующую армию протопресвитеру Г.И. Шавельскому вагон продуктов и белья для воинов весом в 500 пудов в сопровождении священника Г. Чепелева. В составе этого груза было 4 000 смен белья, 100 пудов сахара, 100 фунтов чая, 100 пудов сала, 10 000 листов, 100 000 папирос, 1 000 крашенных ложек, 10 000 иголок с нитками и др. (КЕВ 14: 1776). Затем в середине месяца в ставку Верховного Главнокомандующего на имя протопресвитера были вновь отправлены два вагона с бельем, теплыми вещами и продуктами для воинов (КЕВ 154: 1831). На исходе ноября ДК послал в действующую армию в Привислянский край 75 рубах, 100 пар чулок, 150 смен белья, перчатки, подушку; а для 14-й

артиллерийской бригады – 100 теплых рубах, 100 таких же кальсон, 100 полотенец, 100 рукавиц, 100 пар чулок, 100 пар портянок (КЕВ 15: 1838).

Следует отметить, что подобные «посылки» всегда находили добрый отклик среди военных: нередкими были телеграммы, в которых офицеры от имени своих солдат благодарили бессарабское духовенство за проявленную им заботу. Например, 24 ноября из Больберау Лифляндской губернии полковник Александров телеграфировал: «Глубоко тронут вашими заботами, Владыка, о нижних чинах вверенного мне полка; приношу Вам искреннюю благодарность за присылку теплых вещей» (КЕВ 16: 1864).

Еще одним направлением благотворительной деятельности духовенства Кишиневской епархии стало создание лазаретов для раненых. В первые же дни после вступления России в войну Кишиневская духовная консистория поставила задачу «открыть в Кишиневе при духовно-учебных заведениях два лазарета для раненых воинов, на возможно большее число коек, привлечь лиц, состоящих на епархиальной службе, членов их семейств и других сочувствующих особ к... приготовлению для лазаретов перевязочных средств, приобретению лекарств, необходимого белья и других вещей» (КЕВ 30: 335). 31 июля Съезд благочинных постановил открыть в помещениях духовно-учебных заведений Кишинева два лазарета на 100 коек (КЕВ 5: 354, 355). Спустя месяц, к 4 сентября, Духовный комитет констатировал, что семинарское здание окончательно приспособлено под лазарет на 100 коек и готово к приему раненых (КЕВ 10: 1508). А спустя неделю, 12 сентября, архиепископ Платон совершил в нем водосвятный молебен, обошел все помещения (спальни, приемную, склады, операционную, кабинет врачей и др.) и окропил их святой водой (КЕВ 11: 1542). На следующий же день Бессарабский ДК назначил нужный для лазарета штат служащих (в частности, старшим врачом стал Ф.Ф. Чорба, заведующей – А.П. Васильева), распорядился об открытии кухни, прачечной и др. (КЕВ 11: 1544).

Первую партию раненых Духовный лазарет принял уже 22 сентября 1914 г. В этот день санитарный поезд доставил из Киева 225 больных и раненных воинов-бессарабцев в сопровождении фрейлины Н.П. Лишиной (в качестве сестры милосердия), члена Госдумы протоиерея Н. Гепецкого и санитарного отряда. Раненых встречали архиепископ Платон, бессарабский губернатор М.Э. Гильхен, военные власти, духовенство, Духовный комитет, войска и городское население (КЕВ 12: 1573).

Новая партия раненых из разных губерний и Сибири в количестве 107 чел. (из них тяжелораненых – 40 чел.) прибыла и была раз-

мещена в Духовном лазарете 27 ноября. Как и в сентябре, раненых еще на вокзале встречали члены комитета и участники Епархиального съезда духовенства, во главе с председателем протоиереем А. Балтагой (КЕВ 16: 1866).

Восстанавливающих свое здоровье раненых в лазарете нередко посещал архиепископ Платон, который подолгу беседовал с воинами, благословлял их молитвенниками и крестами. Например, на второй день Рождества, 26 декабря 1914 г., Владыка поздравил выздоравливавших с праздниками, принес и раздал всем им подарки, побеседовал с ними о войне, их жизни и лечении в лазарете (КЕВ 17: 46).

Обращаясь после чтения царского манифеста от 20 июля 1914 г. к собравшимся на Соборной площади в Кишиневе, архиепископ Платон обратил внимание на то, что мобилизация охватила значительное число лиц, вследствие чего остались без кормильцев их жены и дети (а впоследствии, возможно, вдовы и сироты). Поэтому одной из насущных задач, стоявших перед духовенством епархии, стала организация материальной помощи семьям мобилизованных. Он рекомендовал приходским священникам вместе с двумя или тремя почетными гражданами сформировать на местах попечительные советы, которые бы оказывали таким семьям всевозможную поддержку (КЕВ 31: 1333).

Следует отметить, что подобные советы стали появляться в бессарабских селах и до указаний свыше. Так, священник Ф. Каминский, помещик Б.В. Бутми де Кацман и учитель И. Витковский по собственной инициативе организовали в с. Плопь-Траистены Сорокского уезда «Комитет по оказанию помощи семействам запасных». Члены комитета, местные землевладельцы-дворяне Б.В. Бутми де Кацман и И.А. Барановский изъявили согласие жертвовать в его распоряжение до окончания войны соответственно по 100 и 60 пудов пшеницы ежемесячно. Пожертвования в пользу комитета делали и зажиточные крестьяне. Уже в августе из средств этой организации получили продовольственную помощь от 1 до 6 пудов 63 крестьянских семейства (КЕВ 4: 1569, 1570).

Аналогичное по своим целям общество было создано в конце июля в с. Казанешты на волостном сходе. Оно получило название «Попечительство по призрению семейств нижних воинских чинов в военное время», а председателем его был избран священник с. Негурены Оргеевского уезда Л.Г. Попеско (КЕВ 22: 1820).

Таким образом, мы видим, что на начальном этапе Первой мировой войны духовенство Кишиневской епархии, начиная с приходских священников и монахов и заканчивая архиепископом, за-

няло горячую патриотическую позицию. Уже в первые дни после объявления о вступлении России в войну духовенство Бессарабской церкви провело большую и плодотворную работу по организации чрезвычайных благотворительных организаций как в епархиальном центре, так и в приходах. Роль мобилизующего ресурсы епархии и руководящего центра принадлежала, безусловно, Бессарабскому духовному комитету под руководством вновь назначенного на Кишиневскую кафедру архиепископа Платона. В течение второго полугодия 1914 г. этому органу удалось собрать огромные пожертвования (как денежными средствами, так и натурой) и эффективно ими распорядиться. Заслугой комитета, несомненно, стала организация на базе Кишиневской духовной семинарии лазарета для раненых солдат и основание Бессарабского трудового братства для производства теплой одежды для военнослужащих. Помимо оказания материальной поддержки воинам действующей армии и их семьям на территории епархии, духовенство Бессарабии постоянно удовлетворяло и растущие духовные и религиозные потребности как военных, так гражданских лиц на территории губернии и за ее пределами путем создания Бессарабского духовного отряда священнослужителей и осуществления массовых молений, крестных ходов и иных религиозных обрядов в населенных пунктах епархии. В целом задачи, поставленные перед духовенством Кишиневской епархии Святейшим Синодом и архиепископом Платоном, на рассмотренный период времени были успешно выполнены.

ЛИТЕРАТУРА

КЕВ 1 – Архипастырская похвала // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 47. С. 1838-1839.

КЕВ 2 – Благочинный 5 округа Хотинского уезда // КЕВ / ред. Решетников В. 1914, № 37. С. 370-372.

КЕВ 3 – *Болтян И.* Отголосок войны // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 34-35. С. 1399-1400.

КЕВ 4 – *Витковский И.* Из местной хроники // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 39. С. 1569-1570.

КЕВ 5 – Высочайшая благодарность // КЕВ / ред. Решетников В. 1914, № 34-35. С. 354-356.

КЕВ 6 – *Гума В.* Дорогие братья бессарабцы! // КЕВ / ред. Решетников В. 1914, № 44. С. 407-408.

КЕВ 7 – Духовный отряд у архиепископа Платона // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 34-35. С. 1375-1379.

КЕВ 8 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 31. С. 1324 – 1330.

- КЕВ 9 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 36. С. 1460-1467.
- КЕВ 10 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 37. С. 1508-1509.
- КЕВ 11 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 38. С. 1542-1546.
- КЕВ 12 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 39. С. 1571-1574.
- КЕВ 13 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 44. С. 1745-1749.
- КЕВ 14 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 45. С. 1775-1778.
- КЕВ 15 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 47. С. 1829-1838.
- КЕВ 16 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 48. С. 1864-1867.
- КЕВ 17 – Епархиальная хроника // КЕВ / ред. Решетников В. 1915. № 1-2. С. 42-48.
- КЕВ 18 – К духовенству Кишиневской епархии // КЕВ / ред. Решетников В. 1914, № 45. С. 411.
- КЕВ 19 – *Курдиновский В.* Посещение г. Кишинева Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Флавианом, митрополитом Киевским и Галицким // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 36. С. 1414-1431.
- КЕВ 20 – *Лашков Н., Леонард Е.* Отчет по приходу и расходу денег с лекции Высокопреосвященнейшего Платона, архиепископа Кишиневского и Хотинского // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 51-52. С. 2009-2010.
- КЕВ 21 – *Мошняга Н.* Пребывание Бессарабского духовного отряда в Кишиневе и отъезд его к местам назначения // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 37. С. 1497- 1507.
- КЕВ 22 – *Мырза Е.* Памяти священника села Негурен Оргеевского уезда Льва Григорьева Попеско // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 47. С. 1818-1822.
- КЕВ 23 – От Духовного комитета // КЕВ / ред. Решетников В. 1914, № 38. С. 375.
- КЕВ 24 – От Кишиневской духовной консистории // КЕВ / ред. Решетников В. 1914, № 29-30. С. 325
- КЕВ 25 – Отчет Духовного комитета по приходу и расходу пожертвований на военные нужды // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914. № 34-35. С. 1402-1405.
- КЕВ 26 – Отчет Духовного комитета по приходу и расходу пожертвований на военные нужды // КЕВ / ред. Решетников В. 1914. № 46. С. 414-419.
- КЕВ 27 – Отчет Духовного комитета по приходу и расходу пожертвований на военные нужды // КЕВ / ред. Решетников В. 1915. № 3. С. 15-25.
- КЕВ 28 – *Платон, архиепископ.* Боголюбезным отцам пастырям Бессарабской земли // КЕВ / ред. Решетников В. 1914. № 29-30. С. 327-328
- КЕВ 29 – *Платон, архиепископ.* «Услышите имати брани и слышание

бранем. Зрите, не ужасайтесь» // КЕВ / ред. Решетников В. 1914. № 29-30. С. 328 - 331

КЕВ 30 – Согласно распоряжению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего архиепископа Платона, Кишиневская духовная консистория к неукоснительному исполнению предлагает духовенству Бессарабской епархии нижеследующее // КЕВ / ред. Решетников В. 1914, № 29-30. С. 332-336.

КЕВ 31 – Съезд о.о. благочинных и наблюдателей церковных школ Кишиневской епархии 31 июля 1914 года // КЕВ / ред. Курдиновский В. 1914, № 32-33. С.1331-1339.

References

KEV 1 – Arkhipastyrskaya pokhvala [A praise from Archbishop], Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti [Diocesan gazette of Kishinev] (KEV), red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 47, pp. 1838-1839 [in Russian].

KEV 2 – Blagochinnyy 5 okruga Khotinskogo uезда [A priest from the Khotin region], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 37, pp. 370-372 [in Russian].

KEV 3 – *Boltyan I.* Otgososok voyny [A War's echo], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 34-35, pp. 1399-1400 [in Russian].

KEV 4 – *Vitkovskiy I.* Iz mestnoy khroniki [A Brief of the region's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 39, pp. 1569-1570 [in Russian].

KEV 5 – *Vysochayshaya blagodarnost'* [A Praise from the Emperor], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 34-35, pp. 354-356 [in Russian].

KEV 6 – *Guma V.* Dorogie brat'ya Bessarabtsy [To Basarabia's people], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 44, pp. 407-408 [in Russian].

KEV 7 – *Dukhovnyy otryad u Arkhiepiskopa Platona* [The Spiritual vanguard on Archbishop's audience], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 34-35, pp. 1375-1379 [in Russian].

KEV 8 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 31, pp. 1324 – 1330 [in Russian].

KEV 9 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 36, pp. 1460-1467 [in Russian].

KEV 10 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 37, pp 1508-1509 [in Russian].

KEV 11 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 38, pp. 1542-1546 [in Russian].

KEV 12 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 39, pp. 1571-1574 [in Russian].

KEV 13 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 44, pp. 1745-1749 [in Russian].

KEV 14 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 45, pp. 1775-1778 [in Russian].

KEV 15 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 47, pp. 1829-1838 [in Russian].

KEV 16 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red.

Kurdivovskiy V. 1914, Nr 48, pp. 1864-1867 [in Russian].

KEV 17 – Eparkhial'naya khronika [Archdiocese's latest news], KEV, red. Reshetnikov V. 1915, Nr 1-2, pp. 42-48 [in Russian].

KEV 18 – K dukhovenstvu Kishinevskoy eparkhii [To the clergy of the Archdiocese of Kishinev], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 45, p. 411 [in Russian].

KEV 19 – *Kurdivovskiy V.* Poseshchenie g. Kishineva Ego Vysokopreosvyashchenstvom, Vysokopreosvyashchenneyshim Flavianom, mitropolitom Kievskim i Galitskim [Flavian, the Metropolitan of Kiev and Galich visits Kishinev], KEV, red. Kurdivovskiy V. 1914, Nr 36, pp. 1414-1431 [in Russian].

KEV 20 – *Lashkov N., Leonard E.* Otchet po prikходу i raskhodu deneg s lektsii Vysokopreosvyashchenneyshego Platona, Arkhiepiskopa Kishinevskogo i Khotinskogo [Financial report about Archbishop's lecture], KEV, red. Kurdivovskiy V. 1914, Nr 51-52, pp. 2009-2010 [in Russian].

KEV 21 – *Moshnyaga N.* Prebyvanie Bessarabskogo dukhovnogo otryada v Kishineve i ot"ezd ego k mestam naznacheniya [The Basarabian Spiritual vanguard visits Kishinev], KEV, red. Kurdivovskiy V. 1914, Nr 37, pp. 1497- 1507 [in Russian].

KEV 22 – *Myrza E.* Pamyati svyashchennika sela Neguren Orgeevskogo uезда L'va Grigor'eva Popesko [In the memory of Priest L.G., popesco], KEV, red. Kurdivovskiy V. 1914, Nr 476, pp. 1818-1822.

KEV 23 – Ot Dukhovnogo komiteta [From the Basarabian Spiritual Committee], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 38, p. 375 [in Russian].

KEV 24 – Ot Kishinevskoy dukhovnoy konsistorii [From Consistory of Kishinev], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 29-30, p. 325 [in Russian].

KEV 25 – Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу i raskhodu pozhertvovaniy na voennye nuzhdy [The Spiritual Committee's financial report], KEV, red. Kurdivovskiy V. 1914, Nr 34-35, pp. 1402-1405 [in Russian].

KEV 26 – Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу i raskhodu pozhertvovaniy na voennye nuzhdy [The Spiritual Committee's financial report], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 46, pp. 414-419 [in Russian].

KEV 27 – Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу i raskhodu pozhertvovaniy na voennye nuzhdy [The Spiritual Committee's financial report], KEV, red. Reshetnikov V. 1915, Nr 3, pp. 15-25 [in Russian].

KEV 28 – *Platon, arkhiepiskop.* Bogolyubezhnym ottsam pastyryam Bessarabskoy zemli [A Message to Basarabia's priests from the Archbishop of Kishinev], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 29-30, pp. 327-328 [in Russian].

KEV 29 – *Platon, arkhiepiskop.* "Uslyshite imati brani i slyshanie branem. Zrite, ne uzhasaytes'" [A Message to Basarabia's people from the Archbishop of Kishinev], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 29-30, pp. 328-331 [in Russian].

KEV 30 – Soglasno rasporyazheniyu Ego Vysokopreosvyashchenstva, Vysokopreosvyashchenneyshego arkhiepiskopa Platona, Kishinevskaya dukhovnaya konsistoriya k neukosnitel'nomu ispolneniyu predlaget dukhovenstvu Bessarabskoy eparkhii nizhesleduyushchee [Archbishop's of Kishinev orders to priests], KEV, red. Reshetnikov V. 1914, Nr 29-30, pp. 332-336 [in Russian].

KEV 31 – S"ezd o.o. blagochinnykh i nablyudateley tserkovnykh shkol Kishinevskoy eparkhii 31 iyulya 1914 goda [Congress of priests of the Archdiocese of Kishinev on July, 31 1914], KEV, red. Kurdinovskiy V. 1914, Nr 32-33, pp.1331-1339 [in Russian].

Содоль Вячеслав Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Sodol' Veacheslav - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Managment of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

E-mail: sodol-slav@yandex.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/4

БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС ПО ИТОГАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.А. Бойко

E-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359163200

Авторское резюме

Среди итогов Первой мировой войны числится и т. н. бессарабский вопрос - проблема взаимоотношений Советской России (затем СССР) и королевской Румынии, вызванных вооруженным захватом Бессарабии в 1918 г.

Период существования этого вопроса (1918-1940 гг.) был насыщен рядом заметных событий, которые свидетельствовали о непризнании советской стороной акта аннексии части её территории: это румынско-советское соглашение от 5-9 марта 1918 г., обязывавшее Румынию вывести свои войска и администрацию в течение двух месяцев, Варшавская (1921 г.), Венская (1924 г.) советско-румынские конференции.

Отстаивая свои права на Бессарабию, Румыния в качестве довода выставляла решения самозванного Краевого Совета – Сфатул Цэрий об условном (9 апреля 1918 г.) и безусловном (10 декабря 1918 г.) присоединении Бессарабии к Румынии, а также Парижский протокол (28 октября 1920 г.), подписанный лишь четырьмя государствами – Францией, Великобританией, Италией и Японией, который так и не обрел силу правового акта, поскольку не был ратифицирован Японией.

Бессарабский вопрос был разрешен мирным путем 28 июня 1940 г. в результате обмена нотами между СССР и королевской Румынией.

Ключевые слова: Бессарабия, Советская Россия, СССР, королевская Румыния.

Bessarabian question in the outcome of the WWI

P.A. Boiko

E-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Abstract

In the outcome of the First World War Bessarabian issue reappeared as the problem of relations of Soviet Russia (later the Soviet Union) and the Royal Romania caused

by armed seizure of Romanian army in 1918 the territory of its ally of the Entente, Bessarabia.

The period of existence of the issue on the international stage (1918-1940) was marked with a number of notable events that indicated the non-recognition by Soviet Union the Act of Annex of Bessarabia by Romania and namely, Soviet Agreement from 5-9 March 1918, with the commitment of Romania to withdraw its troops and administration within 2 months, Warsaw and Vienna Soviet-Romanian Conference on Bessarabian issue etc.

Defending their rights to Bessarabia, Romania provided as an argument the decision of the self-constituted Sfatul Tarii (the Provincial Council) of a conditional (April 9, 1914) and unconditional (December 10, 1915) annex of Bessarabia to Romania, as well as the Paris Protocol (October 28, 1920), signed by the four countries (Britain, France, Italy and Japan), which hadn't full force and effect, because it was not ratified by Japan.

Bessarabian issue was resolved peacefully on October 29, 1940, as a result of the exchange of covenants between the USSR and Romania.

Keywords: Bessarabia, Soviet Russia, USSR, Royal Roman.

Бессарабский вопрос – это общепринятое условное обозначение взаимоотношений между Советской Россией (затем Советским Союзом) и королевской Румынией, вызванных захватом советской территории, совершенным румынскими правящими кругами в начале 1918 г., т. е. в условиях Первой мировой войны. Однако этот вопрос, который касался исключительно СССР и Румынии, усилиями западных стран из проблемы взаимоотношений двух государств был превращен в крупную международную проблему, выходящую даже за пределы интересов стран Европейского континента.

Представляется целесообразным кратко изложить предысторию бессарабского вопроса, для того чтобы реальнее понять его существование в период 1918-1940 гг.

Согласно Бухарестскому мирному договору по результатам русско-турецкой войны 1806-1812 гг., подписанному 16 (28) мая 1812 г., к России было присоединено междуречье Днестра и Прута (восточная часть Молдавского княжества, названная в 1813 г. Бессарабией). Территория Молдавского княжества, расположенная между Прутом и Карпатами, осталась в составе Османской империи (Россия 1968: 240).

Ни подписавшие договор державы, ни мировое сообщество не выдвигали каких-либо требований по его пересмотру. Никто не ставил под сомнение права России на Пруто-Днестровскую территорию.

Впервые бессарабский вопрос был затронут в 1856 г. Россия в 1853 г. начала очередную русско-турецкую войну, спровоцированную

ную европейскими державами, прежде всего, Англией – ее извечным врагом. Ставшие на сторону Турции Англия, Франция и Сардиния объединились в коалицию, перенесли военные действия с Балкан на территорию России, в Крым (война получила название Крымской (1853-1856 гг.) и одержали победу. Итоги были подведены на международном конгрессе в Париже. По Парижскому мирному договору 1856 г. поставленная на колени Россия лишалась права содержать военный фронт в Черном море и потеряла право покровительства христианскому населению Османской империи (Краткая история 1978: 256-259). И, пожалуй, самое главное, Турция потребовала возвращения территории Бессарабии, что означало денонсацию Бухарестского мирного договора 1812 г. Естественно, европейские державы, поглощенные колониальными захватами чужих территорий, позволить себе что-либо подобное боялись из-за возможных непредвиденных прецедентов. Вопрос был разрешен частично – южная часть Бессарабии передавалась Молдавскому княжеству, находившемуся под властью Турции. Таким образом, была нарушена лишь целостность области.

Ее население уже в начале войны, особенно при перемещении русских войск с Балкан в Крым, безропотно прошло через трудные испытания: люди перевозили военное снаряжение, ухаживали за ранеными, выражали солидарность с теми, с кем их разделила граница, установленная в 1856 г. (История МССР 1965: 432-436).

Свидетельство тому – содержание грамоты Александра II от 1856 г., в которой он обращается ко всем сословиям Бессарабской области: «... в продолжение двух лет наши воины находили в ваших домах радушный прием и горячее сочувствие. Своими поступками все вы связали имя свое с торжественнейшими имиджами русской истории и оправдали то сочувствие, которое питает к вам великое Отечество наше. В памяти России останутся неизгладимые ваши усердия и верность, ваша любовь к общему делу...» (Юбилейный сборник 1912).

Став составной частью Молдавского княжества, колонисты юга Бессарабии были осведомлены, что решение Парижского конгресса 1856 г. (ст. 21 договора) гарантировало им права и привилегии, которыми они пользовались при царизме, и покровительство стран-гарантов: Франции, Англии, Австрии, России. Однако молдавское, а затем румынское правительства пошли по пути ущемления этих прав, вызвав нескончаемые жалобы в адрес стран-гарантов. Меры по массовому подавлению недовольства колонистов в 1860-1862 гг. привели к эмиграции около 30 тыс. человек в пределы России (Грек, Русев 2011: 96).

Оправившись от унижений и ограничений, Россия стала единственной державой Европы, способной защитить права православных христиан от угнетения их мусульманами.

Россия вернулась на Балканы в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Турция потерпела поражение и подписала 19 февраля 1878 г. прелиминарный Сан-Стефанский мирный договор. Кроме признания независимости Румынии, Сербии и Черногории, русское правительство в договоре оговорило себе право обмена с Румынией Северной Добруджи, которую уступила Турция России в счет контрибуции, на Южную Бессарабию (История Румынии 1975: 242-244).

Румыния, выразив протест по этому поводу, организовала настоящую дипломатическую войну против своей освободительницы. Перейдя все рамки приличия, она развернула невероятную антирусскую кампанию с надеждой, что участники конгресса поддадутся на ее домогательства и Румыния, обретшая независимость, приобретет Северную Добруджу и сохранит юг Бессарабии (Бойко 2014: 121,122).

Конгресс признал независимость Румынии, но с условием обмена с Россией Южной Бессарабии на Северную Добруджу (Бойко 2014: 121,122).

Таким образом, после очередного обострения восточного вопроса, в котором бессарабский вопрос был разрешен в пользу России, т. е. на условиях Бухарестского мирного договора 1812 г., ее право на Бессарабию не ставилось под сомнение великими европейскими державами. Но только не румынским правительством, которым овладела жажда захвата чужих территорий. Во внешнюю политику этого государства были заложены принципы русофобии. Уже в 1883 г., спустя всего шесть лет после обретения страной независимости, глава правительства воинственный И.К. Брэтиану сумел через Австро-Венгрию вступить в Союз Центральных держав и упорно подстрекал Германию напасть совместно на Россию. Бессарабия не давала покоя. Однако «железный канцлер» отрезвил румынских вояк, указав на их место в Европе (История Румынии 1975: 867).

Первая русская революция (1905-1907 гг.) привела в движение все слои общества Российской империи. С 1905 г. в Бессарабии набирало силу движение за молдавский язык. Власти шли на уступки.

Это явление не ускользнуло от внимания румынского политического класса. Создав культурную Лигу бессарабских румын и развернув ее работу, власти стремились охватить различными антирусскими мероприятиями бессарабцев, находившихся в Румынии. Особый размах антирусская кампания в Румынии получила к 100-летию вхождения Бессарабии в состав России.

Вместе с тем меры, которые предпринимали власти губернии, заявления российской дипломатии не позволяли румынской пропаганде добиться своего на территории Бессарабии (История Румынии 1975: 867).

Охваченное жадой захвата чужих территорий Румынское королевство стремилось воспользоваться любым случаем для удовлетворения своих appetitov.

В октябре 1912 г. началась Первая балканская война между странами антитурецкого Балканского союза (Болгария, Сербия, Греция и Черногория) с одной стороны и Османской империей – с другой. Турция потерпела поражение.

Однако интриги между великими державами привели ко Второй балканской войне. На этот раз Болгария напала на своих бывших союзников. К ним присоединились Румыния и Турция.

Болгария, терпя поражение, запросила мира. Страны-победительницы навязали ей Бухарестский мир, который был заключен 10 августа 1913 г.

По договору Румыния получила Южную Добружу (Бойко, Чинчлей, Веверица 2006: 155). В стране царил радость. Сенат, ратифицируя договор, выразил восхищение по поводу аннексии новой территории, а оппозиция высказала недовольство размером этого приобретения.

Важными последствиями войны были переход Болгарии в стан австро-германского блока и отдаление Румынии от Тройственного союза и сближение с Антантой (История румын 1992: 198).

Сбавился русофобский тон - наступили новые времена. Румыны, ведя переговоры с Антантой и прежде всего со своей соседкой, новым союзником России, вроде бы забыла о Бессарабии. Теперь она начала торг за Буковину.

Чтобы подойти к вопросу о Бессарабии, напомним, что новый член Антанты – Румыния в августе 1916 г. напала на Австро-Венгрию. Однако спустя всего 72 дня она потеряла две трети своей территории. Благодаря открытию Россией Румынского фронта к концу августа 1917 г. линия фронта остановилась по Сирету и флангами по Пруту. Румынское правительство, позорно бежавшее из Бухареста, остановилось в Яссах (История румын 1992: 152) под его защитой. Российские Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в корне изменили ситуацию на Румынском фронте.

Оказавшись лицом к лицу с голодом, холодом и страхом, королевское правительство не стало обращаться к союзникам по Антанте, а прибегло к своей традиционной и излюбленной тактике: оно предало их и переметнулось на сторону врага - австро-германского блока.

26 ноября фактический командующий Румынским фронтом русский генерал Щербачев (главнокомандующим фронтом являлся король Румынии Фердинанд I) подписал от имени Румынии перемирие с командованием австро-германских войск. А 4-9 декабря 1917 г. на Румынском фронте был совершен контрреволюционный переворот, в результате которого преданные Советской власти русские воинские соединения были разоружены либо блокированы (Лазарев 1974: 78).

Румынские планы аннексии территории Австро-Венгрии исчезли, как утренний туман. На повестку дня опять был поставлен вопрос о Бессарабии, тем более что объявились и «помощники». Исторический опыт показывает, что господствующие классы всегда жертвовали всем - религией, свободой, родиной, если речь шла о подавлении революционного движения угнетенных классов.

Именно на такие жертвы пошла национальная молдавская буржуазия 20 декабря 1917 г. На закрытом заседании Сфатул Цэрий, игнорируя решительные протесты крестьянской фракции и других членов, принял решение пригласить в Бессарабию иностранные войска для предотвращения победы революции. 22 декабря Совет генеральных директоров Молдавской Демократической Республики уточнил, кого следует привлечь к наведению «порядка», и обратился к военному министру Румынии с просьбой направить воинские части в Кишинев, чтобы покончить с «беспорядками» и грабежами. Подписанты: председатель Совета генеральных директоров П. Ерхан, генеральный директор иностранных дел И. Пеливан, генеральный директор внутренних дел В. Кристи.

Но Германию не удовлетворяло перемирие. Её дипломаты подготовили прелиминарный мир и ждали удобного случая, чтобы навязать его Румынии (Cugetu: 29).

Румыния, заключив перемирие¹, развернула враждебную деятельность против своего союзника, избрав предметом агрессии Бессарабию. Пробные вылазки были предприняты в начале декабря 1917 г.: румынские войска напали на местечко Леово и ряд близлежащих сел. После совершенных грабежей и расстрела пяти мирных граждан они отошли в Румынию.

В ноте наркома иностранных дел советского правительства от 16 декабря 1917 г. излагалось требование наказать преступные элементы румынского офицерства и бюрократии. Однако это не отрезвило умы «союзников», и они продолжали грабежи, аресты, издевательства над мирным населением. 31 декабря 1917 г. советское правительство в очередной ноте выразило протест против разбойных действий румынской военщины и заявило, что невыполнение

требований повлечет за собой военные меры (Брысякин, Сытная 1969: 20).

Невзирая на предупреждения советского правительства, без объявления о выходе из договора от 4 августа 1916 г. с Антантой, без разрыва дипломатических отношений в начале января 1918 г. румынские войска широким фронтом от Единец до Измаила напали на свою союзницу Россию. 6 января 1918 г. верные революции воинские подразделения разоружили и взяли в плен эшелон трансильванцев - бывших военнопленных австро-венгерской армии, прибывших из Киева для захвата Кишинева с тыла. В то же время в районе станций Корнешты, Страшены и Гидигич румынские войска были разбиты и отброшены на запад.

Однако, подойдя с юга, после трехдневных боев 13 января румыны заняли Кишинев. Революционные формирования отступили в Бендеры.

Совет народных комиссаров 13 января 1918 г. прекратил дипломатические отношения с Румынией. «Покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики», - говорилось в правительственном сообщении (Брысякин, Сытная 1969: 21).

Королевское окружение пренебрежительно отнеслось к решению Совнаркома России о разрыве дипломатических отношений (Афтенюк 1971: 181).

Двинувшиеся через Прут по направлению Бельц румынские войска 22 января были встречены огнем у местечка Фалешты и села Обрежа. 23 января 1917 г. отряды, оборонявшие Бельцы, после жестоких боев вынуждены были отступить. Наступавшие вдоль железной дороги Бельцы-Окница 24 и 25 января встретили сопротивление у станции София и сел Кетрос-Анений, Кэдушита, Болбочь, а 29 января - у станции Дрокия. Но силы были неравными, и революционные отряды отступили к Окнице, а затем отошли в Могилев-Подольский и далее - в глубь Украины (История МССР 1968: 75).

Ожесточенные бои с оккупантами развернулись в конце января - первой половине февраля у Измаила, Килии и Вилкова и близлежащих сел Галилешты, Жебриены, Гиберцены, Нерушай, Золокары. Боевыми действиями защитников устья Дуная руководил комиссар Дунайской флотилии легендарный маршал А. Железняков (История МССР 1968: 82).

В конце января 1918 г. интервенты и внутренняя контрреволюция захватили Бендеры. На севере Бессарабии положение революционных сил в конце февраля ужесточилось в связи с наступлением австро-венгерских войск (История МССР 1968: 84). Население Бес-

сарабии мужественно отстаивало свои завоевания, добытые в трех русских революциях. Оно не поддавалось на призывы противников советской власти и боролись за ясную перспективу строительства новой жизни.

В связи с событиями в Бессарабии советское правительство образовало в конце января 1918 г. Верховную автономную коллегию Совнаркома по русско-румынским делам, местопребыванием которой, ввиду оккупации Кишинева, была избрана Одесса. В состав коллегии вошли представители Совета народных комиссаров и местных советов. Коллегия получила от Совнаркома полномочия вести все дела, касавшиеся взаимоотношений России и Румынии, которые могли возникнуть в непредвиденных обстоятельствах и потребовать участия высших органов власти Советской России (Лазарев 1974: 172).

Советское правительство направило на помощь трудящимся Бессарабии революционные войска, разгромившие Центральную Раду. Вместе с местными отрядами, сосредоточенными у Днестра, они развернули успешные наступательные операции.

Во второй половине февраля советские войска разбили интервентов в районе Рыбница-Шолданешты и нанесли им ряд ударов в районе Бендер и Кицкан. Дело шло к изгнанию интервентов из Бессарабии. Во избежание такого исхода правительство королевской Румынии и его покровители – дипломатические и военные миссии держав Антанты в Яссах были вынуждены пойти на переговоры о разрешении бессарабского конфликта мирным путем.

На основании русско-румынского соглашения от 24-29 февраля (5-9 марта) 1918 г. Румыния обязывалась вывести свои войска из Бессарабии в течение двух месяцев, отказывалась от каких-либо административных функций на оккупированной территории и брала обязательство не предпринимать «никаких военных действий, неприятельских или других действий против Советской Республики» (Борьба трудящихся 1967: 143).

5 марта 1918 г. соглашение было подписано председателем Совета министров и министром иностранных дел Румынии А.Авереску в Яссах, а 9 марта 1918 г. - председателем Верховной автономной коллегии СНК России Х. Раковским в Одессе в присутствии международных представителей полковника Бойля (Великобритания) и полковника Аркье (Франция) (ДВП СССР 1959: 210). Тем временем различные группировки румынской олигархии стремились прежде всего ликвидировать революционную опасность в стране, понимая, что это возможно сделать с помощью Германии.

Воспользовавшись тяжелым положением Советской России и оккупацией германскими войсками Украины, Румыния посчитала, что

следует конкретно взяться за аннексию Бессарабии.

Соглашение от 5-9 марта 1918 г., подписанное премьер-министром А. Авереску в присутствии международных представителей, является неоспоримым историческим и юридическим актом, свидетельствующим, что королевская Румыния признала захват территории, находившейся под суверенитетом России, агрессией. Правящие круги Румынии понимали, что оккупация Бессарабии была сомнительным актом.

Договор от 5-9 марта 1918 г. имел важное значение не только потому, что возвращал Бессарабию в лоно Советской России, но и потому, что был вторым после Брест-Литовского мирного договора международным актом, в котором Советская Республика была признана как суверенная держава, и первым договором со страной-союзником Антанты.

Однако отметим, что Румынии было присуще редкостное коварство. А. Авереску, ставя свою подпись под румынско-советским соглашением от 5-9 марта 1918 г., выполнял указание королевского двора, рассчитывавшего выиграть время, обмануть общественное мнение, усыпить бдительность советской стороны, ибо румынская реакция как до, так и после подписания документа вовсе не намеревалась честно выполнять условия этого официального договора. Подписывая соглашение о выводе своих войск из Бессарабии, румынское правительство одновременно, как уже случалось, заключило прелиминарный мирный договор с австро-германским блоком (Лазарев 1974: 175).

ПРЕЛИМИНАРНЫЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР содержал ряд статей, направленных против Советской России. Первое и главное для Румынии - договором признавалось ее право на Бессарабию, во-вторых, он официально предусматривал проход австро-германских войск через Бессарабию на Украину. И, наконец, австро-германские войска помогали королевской Румынии укрепиться в Бессарабии (Лазарев 1974: 175).

Как и было согласовано, австро-германские войска двигались на Украину - через Окницу и Атаки на Могилев-Подольский, Жмеринку и Киев. Через Бельцы и Шолданешты - на Рыбницу, Слободку, Бирзулу, Кривой Рог, через Бендеры - на Тирасполь, Раздельную, Одессу, Херсон (Туковский 1939: 84).

В создавшейся ситуации Румыния предприняла активную подготовку к официальному оформлению аннексии Бессарабии. В реализации этого замысла самое активное участие приняла молдавская буржуазно-националистическая контрреволюция во главе с руководством Сфатул Цэрий.

В марте для «переговоров» с румынским правительством и представителями Антанты в Яссы прибыли заправилы Сфатул Цэрий Инкулец, Чугурян и Халиппа. Они получили прямые инструкции провести через Сфатул Цэрий решение о присоединении Бессарабии к Румынии. Французский посланник в Яссах Сент-Олер рекомендовал им осуществить этот акт как можно скорее. Такую же позицию заняли посланники США и Англии Вопичка и Барклай. Используя инсценированное «голосование» самозванного Сфатул Цэрий вначале за «условное» (9 апреля 1912 г.), а затем за безусловное присоединение (10 декабря 1918 г.), королевское правительство, вопреки воле большинства населения, провозгласило включение в состав Румынии захваченной Бессарабии и аннексировало ее (История МССР 1968: 87).

На преступные действия румынских оккупантов советское правительство ответило нотой от 18 апреля 1918 г., в которой выразило решительный протест против захвата Бессарабии королевской Румынией.

Таким образом, оккупация Украины австро-германскими войсками стала той желанной целью, к которой стремилась Румыния, чтобы получить возможность не выводить свои войска из Бессарабии. Во имя этого она пошла на подписание 5 марта 1918 г. в Буффе прелиминарного договора с Германией и Австро-Венгрией и на Бухарестский мирный договор с ними же от 7 мая 1918 г., закрепивший все положения прелиминарного мира и подчинивший Румынию австро-германским интересам (Лазарев 1974: 177).

В это время в международной обстановке происходят радикальные изменения. В сентябре 1918 г. вспыхнуло восстание солдат в Болгарии, в октябре произошла революция в Австро-Венгрии, приведшая к падению династии Габсбургов и развалу империи, в ноябре революция в Германии смела с престола Гогенцоллернов. Подъем революционной волны в странах Западной Европы улучшил положение Страны Советов.

Первая мировая война, справедливо названная империалистической, завершилась подписанием 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия. Казалось, определились победители и побежденные. Но это только казалось.

России мир еще только снился. Слишком суровым был приговор, вынесенный ее бывшими союзниками. Они любой ценой стремились вернуть Россию, сошедшую с традиционного пути, в свое лоно. А Россия, взявшись за создание страны социальной справедливости, демонстрировала готовность пройти уготовленные ей империалистическим миром испытания.

Страны-победительницы и их союзники в конце 1918 - начале 1919 г. организовали, опираясь на российскую контрреволюцию, новый поход против Советской России, заключив ранее, 23 декабря 1917 г., соглашение о распределении зон влияния в ней. Англия, Франция, США и Япония стали участниками нового этапа антисоветской интервенции.

Но советская власть и ее вооруженные силы не только выстояли перед натиском международной реакции и внутренней контрреволюции, но и сами перешли в контрнаступление (Соловьев 1969: 192). Однако широкие наступательные операции колчаковских, а затем и деникинских полчищ весной и летом 1919 г. вновь создали серьезную угрозу для страны. Пришлось мобилизовать все людские и материальные ресурсы на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией.

Поход деникинских войск на Москву и быстрое продвижение петлюровских гайдамацких формирований в направлении Киева поставили в исключительно тяжелое положение воинские соединения Красной армии, находившиеся в Приднестровье. Они оказались в окружении деникинских и петлюровских войск.

Сложившиеся условия вынудили их прекратить операцию по освобождению Бессарабии и пробиваться с боями на соединение с другими частями Красной армии.

Таким образом, в 1919 г. освободить Бессарабию и разрешить бессарабский вопрос не удалось. Однако эта важная задача не была снята с повестки дня.

Вместе с тем, в конце 1919 – начале 1920 г. деникинщина и петлюровщина были ликвидированы. К 5 марта 1920 г. советские войска полностью освободили левобережное Приднестровье от деникинских и петлюровских войск. Однако военная ситуация на Юго-Западном фронте в этот момент не благоприятствовала продвижению Красной армии в Бессарабию. Войскам был отдан приказ Днестр не переходить ввиду большой концентрации в Бессарабии белогвардейцев и петлюровцев.

Дальнейшее развитие событий подтвердило обоснованность вышеупомянутых опасений и разумность предпринятых мер. Красноречивыми доказательствами того, что Россия и Советский Союз никогда не признавали, что Бессарабия якобы была когда-либо румынской землей, являются и результаты Варшавской (1921 г.) и Венской (1924 г.) советско-румынских конференций (Лазарев 1974: 193-194, 202-209).

И все же час торжества исторической справедливости наступил в 1940 г. Известный филолог и историк молдаванин В. Стати удачно и

справедливо отметил: «Если отбросить всю нагромождённую великорумынскую идеологическую, реваншистскую шелуху, нота советского правительства от 28.06.1940 г. – это требования к румынскому правительству выполнить свои же официально принятые обязательства по русско-румынскому соглашению об очищении Румынией Бессарабии от 5-9.03.1918 г. Разница лишь в том, что после разрыва советско-румынских дипломатических отношений (13.01.1918 г.) румынские политические деятели не видели "практических последствий" своих агрессивных действий. А к 28.06.1940 г. "практические плачевные последствия" для румынской военщины стали неизбежными и немедленными. Разница еще и в том, что в марте 1918 г. Румыния, официально признав, что совершила акт агрессии против Бессарабии, а значит, и против России, обязалась захваченную территорию покинуть в течение двух месяцев. А 28.06.1940 г. советское правительство заставило королевскую Румынию выполнить принятые ею же 22 года назад обязательства в течение четырех дней» (Стати 2011: 128-129).

Таким образом, один из итогов Первой мировой войны был подведен 28 июня 1940 г., когда восторжествовала историческая справедливость и была образована Молдавская ССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Согласно условиям прелиминарного мирного договора с Центральными державами, Румыния продавала Болгарии всю территорию Добружи, а Добружа, которую подарила Румынии в 1877 г. Россия, Констанца и железнодорожная линия Констанца-Черновцы переходили в руки Германии. От Румынии отторгались 32 тыс. км² территории вдоль Карпат в пользу Австро-Венгрии. Центральные державы получали на 90 лет румынские нефтяные промыслы, до 2008 г. Леса и лесную промышленность, всю сельскохозяйственную продукцию Румыния вплоть до 1926 г. должна была поставлять только Германии. Общая контрибуция с Румынии устанавливалась в 5 млрд леев.

ЛИТЕРАТУРА

Афтенюк 1971 - *Афтенюк А.* Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971.

Борьба трудящихся 1967 - *Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920 гг.).* Кишинев, 1967.

Бойко, Чинчлей, Веверица 2006 - *Бойко П., Чинчлей В., Веверица М.* История. Кишинев, 2006.

Бойко 2014 – *Бойко П.* Помощь и содействие Румынии со стороны России в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. / Conferința științifică internațională. (Chișinău 1-5 aprilie 2014). Chișinău, 2014.

Брысякин, Сытная 1969 - *Брысякин С., Сытная М.* Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969.

Грек, Руссев 2011 - *Грек И., Русев Н.* 1812 - поворотный год в истории Буджака и задунайских переселенцев. Кишинев, 2011.

ДВП СССР 1959 - Документы внешней политики СССР. Т. I. 7 ноября 1917 - 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959.

История МССР 1965 - История МССР. Т. I. Кишинев, 1965.

История МССР 1968 - История МССР. Т. II. Кишинев, 1968.

История Румынии 1975 - История Румынии. 1848-1917 гг. М., 1975.

История румын 1992 - История румын. Современная эпоха. Кишинев-Яссы, 1992.

Краткая история 1978 - Краткая история СССР. М., 1978.

Лазарев 1974 - *Лазарев А.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974.

Россия 1968 - Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига. Кишинев, 1968.

Соловьев 1969 – *Соловьев О.* Англия и гражданская война в России // Вопросы истории. 1969. № 9.

Стати 2011 - *Стати В.* Права России на Молдавию. Историко-правовые свидетельства // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2011. № 4 (26).

Туковский 1939 - *Туковский А.* Иностранная интервенция на Украине в 1917-1918 гг. // Историк-марксист. 1939. № 6.

Юбилейный сборник 1912 - Юбилейный сборник Кишинева. 1812-1912 гг. Кишинев, 1912. Приложение IV.

Cugetul - Cugetul. 1992. Nr 3. Chișinău.

References

Aftenyuk 1971 - *Aftenyuk A.* Leninskaya natsional'naya politika Kommunisticheskoy partii i obrazovanie sovetskoy gosudarstvennosti moldavskogo naroda [The Leninist national policy of the Communist Party and the formation of the Soviet state Moldovan people], Kishinev, 1971 [in Russian].

Bor'ba trudyashchikhsya 1967 - *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917-1920 gg.)* [The struggle of the working people of Moldova against the interventionists and internal counter-revolution (1917-1920)], Kishinev, 1967[in Russian].

Boiko, Chinchley, Veveritsa 200 - *Boiko P., Chinchley V., Veveritsa M.* Istoriya [History], Kishinev, 2006 [in Russian].

Boiko 2014 – *Boiko P.* Pomoshch' i sodeystvie Rumynii so storony Rossii v russko-turetskoy voyne 1877-1878 gg. [Assistance and support to Romania

from Russia in the Russian-Turkish war of 1877-1878], Conferința științifică internațională (Chișinău 1-5 aprilie 2014), Chișinău, 2014 [in Russian].

Brysyakin, Sytnaya 1969 - *Brysyakin S., Sytnaya M. Torzhestvo istoricheskoy spravedlivosti* [Triumph of historical justice], Kishinev, 1969 [in Russian].

Grek, Russev 2011 - *Grek I., Rusev N. 1812 - povorotnyy god v istorii Budzhaka i zadunayskikh pereselentsev* [1812 - a turning year in the history Budzhaka and Transdanubian immigrants], Kishinev, 2011 [in Russian].

DVP SSSR 1959 - *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy], vol. I, November 7, 1917 - December 31, 1918, Moscow, Gospolitizdat, 1959 [in Russian].

Istoriya MSSR 1965 - *Istoriya MSSR* [History of MSSR], vol. 1, Kishinev, 1965 [in Russian].

Istoriya MSSR 1968 - *Istoriya MSSR* [History of MSSR], vol. 2, Kishinev, 1968 [in Russian].

Istoriya Rumynii 1975 - *Istoriya Rumynii. 1848-1917 gg.* [History of Romania. 1848-1917], Moscow, 1975 [in Russian].

Istoriya rumyn 1992 - *Istoriya rumyn. Sovremennaya epokha* [History of Romanians. The modern era], Kishinev-Iași, 1992 [in Russian].

Kratkaya istoriya 1978 - *Kratkaya istoriya SSSR* [A Brief History of the USSR], Moscow, 1978 [in Russian].

Lazarev 1974 - *Lazarev A. Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros* [Moldavian Soviet state and the Bessarabian question], Kishinev, 1974 [in Russian].

Rossiya 1968 - *Rossiya i osvoboditel'naya bor'ba moldavskogo naroda protiv osmanskogo iga* [Russian and Moldovan people liberation struggle against the Ottoman yoke], Kishinev, 1968 [in Russian].

Solov'ev 1969 - *Solov'ev O. Angliya i grazhdanskaya voyna v Rossii* [England and the civil war in Russia], *Voprosy istorii* [Questions of history], Moscow, 1969, Nr 9 [in Russian].

Stati 2011 - *Stati V.Prava Rossii na Moldaviyu. Istoriko-pravovye svidetel'stva* [Russia's right to Moldova. Historical and legal evidence], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], red. S.G. Sulyak, 2011, Nr 4 (26) [in Russian].

Tukovskiy 1939 - *Tukovskiy A. Inostrannaya interventsia na Ukraine v 1917-1918 gg.* [Foreign intervention in Ukraine in 1917-1918], *Istoriik-marksist*, 1939, Nr 6 [in Russian].

Yubileyny sbornik 1912 - *Yubileyny sbornik Kishineva. 1812-1912 gg.* [Festschrift Kishinev. 1812-1912], Kishinev, 1912, Annex IV [in Russian].

Cugetul - Cugetul, 1992, Nr 3, Chișinău [in Romanian].

Бойко Петр Артемович - кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки и образования Республики Молдова.

Boiko Petr - Candidate of Historical Sciences, Honored Scientist and Educator of the Republic of Moldova.

E-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

УДК 94 (478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/5

ПОЯВЛЕНИЕ БЕССАРАБСКОГО ВОПРОСА НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТИХ СОБЫ- ТИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С.М. Назария

Государственный институт международных отношений Молдовы
Молдова, 2001, г. Кишинев, ул. Пушкина, 54

E-mail: sergnazar@mail.ru

Авторское резюме

Приход к власти в России большевиков вызвал страх и ненависть у западных элит. Правители королевской Румынии опасались, что декреты о мире и о земле спровоцируют новую волну революционных выступлений русских солдат и окажут влияние на румынских рабочих и крестьян. Но в российских событиях румынская олигархия усмотрела и свои выгоды – возможность реализации проекта «Великая Румыния». Однако после захвата Бессарабии для Румынии началось самое тяжелое: необходимо было придать аннексии края хотя бы видимость законности с точки зрения международного права.

Ключевые слова: интервенция, захват, оккупация, дипломат, союзники, соглашение.

The appearance of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in historical and memoirs

S.G. Nazaria

State Institute of International Relations of Moldova

54 Pushkin str., Chişinău, 2001, Moldova

E-mail: sergnazar@mail.ru

Abstract

Rising to power of the Bolsheviks in Russia caused both fear and hatred in circles of Western elites. Governors of royal Romania were afraid that decrees "On the World" and "On the ground" will cause a new wave of revolutionary action of Russian soldiers and will have an impact on Romanian workers and peasants. But the Romanian oligarchy saw also the benefits in the Russian revolutionary events, like: the ability to implement the project of the "Great Romania". However, capturing Bessarabia the heaviest began for Romania: it was necessary to give though a semblance of legality to annexation edge in terms of international law.

Keywords: intervention, capture, occupation, annexation, diplomat, allies, agreement.

Победа Октябрьской революции в России вызвала страх и ненависть капиталистического мира. Вот как молдавский историк И. Левит оценивает данную ситуацию относительно румынских правящих кругов: «Как и руководители других буржуазных стран, правители королевской Румынии были потрясены известиями о... приходе к власти в России большевиков. Они не без основания опасались, что декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и земле вызовут новую волну революционных выступлений русских солдат и окажут влияние и на румынских рабочих и крестьян» (Левит 2000: 77-78).

По сути, идентичны и выводы американского историка К. Хиткина: «Возможные последствия (мартовской) революции для румынских солдат и крестьян вызвали реальное беспокойство в правительственных кругах. Многие политики боялись быстрого распространения эпидемии из России за Прут... Но появилась новая опасность. В конце лета 1917 года российские революционные события грозили дезорганизацией фронта и подрывом социальной и политической стабильности в (*Запрутской*. – С.Н.) Молдове. В то время как уставшие от войны русские солдаты все более радикализировались, поддаваясь обещаниям социально-экономической справедливости, король и Брэтиану боялись, что подобные идеи подорвут решимость румынских солдат-крестьян воевать. Ноябрьская большевистская революция лишь углубила кризис» (Bărbulescu et al. 1998: 418).

Однако в российских революционных событиях румынская олигархическая элита усмотрела и свои выгоды – возможность реализации проекта «Великая Румыния». Вот что по этому поводу писал в своих послевоенных мемуарах тогдашний румынский министр И.Г. Дука: «Разложение русского фронта не пугает меня, наоборот – радует. Когда Россия рухнет, мы сможем быстро захватить Бессарабию, а так как, с Россией или без нее, в конечном итоге победу одержат союзники, в конце войны мы захватим также и Трансильванию, и таким образом из этих сражений и из этих потрясений родится то,

что мы опасались видеть даже в самых смелых снах: объединение всех румын от Днестра и до Тисы» (Dusa 1994a: 273).

Интервенты нашли союзника в лице российской контрреволюции и правящих элит соседних стран, включая Румынию. 23 декабря 1917 г. была заключена тайная англо-французская конвенция «О районах будущих операций британских и французских войск на территории России» (Штейн 1949: 28-29; Соловьев 1997: 95-110). Это был раздел России на зоны влияния. В английскую зону входили Кавказ и казачьи области рек Кубань и Дон, во французскую – Украина, Бессарабия, Крым. Однако еще 8 ноября английский кабинет на своем экстренном заседании обсуждал вопрос о возможности выступления румынской армии против большевиков в контакте с восставшим казачьим атаманом А.М. Калединым (Архив 1939: 169).

На данном заседании румынский посол подтвердил готовность своего правительства выступить совместно с этим белогвардейским генералом против советской власти. В тот же день советник президента США В. Вильсона по международным вопросам полковник Хауз на совещании с английским премьер-министром Д. Лл. Джорджем и министром иностранных дел его величества А. Бальфуrom рекомендовал «посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися (*антисоветскими*. – С.Н.) силами, территориально наиболее близкими к России» (Архив 1939: 169).

10 ноября 1917 г. президент Вильсон лично поощрил Румынию на антисоветскую борьбу, пообещав взамен поддержать ее притязания на Бессарабию на предстоящей мирной конференции (Гиршвельд 1948: 11). Правда, сделал он это в слишком общей форме, что разочаровало румынского премьера И. Брэтиану, жаждавшего территориального приращения Румынии за счет Бессарабии. Так, «в ноте, отправленной 28 ноября в Яссы, (*Вильсон*. – С.Н.) пообещал, что приложит все свое влияние во имя единой Румынии в качестве свободной и независимой нации» (Spector 1995: 40).

Идею совместной с генералом А.М. Калединым борьбы королевской Румынии против большевиков поддержало и французское правительство Ж. Клемансо (1918 la Români 1983:103). Оно официально одобрило предложение румынского посла в Париже использовать находившихся на территории России трансильванских военнопленных для борьбы с Советами. Естественно, без согласия западных союзников правящая Румынией клика никогда бы не решилась на оккупацию Бессарабии.

Однако не стоит забывать, что положение правительства Брэтиану было довольно сложным в связи с фактическим выходом России из войны, в то время как Румыния по договору 1916 г. с Антантой обязана была сражаться против германского блока «до конца». «Но

страх полного поражения и оккупации противником всей территории страны в случае дальнейшего разложения русской армии и ухода ее с занимаемых позиций на фронте вызвал у румынских правящих кругов очередной прилив желания заключить сепаратный мир с немцами и их союзниками» (Левит 2000: 79-80).

А тем временем под влиянием Декрета о мире русские солдаты, не дожидаясь окончания войны, на своих участках вели переговоры с противником о перемирии. 17 (30) ноября генерал А. Авереску записал в дневнике: «Русские уже начали на многих участках фронта переговоры о перемирии, кое-где оно даже было заключено» (Averescu 1992: 245). В этом контексте И. Дука отмечал, что «генерал Щербачев сообщил Брэтиану, что более не владеет ситуацией и поставлен перед дилеммой или оставить командование, или самому предложить перемирие». Боясь дальнейшей радикализации русской армии, Дука писал: «В этих условиях продолжать отказываться от подписания перемирия означало бы иметь через несколько дней на территории нашей страны русскую анархию и наступление немцев, т. е. полный и окончательный разгром. Наоборот, подписание перемирия означало выиграть время, дать возможность Щербачеву сохранить командование... и рассчитывать со временем или на создание единого фронта с украинцами и А. Калединым, или на политические изменения внутри России» (Duca 1982: 13).

При этом румынские правители ни на секунду не сомневались, что они «до конца» выполнили свой долг перед Антантой и даже «спасли» ее от разгрома, поэтому после поражения Германии союзники просто «обязаны» выполнить все данные ими Румынии обещания. Подобный тезис совершенно откровенно озвучивался яским правительством в те дни, а впоследствии – в мемуарах румынских деятелей (Duca 1994b: 13-14; Kirîţescu 1989: 311-323). И. Левит пришел к выводу, что «поспешность, с которой румынское правительство добивалось перемирия с австро-германским блоком, объяснялась и расчетом на то, что в создавшейся ситуации удастся присоединить Бессарабию к Румынии» (Левит 2000: 91).

Этот вывод подтверждает и Дука: «Во время Бухарестских мирных переговоров было завершено и объединение Бессарабии. Говорю завершилось, так как, когда разваливалась Россия, объединение стало виртуально достижимо». Он также писал, что Бессарабия была тем «минимумом», на который рассчитывали в тот момент румынские правящие круги (Duca 1982: 26).

На заседании правительства И. Брэтиану доложил присутствовавшим «о требовании Щербачева и союзников вступить в борьбу с большевиками и добавил: союзные послы заявили, что это будет

самой большой услугой, которую мы сможем в данный момент оказать делу союзников, стремящихся воссоздать румыно-украинский фронт. Брэтиану добавил затем, что готов принять это предложение, но с четким условием, что оно станет последней услугой, которую Румыния в состоянии оказать союзникам. После этого он, Брэтиану, освободится от всяких обязательств перед союзниками, которые не должны отказать ему в праве подписать сепаратный мир», - сообщал И.Г. Дука (Duca 1994b: 42).

В сложившихся обстоятельствах реальную помощь Румынии оказали и Центральные державы. Прекратив боевые действия на Румынском фронте, немцы и австрийцы позволили румынам снять часть войск с передовой и направить их в Бессарабию. 26 ноября (9 декабря) 1917 г. командующий русским Румынским фронтом генерал Д.Г. Щербачев и румынский генерал А. Лупеску подписали в г. Фокшаны от имени Румынии перемирие с командованием австро-германских войск. Это высвободило румынские войска и позволило 4-9 (17-22) декабря обезоружить часть российских большевизированных частей (1918 la Români 1983: 1024).

7 (20) декабря по итогам совещания со своими министрами и военными, а также с западными посланниками И. Брэтиану сообщил, что союзники требуют от румынской армии активного включения в борьбу с большевиками. В свою очередь премьер добивался, чтобы союзные державы санкционировали заключение Румынией сепаратного мира с Германией и ее союзниками при сохранении в силе основных статей ее договора 1916 г. с Антантой (Duca 1982: 33, 34).

Решение правительства о начале военных действий против советских войск было принято и в ночь на 9 декабря утверждено королем. В 6 часов утра румынские войска нанесли удар по небольшому гарнизону большевиков в Соколе вблизи Ясс и ликвидировали его (Duca 1994b: 46-52). М. Джуvara, впоследствии ставший видным румынским дипломатом, писал об этих событиях: «В ответ на просьбу представителей Антанты, которые письменно заявили, что эта операция явится последним военным вкладом, который они вправе ждать от Румынии, румынская армия открыто включилась в военные действия против большевистских войск, занимавших тогда всю территорию Молдовы и Бессарабии» (Левит 2000: 132).

Получив известия об аресте Военно-революционного комитета Румынского фронта, о захвате румынами ряда бессарабских сел на левобережье Прута и о расстреле членов Леовского ревкома, НКВД РСФСР 16 (29) декабря 1917 г. обратился к румынскому правительству через его посла в Петрограде К. Диаманди с нотой протеста. Однако удовлетворительного ответа на нее не последовало,

и тогда советское правительство 31 декабря предъявило по радио ультиматум румынскому правительству с требованием прекратить подобные действия, наказать виновных и предупредило, что «неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных» (ДВП СССР 1957: 66-67, 79).

Так как и после этого ничего не изменилось, по указанию В.И. Ленина 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) весь состав дипломатической и военной миссии Румынии во главе с К. Диаманди был взят под стражу и заключен в Петропавловскую крепость. В Одессе были арестованы румынский консул и персонал консульства. 1 (14) января 1918 г. дуайен дипломатического корпуса в Петрограде посол США Фрэнсис в сопровождении группы дипломатов посетил председателя Совнаркома Ленина, сделал заявление по поводу ареста румынского посланника и вручил меморандум за подписью дипломатов 20 стран (Ленин 1970: 23; Relațiile 1999: 10-11).

Правительство Румынии, чувствуя поддержку Антанты и Центральных держав, 4 (17) января приняло решение начать необъявленную войну с Россией, и уже через три дня его войска перешли Прут. Правда, сами союзники пытались скрыть истинные цели этой акции. Так, французский посланник в Яссах Сент-Олер 5 (18) января телеграфировал консулу в Кишиневе Сарре: «Все мои коллеги, все посланники других союзных держав и я сам уполномочены заявить Вам официально, что вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой... По этой причине вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияния... на будущую судьбу этой страны» (Виноградов и др. 1996: 207). Эти слова должны были ввести в заблуждение население края, выступавшее тогда почти единогласно против вторжения на территорию Бессарабии румынских войск и за сохранение Молдовы в составе России. На деле это служило словесным прикрытием румынской интервенции против Советской России, а Бессарабию Антанта рассматривала в качестве «платы» румынской олигархии за борьбу с большевизмом.

10 (23) января ЦИК Румчерода сделал официальное заявление французскому, английскому и румынскому консульствам в Одессе, в котором квалифицировал действия королевского правительства как «вероломное нарушение международного права» и просил дипломатов «предпринять шаги к тому, чтобы румынское правительство вывело немедленно свои войска из пределов Российской федеративной республики». На следующий день была обнародована нота протеста ЦИК Румчерода правительству Румынии. Ответ консу-

лов сводился к тому, что «ничего серьезного не произошло» (Борьба трудящихся 1967: 59-62).

Идя на антисоветскую интервенцию, румыны оголяли фронт против австро-германских войск, однако командование последних во главе с фельдмаршалом А. Макензеном заверило их, что вверенные ему армии не предпримут наступления на фронте. При этом немцы для скорейшего достижения своих целей использовали политику «кнута и пряника»: с одной стороны, предлагали румынам Бессарабию в обмен на скорейшее подписание выгодного им сепаратного мира, включая уступку Добруджи, с другой – шантажировали их снятием дивизий с фронта и направлением их в Бессарабию в нарушение условий Фокшанского перемирия (Marghiloman 1994a: 204, 210, 219, 273, 283, 295).

14 (27) февраля 1918 г. в ходе переговоров Румынии с австро-германским блоком немцы «неофициально заверили» румын в тождестве их позиций в отношении советской власти: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевизма в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью» (Marghiloman 1994b: 356-357). Во время тех же переговоров с немцами, пытаясь добиться более выгодных условий мира, новый румынский премьер А. Авереску заявил германскому министру иностранных дел Кюльману, что «вообще Бессарабия заражена большевизмом, и присоединять ее к королевству опасно». На это Кюльман цинично ответил: «Вам достаточно расстрелять каждого десятого и восстановить порядок» (Виноградов 1968: 14).

Согласно подписанному Румынией с Центральными державами 5 (18) марта 1918 г. прелиминарному мирному договору, численность румынской армии серьезно ограничивалась, в то время как в Бессарабии румынскому правительству была предоставлена полная свобода действий, и численность его войск и вооружения здесь не лимитировались.

Вот как оценивает данную ситуацию ван Мерс: «Кроме отказа от Южной Добруджи и некоторых незначительных территорий на западной границе, Румынии навязывалась демобилизация армии. Но все же мирный договор... включал (секретное) соглашение об аннексии Бессарабии. Немцы дали добро на аннексию Бессарабии в обмен на право переброски собственных войск через Бессарабию для оккупации Украины». Ниже автор отмечает, что «румынское владычество над Бессарабией было обеспечено... в первую очередь, немецкой оккупацией Украины» и тем фактом, что «Красная Армия находилась на расстоянии в 1000 км от Кишинева, а новое румынское правительство получило одобрение Берлина на аннексию Бессарабии» (Meurs 1996: 87, 89).

Академик А. Лазарев считал, что, «заключив прелиминарный договор с Центральными державами, Румыния получила возможность не только нарушить советско-румынское соглашение от 5-9 марта 1918 года об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев, но и закрепиться в оккупированном крае, а также участвовать вместе с австро-германскими, а затем с французскими войсками в военных действиях против Советской власти на территории левобережной Молдавии и юга Украины» (Лазарев 1974: 175, 177-178). Американский историк Ш. Дэвид Спектор приходит к аналогичному выводу по данному вопросу, отмечая, что по Бухарестскому миру «судьба Бессарабии не упоминалась, однако было получено добро на захват провинции» (Spector 1995: 49).

Западные страны стремились представить румынское вторжение как «вынужденное» и «гарантировали» его временный характер. Так, 21 февраля 1918 г. дуайен дипломатического корпуса при румынском правительстве барон Фашиотти от имени дипломатических представителей держав Согласия отправил официальную ноту всем союзным консулам и представителям в Одессе, оригинал которой был передан советским властям. В ней отмечалось: «Что касается Бессарабии, то вы помните, что вмешательство румынских войск является военной оккупацией безо всякого политического характера, предпринятой в полном согласии с союзниками и бессарабскими властями с очевидной гуманитарной целью обеспечить продовольствие русских и румынских войск, а также и гражданского населения» (Nanu 1993: 109). Т. е. страны Антанты официально обещали эвакуировать румынские войска из Бессарабии, подразумевая, что она - российская территория.

12 (25) января 1918 г., за день до вступления румынской армии в Кишинев, ее командующий генерал Презан заявил в воззвании к населению Бессарабии, что румынские войска вошли в край по приглашению Сфатул Цэрий в целях охраны оружейных и продовольственных складов и обеспечения заготовки и перевозки провианта для снабжения русских и румынских войск Румынского фронта (Ciobanu 1929: 194-195). Он лицемерно опровергал слухи о том, что Румыния хочет оккупировать Бессарабию.

Вслед за разрывом дипломатических отношений в тот же день СНК РСФСР констатировал «состояние войны» между Румынией и Россией, подчеркнув, что «румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики» (ДВП СССР 1957: 89-90). В постановлении Румчерода от 23 января (5 февраля) 1918 г. говорится: «Ввиду того, что румыны обманным образом попали в Россию, оккупировали Бессарабию, разграбив в ней села и города,

ввиду того, что Совет Народных Комиссаров, исчерпав все возможные средства, прервал всякие сношения с Румынией, ЦИК Румчерода постановил считать себя на положении войны с Румынией» (За власть 1970: 53). 11 (24) февраля Румчерод потребовал у румынской стороны немедленной эвакуации ее войск с территории между Прутом и Днестром, но получил отказ на это требование (Politica externă 1986: 164).

Правительство Ленина не признало румынскую оккупацию Бессарабии и вновь потребовало вывода румынских войск. Дело в том, что в январе-феврале 1918 г. были разгромлены Центральная Рада и атаман А.М. Каледин. Это серьезно улучшило положение Советской республики, войска которой вышли к Днестру.

Не следует также забывать об усилившемся дипломатическом давлении немцев на правительство И. Брэтиану - при том, что союзники, поддерживая антисоветские действия румынской олигархии, согласия на заключение сепаратного мира еще не давали. Более того, 20 января (2 февраля) 1918 г. посланники стран Антанты вручили премьеру коллективное письмо, в котором отвергали идею сепаратного мира: «Наши правительства подтвердили... свою уверенность в том, что Румыния... будет продолжать борьбу с той же энергией, как и в прошлом, и не отделит своей судьбы от судьбы союзников», – подчеркивалось в этой ноте (Левит 2000: 303).

Понимая, что согласия своих союзников на сепаратный мир с австро-германским блоком не получить, И. Брэтиану решил уйти в отставку, передав бразды правления и «честь» подписания униженного сепаратного мира германофилу А. Маргиломану. 23 января (5 февраля) 1918 г. новое правительство сформировал генерал А. Авереску. В его задачу входило затянуть переговоры с немцами и создать у Антанты впечатление о «неизбежности» заключения Румынией сепаратного мира (Averescu 1992: 285-286; Duca 1982: 57). Но и он этого не добился.

5 (18) февраля состоялась встреча А. Авереску с А. Макензеном, в ходе которой немцы выдвинули румынам следующее «выгодное обеим сторонам» условие: «Вся румынская армия получает свободу рук для военных действий против большевиков, соответственно против петроградского правительства, до тех пор, пока последнее не подпишет мира с Центральными державами и Румынией» (Studii 1956: 37). Фельдмаршал заверил премьера, что Румыния сможет сохранить армию в состоянии мобилизации и использовать ее в Бессарабии для борьбы с большевиками. «Не исключено, – писал Авереску, – что нам будет оказана помощь путем взаимодействия в России» (Averescu 1992: 291).

В тот же день возобновилось немецкое наступление на Восточном фронте и, развиваясь все шире, поставило Российскую республику в тяжелейшее положение (Ленин 1969: 339). Воспользовавшись этим, румыны форсировали Днестр, однако были разгромлены. Выход революционных советских войск к Днестру, продолжение сопротивления бессарабцев оккупации края, немецкое давление и отказ союзников разрешить заключение сепаратного мира – все эти факторы привели к тому, что первоначально игнорировавшее советские протесты румынское правительство обеспокоилось и повело себя в отношении РСФСР иначе.

По инициативе В.И. Ленина СНК образовал и направил в Одессу «Высшую автономную коллегия по русско-румынским делам». Ей было поручено ведение всех дел, касавшихся взаимоотношений России с Румынией (ДВП СССР 1957: 111). В результате переговоров между представителем советского правительства Х. Раковским и главой румынского правительства А. Авереску при посредничестве представителей западных союзников 5-9 марта 1918 г. было подписано советско-румынское соглашение, в котором указывалось: «Румыния обязуется покинуть Бессарабию в течение 2 месяцев» (Советско-румынские 2000: 26-28).

23 февраля (8 марта) румынская сторона заявила, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным» (Виноградов и др. 1996: 215). Даже стоящий на крайних националистических позициях И.М. Опря признает, что «в результате данного обмена нотами обе стороны посчитали конфликт исчерпанным» (Oprea 1998: 241). По мнению этого историка, в феврале 1918 г. Авереску принял требования об очищении Бессарабии, «за исключением условия, предусматривающего немедленное освобождение Бендер» (Oprea 1998: 240).

Исчерпанным считали конфликт и советские представители. 26 февраля (11 марта) они телеграфировали об этом в Совнарком (Борьба трудящихся 1967: 144-147). 21 марта генеральный консул Румынии в Москве Н.Г. Герен повторно информировал Наркоминдел РСФСР о ликвидации «возникшего между румынским правительством и советской властью конфликта». Все это свидетельствовало о признании и одобрении достигнутой договоренности, о том, что как у главы румынского правительства А. Авереску, так и у дипломатов Антанты его законность и необходимость его выполнения не вызывали никаких сомнений.

Однако из-за ухудшения военного положения Советской республики, вызванного германским наступлением по всему фронту, румынские правящие круги проигнорировали выполнение взятых на

себя обязательств. Однако, отмечает Ш.Д. Спектор, «Румыния и не собиралась выполнить свои обязательства, тем более что менее чем через месяц появилась возможность формального присоединения Бессарабии. Данная возможность была предоставлена оккупировавшими Украину немцами и отступлением большевиков» (Spector 1995: 48). Согласился с ним даже И.М. Опря, признавший, что начатое немцами наступление на Украине стало основной причиной невыполнения румынской стороной взятых на себя обязательств (Orgea 1998: 243).

Но с точки зрения международного права подписание этого документа означало официальное признание румынским правительством незаконного характера оккупации Молдавской республики. Именно за признание этого де-факто и де-юре И. Дука подверг критике А. Авереску: «Можно себе представить, какой аргумент он дал большевикам против нас, ибо мы сами официально подтвердили в официальном акте, что оккупация Бессарабии явилась незаконной... Истинно и то, что эта несчастная ошибка является единственным актом, который Россия может предъявить нам в бессарабском вопросе, и я опасаясь, что в один прекрасный день это создаст нам серьезные проблемы» (Duca 1994b: 92).

Летом 1918 г. тогдашний румынский министр иностранных дел К. Арион с трибуны парламента резко критиковал А. Авереску за то, что тот «заключил мир с Раковским и с Россией на условии очищения Бессарабии». Пытаясь доказать необоснованность этого шага, он самоуверенно утверждал, что «Россия не возродится снова», следовательно, подписывать с ней дипломатические документы не имело смысла. На это А. Авереску ответил: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед» (Мельтюхов 2010: 51; Виноградов 1969: 273).

Однако в наши дни в румынистской историографии господствуют абсолютно другие интерпретации данного документа: будто бы в нем, четко и без всяких оговорок, не предусмотрен отвод румынских войск, и присутствуют какие-то тезисы с «двойным пониманием» (Constantiniu 1997: 289). И. Опря утверждает, что договоренность от 5-9 марта «не обязывала румынского премьер-министра к эвакуации своих войск из Бессарабии» (Orgea 1998: 187). А Л. Пэдурак считает, что «указанное "соглашение" не имело юридической силы» (Pădureas 2003: 27).

Правда, другой известный историк - Г. Брэтиану еще в 1943 г. писал по этому поводу: «Было даже заключено соглашение, по кото-

рому румынским войскам следовало срочно покинуть Бессарабию... за исключением охраны железных дорог и румынских складов, и не допускалось никакое вмешательство во внутреннюю политику страны... Данное чисто техническое соглашение не имело никакого политического характера» (Brătianu 1995: 57).

Таким образом, он признает, что суть договора между Авереску и Раковским состояла в обязанности Румынии очистить Бессарабию от своих войск, и то, что данное соглашение подтверждало тот факт, что Румыния не обладала никакими правами на наш край и он никак не принадлежал ей. В этом смысле Брэтиану против своей воли признает именно политический характер «соглашения Авереску-Раковский». А тезис о румынских «исторических и этнических правах» на Бессарабию, о ее якобы «румынском характере» появился позже и имел целью узаконить аннексию Пруто-Днестровского междуречья бухарестской полуфеодальной олигархией.

Объективны оценки описываемых нами событий, принадлежащие ряду западных историков. Американец Л. Фишер писал, что, «захватив Бессарабию, которая являлась русской территорией, румынское правительство совершило военный акт. Большевики отомстили, разорвав 13 января 1918 г. отношения с Румынией и арестовав румынского посланника Диаманди в Петрограде» (Лазарев 1974: 93). Тот же автор отмечает, что Россия «не признала румынского суверенитета в отношении Бессарабии, захваченной Румынией в январе 1918 г., когда большевистская Россия была слабой» (Fisher 1969: 163).

Болгарский профессор Г. Генов отмечал в 1940 г., что Первая мировая война «завершилась неблагоприятно не только для побежденных, но и для России. Румыны воспользовались этим обстоятельством и захватили всю Бессарабию... Бессарабское население стремилось в 1917 г. к созданию независимого государства, однако Румыния проигнорировала это и путем насилия аннексировала Бессарабию» (Dobrinescu, Constantin 1995: 24).

Француз Ф. Фейто в том же духе утверждал, что «румыны захватили Бессарабию и Буковину, являвшиеся русскими землями» (Fejtő 1969: 23-24). Его соотечественник М. Ваисс придерживается мнения, что в 1918 г. Румыния оторвала Бессарабию от России (Vaisse 2008: 340). Позиция немца А. Зуги также не отличается от вышеприведенных: «Военные акции в Бессарабии со стороны Румынии можно... рассматривать как противоречащие международному праву, поскольку румынские войска вторглись на территорию другого государства без объявления войны... Разрыв дипломатических отношений с Румынией со стороны России правомерен с точки зрения международного права» (Suga 1958: 50).

И в заключение следует отметить, что в румынской националистической историографии тенденция к реалистическому освещению и анализу бессарабского вопроса присутствует лишь очень относительно, зато господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций. «В контексте написания румынской истории "объективность" понимается как "соответствие румынским национальным интересам", а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей», – сетует голландец ван Мерс (Meurs 1996: 409). Даже румынские дипломаты, историки и мемуаристы межвоенного времени писали намного объективнее и правдивее современных авторов.

ЛИТЕРАТУРА

Архив 1939 - Архив полковника Хауза. Т. 3. М., Соцэкгиз, Госполитиздат, 1939. 320 с.

Борьба трудящихся 1967 - Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. Кишинев, Картя молдовеняскэ, 1967. 684 с.

Виноградов 1969 - *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., Наука, 1969. 368 с.

Виноградов 1968 - *Виноградов В.Н.* Румыния в международных отношениях (ноябрь 1917 – ноябрь 1918) // Вопросы истории, 1968. № 10. С. 3-22.

Ниязов 1996 - *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., ИНДРИК, 1996. 380 с.

Гиршвельд 1948 - *Гиршвельд А.* О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории, 1948. № 8. С. 3-22.

ДВП СССР 1957 - Документы внешней политики СССР. Т. 1. 7 ноября 1917 - 31 декабря 1918 г. М., Госполитиздат, 1957. 772 с.

За власть 1970 - За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970. 404 с.

Лазарев 1974 - *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, Картя молдовеняскэ, 1974. 912 с.

Левит 2000 - *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинёв, Центральная типография, 2000. 498 с.

Ленин 1969 - *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. М., Политиздат, 1969. 600 с.

Ленин 1970 - *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М., Политиздат, 1970. 624 с.

Мельтюхов 2010 - *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917-1940. М., Вече, 2010. 480 с.

Советско-румынские 2000 - Советско-румынские отношения 1917-1941.

Документы и материалы в двух томах. Т. 1. М., Международные отношения, 2000. 456 с.

Соловьев 1997 - *Соловьев О.* Ноябрь 1917 г. Как Англия и Франция делили Россию // *Международная жизнь*, 1997. № 10. С. 95-110.

Штейн 1949 - *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.). М., Госполитиздат, 1949. 464 с.

1918 la Români 1983 - 1918 la Români. Documente externe. Vol. 2. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1983. 680 p.

Averescu 1992 - *Averescu A.* Notițe zilnice din război. Vol. 2. 1916-1918 (Războiul nostru). București: Editura Militară, 1992. 352 p.

Bărbulescu et al. 1998 - *Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P.* Istoria României. București: Editura Enciclopedică, 1998. 618 p.

Brătianu 1995 - *Brătianu Gh.I.* Basarabia. Drepturi naționale și istorice. București: Editura Semne, 1995. 148 p.

Ciobanu 1929 - *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917-1918. București: Cartea românească, 1929. 314 p.

Constantiniu 1997 - *Constantiniu Fl.* O istorie sinceră a poporului român. București: Univers enciclopedic, 1997. 466 p.

Dobrinescu, Constantin 1995 - *Dobrinescu V. Fl., Constantin I.* Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iași: Institutul European, 1995. 374 p.

Duca 1982 - *Duca I.G.* Amintiri politice. Vol. 3. München: Jon Dumitru-Verlag, 1982. 322 p.

Duca 1994a - *Duca I.G.* Memorii. Vol. 3. Războiul (1916-1919). București: Editura Machiavelli, 1994. 304 p.

Duca 1994b - *Duca I.G.* Memorii. Vol. 4. Războiul (1916-1919). București: Editura Machiavelli, 1994. 328 p.

Fejtő 1969 - *Fejtő F.* Histoire des démocraties populaires. Vol. 1. Paris, Éditions du Seuil, 1969. 534 p.

Fisher 1969 - *Fisher L.* Russia's Road from Peace to War. 1917-1941. New York, Sage Publications, 1969. 384 p.

Kirițescu 1989 - *Kirițescu C.I.* Istoria războiului pentru întregirea României. 1916-1919. Vol. 2. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1989. 524 p.

Marghiloman 1995a - *Marghiloman A.* Note politice. Vol. 2. București: Editura Machiavelli, 1995. 306 p.

Marghiloman 1995a - *Marghiloman A.* Note politice. Vol. 3. București: Editura Machiavelli, 1995. 492 p.

Meurs 1996 - *Meurs W.P. von.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău, Editura Arc, 1996. 526 p.

Nanu 1993 - *Nanu F.C.* Politica externă a României. 1918-1933. Iași, Institutul European, 1993. 172 p.

Oprea 1998 - *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1947. Vol. 1. București: Albatros, 1998. 368 p.

Pădureac 2003 - *Pădureac L.* Relațiile româno-sovietice (1917-1934). Chișinău: Prut Internațional, 2003. 216 p.

- Politica externă 1986 - Politica externă a României. Dicționar cronologic. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986. 416 p.
- Relațiile 1999 - Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. București: Editura Enciclopedică, 1999. 446 p.
- Spector 1995 - *Spector Sh.D.* România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu. Iași: Institutul European, 1995. 382 p.
- Suga 1958 - *Suga A.* Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwickland des Landes. Bonn, [s.n.], 1958. 130 s.
- Studii 1956 - Studii și materiale de istorie contemporană. Vol. I. București: Editura Academiei R.P.R., 1956. 322 p.
- Vaïsse 2008 - *Vaïsse M.* Dicționar de relații internaționale. Secolul XX. Iași: Polirom, 2008. 400 p.

References

- Arhiv 1939 - Arhiv polkovnika Hauza [Archive of Colonel House], vol. 3. Moscow, Socjkgiz, Gospolitizdat, 1939, 320 p. [in Russian].
- Bor'ba trudjashhihsja Moldavii protiv interventov i vnutrennej kontrrevoljucii [The struggle of the working people of Moldova against the invaders and internal counterrevolution] (1917-1920). Sbornik dokumentov i materialov, Kishinev, Kartja moldovenjaskje, 1967, 684 p. [in Russian].
- Vinogradov 1969 - *Vinogradov V.N.* Rumynija v gody pervoj mirovoj vojny [Romania during World War II], Moscow, Nauka, 1969, 368 p. [in Russian].
- Vinogradov 1968 - *Vinogradov V.N.* Rumynija v mezhdunarodnyh otnoshenijah (nojabr' 1917 - nojabr' 1918) [Romania in international relations (November 1917 - November 1918)], Voprosy istorii [Questions of History], Moscow, 1968, Nr 10, pp. 3-22 [in Russian].
- Vinogradov et al. 1996 - *Vinogradov V.N., Ershhenko M.D., Semenova L.E., Pokvajlova T.A.* Bessarabija na perekrestke evropejskoj diplomatii [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy], Dokumenty i materialy, Moscow, INDRIK, 1996, 380 p. [in Russian].
- Girshvel'd 1948 - *Girshvel'd A.* O roli SShA v organizacii antisovetskoj intervencii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [On the role of the United States in the organization of the anti-Soviet intervention in Siberia and the Far East], Voprosy istorii, 1948, Nr 8, pp. 3-22 [in Russian].
- DVP SSSR 1957 - Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of Soviet foreign policy], vol. 1, Moscow, Gospolitizdat, 1957, 772 p. [in Russian].
- Za vlast' Sovetskuju. Bor'ba trudjashhihsja Moldavii protiv interventov i vnutrennej kontrrevoljucii (1917-1920) [Soviet power. The struggle of the working people of Moldova against the invaders and internal counterrevolution (1917-1920)], Sbornik dokumentov i materialov, Kishinev, 1970, 404 p. [in Russian].
- Lazarev 1874 - *Lazarev A.M.* Moldavskaja sovjetskaja gosudarstvennost' i bessarabskij vopros [Moldavian Soviet state and the Bessarabian question], Kishinev, Kartja moldovenjaskje, 1974, 912 p. [in Russian].

Levit 2000 - *Levit I.Ie.* Moldavskaja respublika (nojabr' 1917 - nojabr' 1918) [Moldavian Republic (November 1917 - November 1918)], Kishinjov, Central'naja tipografija, 2000. 498 p. [in Russian].

Lenin 1969 - *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch [Full. cit. op.], vol. 35, Moscow, Politizdat, 1969, 600 p. [in Russian].

Lenin 1970 - *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch [Full. cit. op.], vol. 50, Moscow, Politizdat, 1970, 624 p. [in Russian].

Mel'tjuhov 2010 - *Mel'tjuhov M.I.* Bessarabskij vopros mezhdru mirovymi vojnami [Bessarabian question interwar], 1917-1940. Moscow, Veche, 2010, 480 p. [in Russian].

Sovetsko-rumynskie 2000 - *Sovetsko-rumynskie otnoshenija* [Soviet-Romanian relations] 1917-1941. Dokumenty i materialy v dvuh tomah. T. 1, Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 2000, 456 p. [in Russian].

Solov'ev 1997 - *Solov'ev O.* Nojabr' 1917 g. Kak Anglija i Francija delili Rossiju [Britain and France divided Russia], *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 1997, Nr 10, pp. 95-110. [in Russian].

Shtejn 1949 - *Shtejn B.E.* "Russkij vopros" na Parizhskoj mirnoj konferencii ["Russian question" at the Paris Peace Conference] (1919-1920 gg.). Moscow, Gospolitizdat, 1949, 464 p. [in Russian].

1918 la Romani 1983 - 1918 la Romani. Documente externe [Romanian 1918. External Documents], vol. 2, București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1983, 680 p. [in Romanian].

Averescu 1992 - *Averescu A.* Notite zilnice din război [Daily Notes of war], vol. 2, 1916-1918 (Războiul nostru), București, Editura Militara, 1992, 352 p. [in Romanian].

Bărbulescu et al. 1998 - *Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P.* Istoria României [History of Romania], București, Editura Enciclopedică, 1998, 618 p. [in Romanian].

Brătianu 1995 - *Brătianu Gh.I.* Basarabia. Drepturi naționale și istorice. [National and historical rights], București, Editura Semne, 1995, 148 p. [in Romanian].

Ciobanu 1929 - *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917-1918 [Union of Bessarabia. Studies and documents on the national movement in Bessarabia in the years 1917-1918], București, Cartea românească, 1929, 1929, 314 p. [in Romanian].

Constantiniu 1997 - *Constantiniu Fl.* O istorie sinceră a poporului român [An honest history of the Romanian people], București, Univers enciclopedic, 1997, 466 p. [in Romanian].

Dobrinescu, Constantin 1995 - *Dobrinescu V. Fl., Constantin I.* Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial [Bessarabia in the years of World War II] (1939-1947), Iași, Institutul European, 1995, 374 p. [in Romanian].

Duca 1982 - *Duca I.G.* Amintiri politice [Political memories], vol. 3, München, Jon Dumitru-Verlag, 1982, 322 p. [in Romanian].

Duca 1994a - *Duca I.G.* Memorii [Memories], vol. 3, Războiul [War] (1916-1919), București, Editura Machiavelli, 1994, 304 p. [in Romanian].

Duca 1994b - *Duca I.G.* Memorii [Memories], vol. 4, Războiul [War] (1916-

1919), București, Editura Machiavelli, 1994, 328 p. [in Romanian].

Fejtő 1969 - *Fejtő F.* Histoire des démocraties populaires., vol. 1, Paris, Éditions du Seuil, 1969, 534 p. [in French].

Fisher 1969 - *Fisher L.* Russia's Road from Peace to War. 1917-1941, New York, Sage Publications, 1969, 384 p. [in English].

Kirițescu 1989 - *Kirițescu C.I.* Istoria războiului pentru întregirea României [History of the war for the completion Romania], 1916-1919, vol. 2, București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1989, 524 p. [in Romanian].

Marghiloman 1995a - *Marghiloman A.* Note politice [Political Notes], vol. 2, București, Editura Machiavelli, 1995, 306 p. [in Romanian].

Marghiloman 1995b - *Marghiloman A.* Note politice [Political Notes], vol. 3, București, Editura Machiavelli, 1995, 492 p. [in Romanian].

Meurs 1996 - *Meurs W.P. von.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă [The issue of Bessarabia in communist historiography], Chișinău, Editura Arc, 1996, 526 p. [in Romanian].

Nanu 1993 - *Nanu F.C.* Politica externă a României [Romania's foreign policy], 1918-1933. Iași, Institutul European, 1993, 172 p. [in Romanian].

Oprea 1998 - *Oprea I.* România și Imperiul Rus [Romania and the Russian Empire], 1900-1947. Vol. 1, Bucuresti, Albatros, 1998, 368 p. [in Romanian].

Pădureac 2003 - *Pădureac L.* Relațiile româno-sovietice [Romanian-Soviet relations] (1917-1934). Chișinău, Prut International, 2003, 216 p. [in Romanian].

Politica externă 1986 - *Politica externă a României.* Dicționar cronologic. [Romania's foreign policy. Dictionary chronological], București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1986, 416 p. [in Romanian].

Relațiile 1999 - *Relațiile româno-sovietice* [Romanian-Soviet relations]. Documente, vol. 1, București, Editura Enciclopedică, 1999, 446 p. [in Romanian].

Spector 1995 - *Spector Sh.D.* România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu [Romania at the Paris Peace Conference. BC's diplomacy Bratianu], Iași, Institutul European, 1995, 382 p. [in Romanian].

Suga 1958 - *Suga A.* Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwickland des Landes. Bonn, [s.n.], 1958, 130 p. [in Romanian].

Studii și materiale de istorie contemporană [Studies and materials of contemporary history], vol. I, Bucuresti, Editura Academiei R.P.R., 1956, 322 p. [in Romanian].

Văisse 2008 - *Văisse M.* Dicționar de relații internaționale [Dictionary of International Relations]. Secolul XX. Iași, Polirom, 2008. 400 p. [in Romanian].

Назария Сергей Михайлович - кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент Государственного института международных отношений Молдовы.

Nazaria Sergiu - Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor of International Relations at the State Institute of International Relations of Moldova.

E-mail: sergnazar@mail.ru

УДК 94(470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/6

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ НА ДНЕСТРЕ: САБОТАЖ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

П.М. Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: p_shornikov@km.ru

Scopus Author ID 55588230700

SPIN-код: 5577-1050

Авторское резюме

В 1918-1920 гг. в Кишиневе и Одессе действовала нелегальная организация некоммунистического Сопrotивления – комитет «Спасение Бессарабии». Ориентируясь на Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) под командованием генерала А.И. Деникина, этот комитет готовил военную операцию по освобождению Бессарабии от румынских оккупантов: формировал воинские части, вел патриотическую пропаганду. События, связанные с Хотинским и Бендерским восстаниями и занятием Тирасполя красными партизанами в январе 1919 г., дают основания полагать, что патриотическая организация бессарабских офицеров сотрудничала с большевиками.

Ключевые слова: Бессарабия, комитет «Спасение Бессарабии», Тирасполь, Хотинское восстание, Бендерское восстание, белое подполье.

White and Red (Army) on the Dniester: the sabotage of the Civil War?

P.M. Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107, October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova

E-mail: p_shornikov@km.ru

Abstract

The illegal organization of non communistic Resistance – Committee "Salvation of Bessarabia" acted in 1918-1920 in Kishinev and Odessa. The Committee prepared

military operation on liberation Bessarabia from the Romanian invaders. It was guided by the Armed Forces of South Russia (AFSR) under command of general A. I. Denikin. It formed military units, led the patriotic propaganda. The events associated with Hotin and Bender revolts, occupation of Tiraspol by red partisans in January, 1919 give the ground to assume that the patriotic organization of Bessarabia officers cooperated with Bolsheviks.

Keywords: Bessarabia, the Committee "Salvation Bessarabia", Tiraspol, Khotyn uprising, Bender revolt, white underground.

Отношения противоборствующих сторон в регионах следует отнести к разряду наименее изученных сюжетов истории гражданской войны. Вероятно, самое героическое и трагическое событие тех лет, произошедшее на юго-западе России, – Хотинское восстание против румынских оккупантов, охватившее в январе 1919 г. север Бессарабии. В советской историографии оно трактовалось противоречиво: как подготовленное при участии большевиков, но поднятое преждевременно, задолго до подхода к Днестру частей наступавшей Красной армии (Хотинское восстание 1976: 5-7). Нами показано, что по вопросу об отношении к румынской оккупации Бессарабии между красными и белыми существенных расхождений не существовало. Было также высказано предположение, что Хотинское восстание являлось звеном большого замысла патриотических сил (Шорников 2011: 31, 35).

Доклад румынской политической полиции (сигуранцы), озаглавленный «Деятельность Центра "Спасение Бессарабии" в Бессарабии» (НАРМ 1: 2-9) содержит сведения, дающие основания полагать, что по вопросу Бессарабии с декабря 1918 до февраля 1920 г. белые и красные действовали параллельно. Об участии в Бендерском восстании 27 мая 1919 г. сотен офицеров воинской части, сформированной комитетом «Спасение Бессарабии» в Тирасполе, нами опубликована специальная статья (Шорников 2012: 3-10). Итак, какими же были отношения белых и красных на Днестре в годы гражданской войны?

Офицерская организация «Спасение Бессарабии» была создана в Кишиневе в декабре 1918 г. По мнению чинов сигуранцы, ее возникновение было связано с падением на Украине режима гетмана Скоропадского после начала революции в Германии. Но офицеры проживали в Бессарабии, и более вероятным фактором активизации некоммунистического сопротивления в области представляется роспуск в ночь на 26 ноября (9 декабря) 1918 г. Сфатул Цэрий - законодательного органа Молдавской Народной Республики, провозглашенной годом ранее, т. е. завершение процесса аннексии

Бессарабии Румынией. Кроме того, в конце ноября в Черное море вошли флоты Франции и Великобритании, высадившие десанты в Новороссийске, Севастополе и Одессе. В Кишиневе по инициативе генерал-лейтенанта А.И. Евреинова, бывшего начальника 14-й пехотной дивизии русских войск Румынского фронта, состоялось совещание бывших командиров частей этой дивизии. В нем приняли участие полковники Зеленицкий, Лысенко, Журарь, Сатмалов, Куш, Гагауз и Цепушелов. Судя по фамилиям участников совещания, основателями организации являлись трое велико- или малороссов, четверо молдаван и гагауз. Накануне совещания генерал договорился со многими бессарабскими собственниками, которые пообещали офицерской организации материальную помощь.

Создание комитета «Спасение Бессарабии» и разработку программы его деятельности сигуранца считала «плодом собственной инициативы вышеуказанных лиц». Более вероятно, что в декабре 1918 г. организация Евреинова оформилась как военное подразделение бессарабского Сопротивления, подчиненное комитету «Спасение Бессарабии», ранее учрежденному в Одессе архиепископом Кишиневским и Хотинским Анастасием (которому румынские власти воспретили возвращение в Бессарабию из Москвы, где он осудил румынскую интервенцию), бывшим депутатом Государственной Думы А.Н. Крупенским и городским головой Кишинева В.К. Шмидтом (Шорников 2010: 185-189). Во всяком случае, лица, принявшие участие в совещании, к тому времени уже возглавляли нелегальные группы офицеров.

Программа борьбы за воссоединение Бессарабии с Россией, разработанная на декабрьском совещании, отличалась военным прагматизмом. По сведениям сигуранцы, накопленным к февралю 1920 г., участники совещания приняли решение:

«1) Проводить яростную пропаганду против румын в Бессарабии и распространять среди населения юга России сведения, что румыны обращаются варварски с населением Бессарабии.

2) Проводить яростную пропаганду среди молодых людей и особенно среди офицеров за временное оставление территории Бессарабии и их отправку в Россию для их включения в особые части.

3) При помощи комитета сформировать на территории России специальные ударные части, состоящие только из бессарабцев.

4) Учредить агитационные пункты на территории Бессарабии, которые при появлении Добровольческой армии на границе Бессарабии произведут восстание в тылу (румынского) фронта.

5) Поиск [денежных] средств на месте, дабы изыскать возможность осуществления этого плана».

К выполнению этой программы организация приступила незамедлительно. Полковнику Лысенко было поручено организовать в Кишиневе «бюро» по набору офицеров для их отправки за пределы оккупированной Бессарабии – в Тирасполь. На железнодорожных станциях между Киевом и Тирасполем, на путях перемещения военнопленных, возвращавшихся в Бессарабию из Германии и Австро-Венгрии, комитет создал ряд подпольных пропагандистских групп («бюро»). Их участники вели политическую и организационную подготовку бывших пленных к участию в освободительном восстании в Бессарабии. Когда запад Новороссии был занят войсками петлюровской Центральной Рады, эти «бюро» перешли в подчинение генерала А. Грекова и продолжили свою работу нелегально. В Бессарабии, признают авторы документа, патриотическая пропаганда имела видимый успех. Из бессарабских добровольцев и офицеров, возвращавшихся из плена, полковник Журарь уже в январе 1919 г. сформировал в Тирасполе воинскую часть численностью до 1000 бойцов. Из этих людей, обладавших опытом участия в Первой мировой войне, члены организации «Спасение Бессарабии» готовили инструкторов для партизанских войск, которым предстояло действовать в Бессарабии.

Уже в январе 1919 г. подготовка восстания в Бессарабии достигла активной фазы. По конспиративным каналам в Кишинев на имя генерала А.И. Евреинова поступила финансовая помощь от командования Добровольческой армии. Деньги были переданы полковнику Лысенко, и вербовочная работа усилилась. Попало в поле зрения румынской разведки и «бюро» генерала Грекова. 13 февраля 1919 г. Ставка главного командования румынской армии известила штабы румынских войск, дислоцированных в Бессарабии, о том, что «в Ананьеве, на Украине, в Херсонской губернии, существует революционный кружок, который распространяет в Бессарабии и Центральной Румынии зажигательные листовки на русском, французском и немецком языках, призывая население к восстанию. С этой целью засылаются агенты, которые, помимо распространения листовок, производят набор бессарабцев в национальную (т. е. Белую. – П.Ш.) армию, формирующуюся в Тирасполе» (НАРМ 1: 249). Отряд полковника Жураря получал пополнение.

Но восстание в Бессарабии готовили и большевики. В конце декабря 1918 г. коммунистические организации Бессарабской, Подольской и Херсонской губерний провели ряд совещаний, в которых приняли участие представители Кишиневской, Бендерской и Хотинской подпольных организаций (Хотинское восстание 1976: 5). 19 января 1919 г. сформированный в Подолии отряд партизан-

молдаван под командой Григория Барбуцы, деятеля крестьянского движения в Сорокском уезде Бессарабии, перешел по мосту Днестр и разгромил румынский гарнизон в местечке Атаки. На западный берег Днестра переправилось еще несколько вооруженных отрядов. К ним присоединились тысячи крестьян и рабочих – недавних солдат русской армии, участников Мировой войны, и команда находившегося в Могилеве-Подольском петлюровского бронепоезда под командой уроженца бессарабского села Каларашовка матроса Георгия Муллера. 23 января повстанцы вошли в город Хотин. Раскол патриотических сил на белых и красных скверно отразился на общей борьбе против интервентов. Отряд Жураря не оказался в нужное время в нужном месте, и его бойцы не смогли пополнить ряды хотинских повстанцев. Но было ли Хотинское восстание начато преждевременно?

Оно было поднято вовремя – накануне Версальской конференции, призванной подвести итоги Первой мировой войны и решить среди прочих вопрос о государственной принадлежности Бессарабии. Открытие конференции было намечено на 1 февраля 1919 г. Выступая как временное правительство Бессарабии, Директория, созданная хотинскими повстанцами, уже 22 января обратилась к Англии, Франции, Италии, Германии, США, Австрии, Украинской Народной Республике и РСФСР с нотой, в которой «от имени всего пострадавшего бессарабского народа» доводила до сведения, что «румынское правительство произвело над всем бессарабским народом небывалое насилие. [...] в то время когда свобода сделалась неотъемлемым достоянием всех народов, когда оставалось воспользоваться плодами свободы, соседнее Бессарабии империалистическое государство Румыния наложило на Бессарабию тяжелое иго, присоединив (ее к) себе, по выражению правительства Румынии, "на вечные времена", не имея на это абсолютно никакого права и основания, и помимо воли бессарабского народа. Это иго в настоящее время скидывается самим народом...». Директория просила помочь бессарабцам «провести у себя референдум и только тогда, когда воля народа выяснится, присоединиться к тому или другому народу государства» (Хотинское восстание 1976: 190). В качестве связного с европейскими странами Директория использовала офицера британского флота М.Макларена, прибывшего в Хотин 22 января. Привлеченный повстанцами к расследованию злодеяний оккупантов в селе Недобоуцы, где румынские войска при отступлении убили 53 крестьян, Макларен заявил: «Теперь я вижу и могу засвидетельствовать, как население присоединилось к Румынии и что оно вынесло, если решилось восстать» (Хотинское восстание 1976: 103).

В январе 1919 г. на юге Бессарабии располагались значительные силы румынской армии. Патриотам следовало предотвратить их переброску на север для использования против хотинских повстанцев. Но Тирасполь и восточный берег Днестра к северу от города занимали петлюровцы, а Одесса находилась под контролем интервентов и белых. По решению Военно-революционного штаба при Одесском подпольном губернском комитете большевиков в селе Маяки был сформирован Приднестровский партизанский отряд численностью 150 бойцов (100 пехотинцев и 50 кавалеристов) при одном орудии и четырех пулеметах. Командовали им А. Гончаров и Г. Тарасенко. Против интервентов также выступили крестьяне сел Беяевка и Яское, где был размещен французский гарнизон, охранявший водопроводную станцию, снабжавшую водой Одессу. Переброшенные из Одессы в Беяевку подразделения белых заняли села, но 30 января Приднестровский отряд, совершив 80-верстный марш, подступил к Тирасполю. Ранее в город проник взвод бойцов дружины имени Петра Старостина, состоявший из молодых рабочих Одессы. Петлюровцы обнаружили его присутствие, но глава уездной администрации «гражданский комиссар» И.Н. Колесников, связанный с большевистским подпольем, заверил их, что «отряд прибыл для охраны города» (Иванова 2001: 29).

Дальнейший ход событий можно объяснить только негласной договоренностью, достигнутой красными с полковником Журарем и петлюровцами. Партизаны выстрелили из пушки, и петлюровский гарнизон (охранная рота и отряд полиции общей численностью 120 штыков), не оказав сопротивления, отбыл на станцию Раздельная, а представители французских и румынских войск – в Кишинев. Несмотря на присутствие в Тирасполе целого полка белых, партизаны вошли в город, освободили политических заключенных и восстановили Совет рабочих и крестьянских депутатов. К вечеру в Тирасполь прибыли красные партизанские отряды, сформированные в селах Сукляе, Плоское, Владимировка, Малаешты и др. Всего около 100 крестьян, вооруженных топорами, вилами, обрезками, немецкими и австрийскими винтовками. Из Одессы прибыл партизанский отряд под командой Г.И. Котовского. В Тирасполе был создан Революционный комитет спасения Молдавской Республики, призванный организовать борьбу за освобождение Бессарабии. Местную власть – Тираспольский военно-революционный комитет возглавил матрос партизан А. Глинка. Железная дорога, связывавшая Одессу с Бессарабией и Румынией, была перерезана (Борьба трудящихся 1967: 248; Новохатский 1976: 352, 253; История ПМР 2001: 38).

За Днестром, в Бендерах, находились французские войска. Французское командование в Одессе, узнав о захвате Тирасполя пар-

тизанами, отдало приказ о занятии города и «обезоруживании большевиков». 4 февраля в 10 часов утра смешанный румынско-французский отряд численностью 400 штыков перешел по мосту Днестр и, пройдя село Парканы, принял боевой порядок. Французы были солдатами 58-го Авиньонского полка – одной из наиболее боеспособных частей французской армии; ранее они сражались с немцами под Верденом. Но в России у авиньонцев был другой противник. Учитывая численность и боевой дух партизан, наличие у них фронтового опыта, а также пушки и пулеметов, сил, выделенных французским командованием для их «разоружения», было явно недостаточно. Но французы, в отличие от румын, обращались с населением корректно, и эти отношения следовало сохранить. Партизаны попытались избежать кровопролития. Навстречу наступающим интервентам они отправили делегацию в составе партизан Богун, Карпенко и Черненко (последний, вероятно, офицер, владел французским языком). «На автомобиле, – вспоминал позднее Богун, – наша делегация приблизилась почти вплотную (к цепи французов и румын). Навстречу нам выехал французский офицер, командовавший цепью. "Что вам угодно?" – спросил французской офицер. "Что вам угодно?" – переспросил тов. Черненко. "Вы идете на город Тирасполь боевым порядком, в то время когда мы совершенно не намерены вести с вами войны и просим вас не вмешиваться в наши внутренние дела". "Я послан занять город, – с гонором ответил французский офицер, – и должен восстановить в нем порядок, а потому приказываю вам: идите обратно в казармы, оставьте ваше оружие и разойдитесь по домам. Я обещаю, что никого не буду преследовать, если вы это сделаете. Если же нет, то помните, что, когда я через час займу город, пощады не будет никому"» (Иванова 2001: 30, 31).

Делегаты, утверждал И.З. Богун, гордо ответили: «Большевики никогда и никому добровольно оружия не отдают». В действительности представители партизан, скорее всего, ответили, что сообщат о требовании французов своему командованию. Так или иначе, они благополучно отбыли в Тирасполь, но миссия милосердия провалилась. На заснеженном поле под Тирасполем партизаны встретили цепи карателей прицельным огнем. Были убиты 100 солдат противника, о раненых, как и о потерях партизан, мемуарист не упоминает. Атака была отбита, 32 француза попали в плен. Их привели в город на митинг, назначенный на 12 часов дня, и дали им возможность убедиться в том, что «рабочие и крестьяне не питают враждебных чувств к французским солдатам и считают их своими братьями» (Иванова 2001: 31). Затем партизаны накормили пленных обедом из полевой кухни, угостили самогоном и освободили.

Между тем со стороны Кицканского леса артиллерия противника начала обстрел Тирасполя. Это вынудило партизан перейти по льду Днестр и выбить интервентов из сел Кицканы, Слободзея, Талмазы. Румынская администрация бежала также из Бендер, а артиллерия прекратила обстрел города. Вероятно, под впечатлением боя 4 февраля солдаты 58-го полка единодушно отказались сражаться с повстанцами. В распоряжении командира 16-й французской дивизии генерала Кота, чей штаб находился в Бендерах, имелись части алжирских стрелков, большевистской агитацией не затронутые, а также румынские войска и польские легионеры. Используя эти силы, он мог предпринять штурм Тирасполя. Но позицию «нейтралитета», занятую отрядом бессарабских офицеров при вступлении в город красных партизан, командование интервентов не без оснований истолковало как их участие в восстании и внесло отряд Жураря в перечень сил повстанцев, а это изменило общее соотношение сил. Ввиду превосходства партизан в численности войск и в артиллерии французские части, выделенные для подавления восстания, не решились повторить атаку на Тирасполь (Борьба трудящихся 1967: 248). Речь явно шла не только о партизанах, численность которых, несмотря на полученное подкрепление, вряд ли превышала 500 бойцов, и не о единственной пушке Приднестровского отряда, но и об отряде Жураря и имевшихся у него орудиях.

Переброску на север Бессарабии румынских войск, дислоцировавшихся на юге области, большевистскому подполью Одессы удалось сорвать. Однако в начале февраля Хотинское восстание было подавлено. Вокруг Тирасполя началась концентрация французских и румынских войск, снабженных артиллерией и танками, а также частей польских легионеров и петлюровцев. 5 февраля в занятой интервентами и белыми Одессе большевики провели конференцию делегатов подпольных партийных организаций Одессы, Херсона, Тирасполя, Бендер и Кишинева, представлявших до 2000 членов партии большевиков. Видимо, в соответствии с решением, выработанным участниками конференции, 8 февраля партизаны ушли из города (Иванова 2001: 31, 32), избежав разгрома.

Продолжая имитировать «нейтралитет», отряд Жураря остался в Тирасполе. Вместе с интервентами в город вступили формирования белых добровольцев из Одессы (Иванова 2001: 32). Видимо, учитывая наличие у бессарабских и одесских белогвардейцев особых отношений с воинской частью, состоящей из профессионалов войны, петлюровцы конфликтовать не решились. Вступив в город, они занялись грабежом, «попутно» убив 89 жителей (История ПМР 2001: 39). Среди погибших оказался железнодорожный служащий

Я. Антипов, отец Павла Ткаченко, будущего руководителя коммунистического подполья Бессарабии и одного из основателей Румынской коммунистической партии (Шорников 2008: 164-184). Но развязать в городе террор наподобие кровавой бани, устроенной румынскими войсками населению Северной Бессарабии после подавления Хотинского восстания, каратели не посмели.

Повлияло ли Хотинское восстание на позицию участников Версальской конференции по вопросу о судьбе Бессарабии? Оно осложнило румынской дипломатии решение бессарабского вопроса в духе, угодном официальному Бухаресту. Почву для восприятия общественностью Франции идеи о недопустимости включения Бессарабии в состав Румынии готовили лидеры комитета «Спасение Бессарабии» А.Н. Крупенский и В.К. Шмидт. Еще в конце 1918 г. они прибыли в Париж и развернули во французской прессе кампанию разоблачения террористической политики Румынии в Бессарабии, призванную предотвратить признание державами-победительницами аннексии области Румынским королевством. Видимо, не без их участия сведения о восстании и зверствах румынских войск при его подавлении попали во французскую прессу. Реакцию участников конференции ощутили и представители Румынии. Четверть века спустя репрессии, проведенные карателями после подавления восстания, счел чрезмерными и политически вредными для Румынии даже нацистский диктатор Ион Антонеску. «В 1919 году, – заявил он 27 марта 1942 г. на заседании румынского правительства, – мы чуть не потеряли Бессарабию по вине генерала Давидоглу, который уничтожил семь сел и убил множество народа. Известно, что по этой причине Парижская мирная конференция занялась пересмотром вопроса о Бессарабии, чтобы не дать нам Бессарабию, потому что мы дикари» (Фьодоров 1973: 39, 40).

Офицерский полк, сформированный белым подпольем Бессарабии, остался в Тирасполе и 18 апреля, когда в город вступили войска Красной армии. С ее командованием у полковника Жураря, видимо, также имелась политическая договоренность. 22 апреля командующий 1-й Украинской армией красных доложил: «...весь левый берег Днестра от [села] Белочь в 20 верстах севернее Рыбницы до устья с переправами в наших руках. Петлюровские банды ушли за Днестр, часть их разоружена» (Широкоград 2007: 163). О разоружении полка бессарабских офицеров речи не было. Часть их, как отмечено в докладе сигуранцы, возвратилась в Бессарабию, а остальные перешли к большевикам. «Эта часть, – говорится в документе далее, – сыграла большую роль в связи с наступлением большевиков в мае месяце прошлого года». Вероятно, офицеры из отряда полковника Жураря и являлись упомянутыми в других документах партизана-

ми-бессарабцами, принявшими 27 мая 1919 г. участие в Бендерском восстании. Общее число партизан, переправившихся через Днестр и принявших участие в боях в городе, румынская политическая полиция оценила в 550-600 чел. Таким образом, большинство офицеров-бессарабцев, уклонившись от участия в гражданской войне, все-таки дали бой интервентам (Шорников 2012: 5, 6). Однако вооруженная база комитета «Спасение Бессарабии» в Тирасполе была утрачена.

В Бессарабии румынская полиция пыталась обезглавить организации большевиков. После подавления восстания каратели схватили более 1500 жителей Бендер. Летом 1919 г. румынская армия и полиция провели массовые аресты по всей области. С 24 июня по 29 августа румынские власти провели в Кишиневе судебный «Процесс ста восьмью», на котором 19 деятелей и активистов большевистского подполья были приговорены к смертной казни, еще 21 – к пожизненному заключению, 30 – к различным срокам тюремного заключения (Советская Молдавия 1982: 507). Трудно предположить, что румынские спецслужбы не знали об участии в Бендерском восстании также бессарабских офицеров. Почему же репрессии не затронули белое подполье?

Между комитетом «Спасение Бессарабии» и румынскими властями не существовало конфликта идеологий. Конечные цели организации ее руководители, естественно, держали в секрете. А практическая работа комитета показывала, что имеет место совпадение тактических задач румынской администрации и белых. Пополняя часть полковника Жураря, комитет удалял из Бессарабии знатоков военного дела, притом наиболее патриотичных, что отвечало интересам румынских властей. Таким же образом, направляя из Бессарабии офицеров на Дон, действовали и представители стран Антанты. Уже в январе 1918 г. регистрацией офицеров якобы для направления их на север России занялся в Кишиневе царский генерал Асташев, получив деньги от французской миссии в Яссах. Осенью вербовку офицеров для армии А.В. Колчака продолжил некто М.К. Ферендино. Он набрал 150 офицеров, 50 из которых уехали служить не в Сибирь, а в армию Деникина. Весной 1919 г. по предложению члена французской военной миссии в Яссах маркиза Беллуа вербовку офицеров для армии Деникина продолжил проживавший в Кишиневе штаб-ротмистр князь П.С. Трубецкой. Всего Центр Добровольческой армии в Одессе переправил из Бессарабии в деникинскую армию около 300 офицеров (Борьба трудящихся 1967: 331, 332). Комитет «Спасение Бессарабии» действовал гораздо эффективнее; как отмечено, только в Тирасполь он переправил более 1000 офицеров.

Тогда же у оккупантов возник план: изъять у населения оружие под видом его сбора для Добровольческой армии. Проект был одобрен командующим румынскими войсками в Бессарабии генералом Артуром Войтояну. Однако в способность белых восстановить российскую государственность большинство населения Бессарабии не верило, и эта операция по разоружению бессарабцев провалилась (Шорников 2011: 39, 40). Но комитет «Спасение Бессарабии» действительно намеревался поднять восстание и население сдавать оружие не призывал.

Между тем, в докладе сигуранцы признано, что весной и летом 1919 г. работа комитета шла «с поразительным успехом». Воодушевленные победами войск генерала Деникина, участники белого подполья продолжали вербовать в Бессарабии пополнение для Добровольческой армии, противодействуя при этом мобилизации молодежи в румынскую армию. В Комрате полковник Гагауз «посредством собственных трактовок и точных данных о деятельности румын (в Бессарабии) спровоцировал волнения среди резервистов и воспламенил их против румын [...] Дело [пропаганды] проводилось настолько интенсивно, что в конце июля 1919 года вся Бессарабия была предрасположена к прорусским чувствам». Что, впрочем, было обусловлено исторически, национально-политически и социально. Полковника Гагауза коллеги спасли от ареста, переправив его за Днестр.

В июне 1919 г. в Кишинев нелегально прибыл полковник Н.Н. Козлов, как установила впоследствии румынская спецслужба, деникинский разведчик, более того, «шеф отдела военного шпионажа» Добровольческой армии. Он провел ряд бесед с бывшим командиром Подольского полка, а затем с начальником штаба молдавских когорт полковником А.А. Гепецким (родственником «умеренно-правого» депутата III и IV Государственных Дум от Бессарабской губернии священника Н.Е. Гепецкого) и другим офицером-молдаванином – полковником Сырбу. Оба офицера были включены в состав комитета «Спасение Бессарабии». Гепецкий, как и Евреинов, провел переговоры с состоятельными людьми; ему гарантировали, что деньги будут предоставлены, но с условием, «чтобы о жертвующих лицах знали только Гепецкий и Сырбу». Было решено вновь сформировать в составе Добровольческой армии части русской армии, ранее находившиеся в Бессарабии. Были назначены их командиры, а генерал-лейтенант А.В. Геруа по поручению комитета обратился к румынскому правительству за официальным разрешением бывшим русским офицерам покинуть Бессарабию. Оно было Бухарестом дано, но комитет, казалось, перестал быть тайной организацией.

Полковник Генерального штаба Васильев, направленный в мае 1919 г. в Кишинев командованием Добровольческой армии, пришел к заключению, что «вербовать уже почти некого, кто мог и хотел, те уже выехали в (деникинскую) армию, осталась на месте небольшая группа лиц, тесно связанных с местом семейно или материально. Часть из них не может выехать, ибо румыны уроженцев (Бессарабии) не выпускают, а часть и не хочет никуда ехать» (Борьба трудящихся 1967: 331). Ситуация была таковой в Кишиневе, но не на периферии. Благодаря полковнику А.А. Гепецкому, располагавшему связями среди офицеров-молдаван, агитация комитета получила отклик не только в городах, но и в селах. Под воздействием пропаганды участников офицерской организации, социальных и политических причин вербовка добровольцев продолжалась успешно. Поскольку восточный берег Днестра еще был занят красными, добровольцев переправляли в Тульчу - румынский порт на Дунае.

Дальнейшая работа комитета грозила деконспирацией его кадров и долго продолжаться не могла. В августе 1919 г., еще до вступления белых в Одессу, комитет якобы счел свою деятельность в Бессарабии завершенной и в почти полном составе также убыл в Тульчу. Очевидно, уехали члены руководства подпольной сети, уже известные румынской полиции. Но генерал А.И. Евреинов, начальник вербовочного «бюро» полковник Лысенко и, видимо, часть актива организации остались в Бессарабии, и белое подполье продолжило свою работу. Поскольку данных об этом в докладе нет, операцию комитета «Спасение Бессарабии» по выводу организации из-под контроля спецслужб Румынии следует признать успешной.

На заседании, проведенном в Тульче, комитет принял программу дальнейшей работы. До сведения главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина решено было довести оценку политического положения в Бессарабии и предложить ему конкретные меры по подготовке операции по ее освобождению. «Существенное большинство» населения Бессарабии, как обоснованно полагало руководство белого подполья, желает воссоединения области с Россией и готово предоставлять для этого «деньги и людей в любом количестве, в каком потребуется». Далее следовало утверждение, что члены комитета сделали все, чтобы при необходимости начать восстание в тылу румынской армии. Понимая, что силами только самих бессарабцев изгнать румынскую армию из Бессарабии вряд ли удастся, они решили обратиться к А.И. Деникину с просьбой о восстановлении русских военных частей, дислоцированных до Мировой войны в Бессарабии. Решено было также «всеми путями добиваться начала военной операции против румын».

В конце августа 1919 г. комитет «Спасение Бессарабии», погрузив на специально зафрахтованный корабль «Дурустор» 1000 офицеров-бессарабцев, переправленных к этому времени в Тульчу, направился в уже занятую белыми Одессу. На территории, контролируемой правительством Деникина, комитет продолжал действовать как политическая структура. По прибытии в Одессу полковники Гепецкий и Гагауз выехали в Таганрог в ставку Деникина. Их доклады о зверствах румын в Бессарабии, как отмечала сигуранца, довели главнокомандующего до слез. В начале сентября Деникин прибыл в Одессу и принял весь состав Комитета «Спасение Бессарабии». С докладами выступили полковники Цепушелов, Сырбу и Куш. «В тот же день, как покончу с Петлюрой, – пообещал главнокомандующий ВСЮР, – наши солдаты перейдут рубеж Бессарабии».

Руководители комитета и некоторые участники организации получили назначения, позволявшие им влиять на политику ВСЮР по бессарабскому вопросу. «Полковник Гепецкий, – отмечено в докладе, – назначен в Министерство иностранных дел для постоянного информирования этого министерства по делам Бессарабии и их разъяснения иностранным миссиям. Полковник Гепецкий назначен (также) наблюдающим за формированием войск и службой шпионажа в районе Одессы. [Полковник] Гагауз с теми же задачами направлен в район Могилева (Подолія). Полковник Цепушелов с теми же задачами, как и Гепецкий, [прикомандирован] при генерале Шиллинге», главноначальствующем Новороссийской областью и командующим войсками Херсонской и Таврической губерний. Генерал-лейтенант А.В. Геруа возглавил миссию ВСЮР в Бухаресте, а военным комендантом Одессы стал молдаванин полковник Мунтян. На ответственный пост заместителя начальника Бюро информации и пропаганды (ОСВАГ) был назначен уроженец Бессарабии известный петроградский журналист М.Н. Бялковский (НАРМ 2: 200).

Для оценки работы А.А. Гепецкого на посту главы белой контрразведки Новороссии вспомним деятельность его предшественника. В декабре 1918 - апреле 1919 г. интервенты высадили в портах Херсонской губернии до 70 тыс. солдат и офицеров французских, английских и греческих войск, использовали против партизан дислоцированные в Бессарабии румынские войска и польских легионеров. Однако их контрразведывательные службы не смогли помешать большевистскому подполью проводить боевые операции в самой Одессе и формировать партизанские отряды, которые занимали города. В феврале 1919 г. начальником контрразведывательного отдела штаба Добровольческой армии Одесского района был назначен мастер политического сыска – действительный статский

советник В.Г. Орлов, одержимый борьбой против большевиков (Орлов 1998: 82). Под его руководством белая контрразведка раскрыла Одесский областной комитет большевиков, типографию подпольной газеты «Коммунист», «Иностранную коллегию» – звено большевистского подполья, которое вело большевистскую пропаганду среди французских и других иностранных матросов и солдат, и «красную сеть» разведки ВЧК; были схвачены и казнены руководитель подполья Иван Смирнов, французская коммунистка Жанна-Мари Лябурб и чекист-резидент Георгий Лафар, отравлена завербованная им актриса Вера Холодная, арестовано несколько десятков французских моряков, которые готовили покушение на своего командующего. Арестованных, как признал Орлов в мемуарах, контрразведчики подвергали пыткам (Орлов 1998: 94-97).

Однако политическую обстановку в Херсонской губернии эти провалы не изменили. Большевистский Областком возглавила 25-летняя Софья Ивановна (Елена Кирилловна) Соколовская, один из организаторов и руководителей «Иностранной коллегии». Под ее руководством свою миссию большевистское подполье выполнило. Расширить зону оккупации к северу от линии Тирасполь-Раздельная-Вознесенск-Николаев-Херсон интервентам не удалось из-за партизанско-повстанческой борьбы, организованной большевиками. Севернее этой линии вело бои партизанское соединение численностью 2000 бойцов, сформированное участником Тираспольской операции И.Н. Колесниковым. Южнее, вдоль железной дороги Раздельная-Одесса, действовал отряд под командой Г.И. Котовского численностью 250 бойцов (Иванова 2001: 32), а в самой Одессе – боевые группы подполья. 17 февраля 1919 г. подпольщики подорвали штабной вагон союзных офицеров. Под влиянием пропаганды большевиков экипажи крупнейших судов французской эскадры взбунтовались и подняли красные флаги. Свой флот и войска правительство Франции было вынуждено отвести на родину.

Пороком белой контрразведки была коррупция. Командование Добровольческой армии пыталось бороться с этим явлением. Но, видимо, самым рьяным ревнителем чистоты рядов оказался полковник А.А. Гепецкий. Он полностью обновил штат белой контрразведки в Одессе, причем в октябре всех чинов портовой контрразведки арестовали за взяточничество (Кадры). В рядах белых было немало бывших контрразведчиков царской армии; вероятно, в новый аппарат контрразведки были набраны не только малоподготовленные сотрудники. Подобно В.Г. Орлову, полковник А.А. Гепецкий, один из руководителей бессарабского подполья, обладал политическим и конспиративным опытом. Однако его приоритетом являлось осво-

бождение Бессарабии, а борьба руководимой им контрразведки против большевистского подполья вызывает вопросы.

Хотя в Одессе оставалось более 2 тыс. «формальных» членов Коммунистической партии и сотни комсомольцев, массовых арестов белые не предприняли. Подполье без особых помех вело организационную работу и издавало газету «Одесский коммунист». «Свежий, еще пахнувший краской номер «Одесского коммуниста», – вспоминала подпольщица Р.М. Лучанская, – часто появлялся на письменном столе коменданта города. Обнаружить место, где печаталась газета, денкинцам не удалось. Газета не имела ни одного провала». За полгода подпольщики выпустили 19 номеров газеты; почти открыто работала в Одессе большевистская организация «Красный крест», «партийные коллективы» действовали в профсоюзах. Подпольщикам удавалось проводить многочисленные совещания и устраивать побеги арестованных товарищей. Но попытки Петра Лазарева, прибывшего в Одессу по заданию Зафронтбюро ЦК КП(б) Украины, организовать в городе и окрестностях подпольные военные, т.е. террористические отряды закончились провалами боевых групп. Контрразведка разыскала и расстреляла мало кому известную Дору Евлинскую, палача Одесской ЧК, но якобы не догадывалась о пребывании в городе «знаменитого комиссара» Елены Соколовской, которая летом 1919 г. фактически возглавляла большевистскую администрацию города и была лично известна тысячам одесситов. 2 ноября 1919 г. большевики Одессы провели городскую партийную конференцию, на которой секретарь подпольного губкома Елена Соколовская выступила с ключевым докладом «О текущем моменте». Конференция избрала подпольный горком партии и направила низовым организациям директивы по дезорганизации белого тыла (Героическое подполье 1975: 203).

Соколовская дважды подвергалась арестам, но непонятным образом смогла бежать. Другие подпольщики, схваченные в те месяцы белыми, упоминают о коррупции среди контрразведчиков (Героическое подполье 1975: 246), однако редко – об избиениях. Крупных провалов так и не последовало, в уездах формировались партийные группы большевиков и партизанские отряды. Они налаживали связи, вели пропаганду, собирали оружие (Иванова 2001: 40-47), т.е. готовились взять власть, однако восстаний, диверсий, террористических актов не устраивали. Располагая войсками численностью всего 13, 5 тыс. штыков, в пять раз меньшей, чем интервенты в начале 1919 г., белые сохраняли контроль над всей территорией Херсонской и Подольской губерний. Неужели на почве общей позиции по вопросу об освобождении Бессарабии между шефом белой контрразведки и главой большевистского подполья была достигнута тайная дого-

воренность о взаимной терпимости? Возможно, именно такие подозрения возникли в 1937 г. у следователей НКВД – при том, что Е.И. Соколовская пользовалась доверием ЦК партии большевиков и оправдывала его. С декабря 1919 г. она работала в аппарате Коминтерна, потом редактировала газету «Коммунист», являлась директором киностудии «Мосфильм», когда там были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин» и «Чапаев». Тем не менее 12 октября 1937 г. она была арестована по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации, а 26 августа 1938 г. осуждена и расстреляна; в 1956 г. реабилитирована.

Относительная стабильность военно-политической обстановки в Новороссии позволила полковникам Гепецкому и Гагаузу сосредоточиться на подготовке операции по освобождению Бессарабии. По предложению деятелей комитета «Спасение Бессарабии» Деникин отдал секретный приказ о том, чтобы все офицеры-бессарабцы или те, кто ранее служил в частях русской армии, дислоцированных в Бессарабии, явились в Одессу для зачисления в «бессарабские» части Белой армии. Под командой члена комитета полковника Н.А. Зеленецкого в Одессе началось формирование 14-й пехотной дивизии, а также 14-й артиллерийской бригады под командой генерала Надеина. К 2 ноября Зеленецкий закончил формирование первого полка. Под видом пограничной стражи на линии Днестра создавались кавалерийские отряды. Войска, предназначенные для действий в Бессарабии, были объединены в Днестровский отряд. В воинских частях и среди населения была развернута пропагандистская подготовка Бессарабской операции.

Полковник Гагауз оказался причастным к переговорам командования ВСЮР с национальным движением русинов. А.И. Деникин согласился с сохранением Восточно-Галицийской автономии в составе России, и в середине ноября 1919 г. в районе Винницы, где белую контрразведку возглавлял Гагауз, на сторону Добровольческой армии в полном составе перешла Украинская Галицкая армия. По численности (13–16 тыс. чел.) она была равна белым войскам в Новороссии. Но галичане не желали воевать против русских людей – ни против белых, ни против красных (Суляк 2004: 233, 234). Кроме того, они были измотаны боями с польскими legionами, больше половины бойцов болели тифом. По распоряжению командования белых галичан разместили в Балте, Бирзуле, Тирасполе, Раздельной, Одессе. После восстановления боеспособности их можно было задействовать в операции по освобождению Бессарабии.

Весьма решительно действовали деятели комитета «Спасение Бессарабии» против представителей деникинской администрации, считавших проведение Бессарабской операции до завершения гра-

жданской войны нецелесообразным. В сентябре и октябре 1919 г. по настоянию полковников Гепецкого и Козлова один за другим были уволены со службы два коменданта гарнизона Одессы – полковники Мунтян и Востросаблин, обвиненные в «румынофилии»: полагая, что прежде следует победить большевиков, они чинили препятствия формированию «бессарабских» частей. В октябре комитет «Спасение Бессарабии» обсудил также вопрос о замене генерала А.В. Геруа, представлявшего ВСЮР в Бухаресте, генералом В.И. Гурко, поскольку первый также не считал вопрос об освобождении Бессарабии первоочередным.

Осложнить обстановку в Новороссии и тем самым затруднить проведение Бессарабской операции грозили действия начальника контрразведки Одессы Кирпичникова. Его стараниями к декабрю 1919 г. были заключены в тюрьму 1075 чел., в том числе 800 - за принадлежность к левым партиям и им сочувствующих. Схваченные контрразведчиками ранее руководитель разведывательного отдела Военно-революционного штаба одесского подполья А.Хворостин, П.Лазарев и секретарь Союза металлистов Горбатов погибли (Кирмель 2013: 119), после чего Кирпичников был убит. Согласно одной из версий, убийство совершили подпольщики, по другой – бойцы партизанского отряда Ж. Белого. Н.Н. Козлов полагал, что чиновник (по другой версии – полковник)-коррупционер был приговорен к расстрелу на собрании сотрудников белогвардейских и английской спецслужб (Зинько 1998: 9). Английских войск и флота в Одессе в это время не было. Ветераны одесского подполья ликвидацию Кирпичникова себе не приписывали, а убийство белыми контрразведчиками своего шефа за вымогание взяток не имеет прецедентов в истории гражданской войны, поэтому эту версию принять нельзя. Мнение главы деникинской разведки можно трактовать как намек на причастность к убийству Кирпичникова его непосредственного начальника – полковника Гепецкого.

Белые разгромили войска Петлюры и отбросили их за линию, контролируемую польскими войсками. Однако на антибольшевистском фронте соединения ВСЮР начали терпеть поражения. В ноябре 1919 г. части, подготовленные белыми для освобождения Бессарабии, деникинское командование перебросило на борьбу против Красной армии. Положения на фронте эта мера не изменила, а военная опора комитета «Спасение Бессарабии» на линии Днестра была потеряна вторично.

Руководство комитета было намерено продолжить борьбу за освобождение Бессарабии и после поражения Добровольческой армии. Полковник Гепецкий запросил у белого командования на

нужды бессарабского подполья крупную сумму – 12 млн руб. В начале января 1920 г. эти деньги были ему предоставлены и поступили в распоряжение комитета. В последние недели существования белой власти в Одессе и левобережном Поднестровье члены комитета подбирали агентов для направления в Бессарабию с задачей продолжить пропаганду, начатую в 1918 г. Работа эта была прервана 13 февраля 1920 г., когда войска Красной армии вновь вошли в Тирасполь. Приказ о расстреле политзаключенных, отданный командованием добровольческих войск в Одессе, выполнен не был. Подразделение белых, якобы присланное из Киева охранять тюрьму и выполнить этот приказ, сложило оружие еще до прибытия красных войск (Героическое подполье 1975: 210). Остались живы и дождались освобождения города и арестованные контрразведкой и заключенные в одесскую тюрьму чекисты (Кирмель 2013: 119). Что это было: упущение белой контрразведки или услуга, оказанная А.А. Гепецким большевикам? Скорее, второе.

Румынское правительство отказалось пропустить в Бессарабию отступавшие войска ВСЮР. Эти части, в том числе обоз с 7 тыс. раненых и беженцев, были вынуждены совершить под командой генерала Н.Э. Бредова тяжелый 14-дневный переход вдоль Днестра от Овидиополя и Тирасполя на соединение с польскими войсками у Новой Ушицы, где были вынуждены сложить оружие. Войска красных этому переходу практически не препятствовали. Белые сделали политические выводы: под Тирасполем 7,5 тыс. солдат и офицеров сдались красной кавалерийской бригаде Г.И. Котовского численностью всего 500 бойцов. А в Бессарабии белое подполье создало полулегальную «Бессарабскую монархическую организацию», руководимую бывшим начальником контрразведки одной из русских армий Румынского фронта генералом Е. Леонтовичем (Шорников, 2011: 103-105).

С румынской оккупацией Бессарабии в 1918 г. не смирились не только красные, но и белые. Общей целью основных участников гражданской войны стала подготовка операции по воссоединению области с Россией. Есть основания полагать, что для решения этой задачи белые негласно взаимодействовали с красными. В 1918-1920 гг. комитет «Спасение Бессарабии», как и большевистское подполье, готовил в Бессарабии восстание. Свою политическую и организационную работу он проводил последовательно и в тактическом плане успешно. Участники организации оказали поддержку Хотинскому восстанию и приняли участие в Бендерском восстании, организованном большевиками. Члены комитета готовили также операцию войск ВСЮР по освобождению области. Достичь своей

конечной цели комитет «Спасение Бессарабии» не смог вследствие поражения белых в гражданской войне.

ЛИТЕРАТУРА

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (*далее - НАРМ*). Деятельность Центра «Спасение Бессарабии» в Бессарабии. Ф. 679. Оп. 1. Д. 4929.

НАРМ 2 – НАРМ. Raport kontrinformativ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3401.

Борьба трудящихся 1967 - Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920 гг.). Сборник документов и материалов / Сост.: Н.В. Березняков и др. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. 684 с.

Героическое подполье 1975 - Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М.: Политиздат, 1975. 416 с.

Зинько 1998 - *Зинько Ф.З.* Кое-что из истории одесской ЧК. Одесса, 1998. 147 с.

Иванова 2001 - *Иванова З.М.* Левобережные районы Молдавии в 1918-1924 гг. (Исторический очерк). Кишинев: Штиинца, 1979. 216 с.

История ПМР 2001 - История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Первая часть. Тирасполь, РИО ПГУ, 2001. 416 с.

Кирмель 2013 - *Кирмель Н.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918-1922. Контрразведка. М.: Вече, 2013. 400 с.

Новохатский 1976 - *Новохатский М.* Путь в легенду. Очерк жизни Г.И. Хотовского. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1976. 664 с.

Орлов 1998 - *Орлов В.Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998. 300 с.

Советская Молдавия 1982 - Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982. 712 с.

Суляк 2004 - *Суляк С.* Осколки Святой Руси: Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. 240 с.

Кадры - Кадры белогвардейской контрразведки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autovipclub.ru/forum/showthread.php?t=3161> (дата обращения: 04.12.2014).

Фьодоров 1973 - *Фьодоров Г.К.* Режим де репрессий сынжероасе. Кишинэу: Картя молдовеняскэ, 1973. 252 с.

Хотинское восстание 1976 - Хотинское восстание (Сборник документов и материалов). Кишинев: Штиинца, 1976. 444 с.

Широкоград 2007 - *Широкоград А.Б.* Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. М.: Вече, 2007. 496 с.

Шорников 2011 - *Шорников П.М.* Бессарабский фронт (1918-1940 гг.). Тирасполь: Полиграфист, 2011. 288 с.

Шорников 2008 - *Шорников П.* Павел Ткаченко во главе бессарабского подполья // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред.

С.Г. Суляк [Кишинев]. 2008. № 1-2 (10-11). С. 164-184.

Шорников 2010 - *Шорников П.* Иеремия Чекан, священник и общественный деятель. Покровские чтения. Кн. 11. Тирасполь, 2010. С. 59-65.

Шорников 2012 - *Шорников П.* Тираспольская база офицерской организации «Спасение Бессарабии». 1918-1920 // Общественная мысль Приднестровья. 2012. №1. С. 3-10.

References

NARM 1 - Natsional'nyy arkhiv Respubliki Moldova (dalee - NARM) [National Archives of the Republic of Moldova (hereinafter - NARM)], Deyatel'nost' Tsentra "Spasenie Bessarabii" v Bessarabii [Activity Center "Salvation Bessarabia" in Bessarabia], f. 679, inv. 1, d. 4929 [in Russian].

NARM 2 – NARM. Raport kontraintelivativ [Counterintelligence report], f. 680, inv. 1, d. 3401 [in Romanian].

Bor'ba trudyashchikhsya 1967 - Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917-1920 gg.). Sbornik dokumentov i materialov [The workers' struggle against Moldova interventionists and internal counterrevolution (1917-1920)], cost.: N.V. Bereznyakov et al., Kishinev, Kartya Moldovenyaske, 1967, 684 p. [in Russian].

Geroicheskoe podpol'e 1975 - Geroicheskoe podpol'e. V tylu denikinskoj armii. Vospominaniya [Heroic underground. In the rear of Denikin's army. Memories], Moscow, Politizdat, 1975, 416 p. [in Russian].

Zin'ko 1998 - *Zin'ko F.Z.* Koe-chto iz istorii odesskoj ChK [Some of the history of the Odessa Cheka], Odessa, 1998, 147 p. [in Russian].

Ivanova 2001 - *Ivanova Z.M.* Levoberezhnye rayony Moldavii v 1918-1924 gg. (Istoricheskiy ocherk) [Left Bank of Moldova in the 1918-1924 biennium. (Historical Review)], Kishinev, Shtiintsa, 1979, 216 p. [in Russian].

Istoriya PMR 2001 - Istoriya Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki [History of the Transnistrian Moldovan Republic], vol. 2, part 1, Tiraspol, RIO PGU, 2001, 416 p. [in Russian].

Kirmel' 2013 - *Kirmel' N.S.* Spetssluzhby Belogo dvizheniya. 1918-1922. Kontrrazvedka [Special forces of the White movement. 1918-1922. Counterintelligence], Moscow, Veche, 2013, 400 p. [in Russian].

Novokhatskiy 1976 - *Novokhatskiy M.* Put' v legendu. Ocherk zhizni G.I. Kotovskogo [Way into legend. Essay on the life G.I. Kotovskogo], Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1976, 664 p. [in Russian].

Orlov 1998 - *Orlov V.G.* Dvoynoy agent. Zapiski russkogo kontrrazvedchika [Double agent. Notes of a Russian counter-intelligence], Moscow, Sovremennik, 1998, 300 p. [in Russian].

Sovetskaya Moldaviya 1982 - Sovetskaya Moldaviya. Kratkaya entsiklopediya [Soviet Moldavia. Short Encyclopedia], Kishinev, 1982, 712 p. [in Russian].

Sulyak 2004 - *Sulyak S.* Oskolki Svyatoy Rusi: Ocherki etnicheskoy istorii rusnakov Moldavii [Shards of Holy Russia: Essays ethnic history Rusnak Moldova], Kishinev, Publishing House "Tatiana", 2004, 240 p. [in Russian].

Kadry - Kadry belogvardeyskoy kontrrazvedki [White Guard counter-frames] [Electronic resource]. URL: <http://www.autovipclub.ru/forum/showthread.php?t=3161> (accessed: 04.10.2014) [in Russian].

Fodorov 1973 - *Fodorov G.K.* Rezhim de repressiy synzheroase. Kishineu: Kartya moldovenyaske, 1973. 252 p. [in Moldavian].

Khotinskoe vosstanie 1976 - Khotinskoe vosstanie (Sbornik dokumentov i materialov) [The uprising in Khotyn (collection of documents and materials)], Kishinev, Shtiintsa, 1976, 444 p. [in Russian].

Shirokorad 2007 - *Shirokorad A.B.* Uteryannye zemli Rossii. Otkolovshiesya respubliki [Russia lost ground. Breakaway republic], Moscow, Veche, 2007, 496 p. [in Russian].

Shornikov 2011 - *Shornikov P.M.* Bessarabskiy front (1918-1940 gg.) [Bessarabian front (1918-1940)], Tiraspol, Poligrafist, 2011, 288 p. [in Russian].

Shornikov 2008 - *Shornikov P.* Pavel Tkachenko vo glave bessarabskogo podpol'ya [Paul Tkachenko headed Bessarabian underground], Rusin. International historical magazine, red. S.G. Sulyak [Kishinev], 2008, Nr 1-2 (10-11), pp. 164-184 [in Russian].

Shornikov 2010 - *Shornikov P.* Ieremiya Chekan, svyashchennik i obshchestvennyy deyatel' [Jeremiah check, priest and social activist], Pokrovskie chteniya, Book 11, Tiraspol, 2010, pp. 59-65 [in Russian].

Shornikov 2012 - *Shornikov P.* Tiraspol'skaya baza ofiterskoy organizatsii "Spasenie Bessarabii". 1918-1920 [Tiraspol base officers' organization "Salvation Bessarabia" 1918-1920], Obshchestvennaya mysl' Pridnestrov'ya. 2012 [The social thought of Transnistria], Nr 1, pp. 3-10 [in Russian].

Шорников Петр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Shornikov Petr - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

E-mail: p_shornikov@km.ru

УДК 94–054.72(=161.2:498)"1919/1939"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/7

ТРЕТЬЯ ВОЛНА МЕЖВОЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В РУМЫНИИ

В.Н. Власенко

Сумский государственный университет
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
E-mail: v_m_vlas@ukr.net

Авторское резюме

В статье на основе ранее неизвестных документов украинских и зарубежных архивов рассматривается вопрос формирования украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период. Основное внимание уделяется третьей волне эмиграции осени 1920–1921 г. Рассказывается о военно-политической ситуации на юге Украины, приведшей к переходу украинско-румынской границы отдельными частями Армии УНР, повстанцами и гражданскими лицами, об отношении румынских властей к интернированным украинцам. Также рассматриваются меры Чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии по оказанию помощи эмигрантам. Впервые в современной украинской историографии показан сухопутный поток третьей волны эмиграции. Делается вывод, что украинская политическая эмиграция в Румынии сформировалась самостоятельно, без влияния российской эмиграции. Ее основу составляли военнослужащие Армии УНР, члены партизанско-повстанческих отрядов, гражданские лица. В начале 1920-х гг. общее количество украинских эмигрантов составляло не менее 4 тыс. человек.

Ключевые слова: украинская эмиграция, Румыния, волна эмиграции, беженцы, Украинская Народная Республика, Чрезвычайная дипломатическая миссия.

The third wave Ukrainian interwar political emigration to Romania

V.N. Vlasenko

Sumy State University
2 Rimsky-Korsakov str., Sumy, 40007, Ukraine
E-mail: v_m_vlas@ukr.net

Abstract

This article is based on the previously unknown documents stored in the national and foreign central state archives and describes the formation of Ukrainian political emigration to Romania during the interwar period. The primary focus is made on the third wave of emigration taken place in autumn 1920–21. The author provides the facts regarding military and political situation in the Southern part of Ukraine that resulted into flow of the particular groups of the UPR Army, rebels and civilians across the Romanian border. The article also contains the facts proving the attitude of the Romanian authorities towards the internees. Furthermore the article depicts the scope of actions taken on behalf of the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania with regards to the emigrants support. In addition the ground flow of the third wave of emigration is introduced in the text for the first time in modern Ukrainian historiography. The author concludes that Ukrainian political emigration to Romania was self-sufficing and had not influence from the side of Russian emigration. It was based on the military personnel of the UPR Army, partisan and rebellious group members and civilians. In the beginning of 1920th the total number of Ukrainian emigrants was equated to 4 thousand people.

Keywords: Ukrainian emigration, Romania, emigration wave, refugee, Ukrainian People's Republic, the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania.

Первая мировая война и революционные события 1917–1921 гг. в бывшей Российской империи вообще и на Украине в частности активизировали миграционные процессы. Они стали причиной эмиграции нескольких сотен тысяч украинцев. Это не был односторонний и одномоментный акт. Традиционно выделяют два направления эмиграции с Украины: южное, когда эмигранты следовали в Турцию, балканские страны, Северную Африку, на средиземноморские острова, и западное – в Польшу, Чехословакию и далее в страны Западной Европы. Наименее исследованным является южное направление, в частности в Румынию как сопредельное государство. Также выделяют волны эмиграции – повторяемые массовые эмиграционные потоки. Первая волна охватывает период со второй половины 1918 г. до конца 1919 г., когда в Румынию прибыли отдельные представители зажиточных слоев населения, военные и гражданские лица после поражения войск Антанты в апреле 1919 г. (Власенко 2014: 105–120). Вторая волна пришлась на зиму – весну 1920 г., когда вследствие ряда поражений армии А. Деникина из Одессы и Новороссийска были эвакуированы военные и гражданские лица. В Румынии тогда оказалось несколько сотен украинцев.

Третья и наиболее массовая волна эмиграции с Украины и Крыма отмечалась в ноябре 1920 г. вследствие поражения Армии УНР на правобережной Украине и Русской армии в Крыму. Соответствен-

но определились и два потока эмиграции: первый – через Днестр на румынскую территорию, второй – морем из портов Крыма. Наша статья посвящена первому потоку третьей волны эмиграции как продолжению процесса формирования межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии.

После поражения Красной армии под Варшавой в середине сентября 1920 г. началось наступление польско-украинского войска. С подписанием перемирия в середине октября фронт остановился на Подолье. Армия УНР попыталась самостоятельно вести борьбу против Красной армии. Однако уже 14 ноября 1920 г. из Каменец-Подольского в Галицию, занятую поляками, выехало правительство УНР, а 21 ноября Армия УНР перешла р. Збруч и была интернирована в Польше.

В районе г. Каменец-Подольский отдельные части 3-й Железной дивизии Армии УНР вынуждены были перейти румынскую границу. 11 ноября 1920 г. в районе с. Лядова три воинские группы форсировали Днестр. Это были 2-я пулеметная бригада, в состав которой входили два пулеметных куреня, конная сотня и батарея, численно превосходившая пулеметную бригаду группа казаков и старшин, которые во время боев 10 ноября отстали от своих частей, а также 3-й Донской конный полк (командир Михаил Фролов). По данным ГПУ, на территорию Румынии перешло около 600 военных (Русская 2010: 595). 10 декабря 1920 г. министр иностранных дел Румынии Думитру Таке-Ионеску (1855–1922) отметил, что румынскую границу пересекло 800 военнослужащих Армии УНР (ЦДАВО 8: 134). Кроме них, были и гражданские лица. С разрешения местных властей прибывшие переночевали в с. Наславча. Затем они двинулись на станцию Окница, где местная власть и население сочувственно отнеслись к беженцам. Там была осуществлена реорганизация отдельных частей. Из второй группы были сформированы отдельный казачий курень и рота старшин. В Окнице симпатизировавшая П. Врангелю группа казаков из состава 3-го Донского полка во главе с есаулом Коробко отделилась от украинских частей (Русская 2010: 595–596).

16 ноября всех украинских военнослужащих и донских казаков отправили в г. Бельцы, где фактически и началось их интернирование. Здесь произошла новая реорганизация. Заменили некоторых старшин, создали суды чести, гражданских лиц отделили от военных и передали под опеку румынской гражданской администрации, воинские подразделения подчинили штабу 2-й Румынской дивизии.

Для установления связи с украинскими военными в город прибыл представитель Чрезвычайной дипломатической миссии (ЧДМ) УНР в Румынии сотник Александр Долюнюк. В конце 1920 г. их основ-

ную массу отправили в г. Брашов, где разместили в двух лагерных отделениях. Казаков определили в бараки Бартоломея, а старшин – в крепость Четацуя (Власенко 2008: 137). Большинство (391 чел.) интернированных составляли казаки и старшины 2-й пулеметной бригады.

Под натиском Красной армии через Днестр на территорию Румынии переходили партизанско-повстанческие отряды. Их отправляли в лагеря интернированных. По данным ГПУ, в январе 1921 г. в Брашов прибыли партизанские отряды во главе с атаманом Евгением Якубенко (30 чел.), полковником Василием Сирком (Низовая партизанская бригада – 100 чел.) и генералом Андреем Гулым-Гуленко (100 чел.). В конце лета 1921 г. румынскую границу пересек отряд Н. Махно в составе 70-80 чел. (Русская 2010: 596). По другим данным, Низовая партизанская бригада насчитывала 144 чел. (ЦДАВО 2: 14), отряд Е. Якубенко – 109 чел. Осенью того же года в лагерь прибыли небольшие отряды атаманов Ивана Хмары, Петра Запорожца, Степана Радзиевского (Порохівський 1931: 79–81). В начале ноября 1921 г. всех интернированных из Брашова перевели в лагерь с. Хэлкиу. Однако через неделю снова возвратили в лагерь Брашова. Туда же за несколько дней до этого прибыли интернированные российские военнослужащие (около 300 чел.) во главе с генералами Рындиным, Сташинским и Черновым. Между украинскими и российскими военнослужащими установились напряженные отношения (Порохівський 1930: 63–64).

В лагере «Рада Негри» в г. Фэгэраш румынская власть разместила гражданских лиц, старшин, которые имели жен и детей, а также старшин, принадлежность которых к Армии УНР трудно было установить. По распоряжению председателя военной секции ЧДМ генерала Сергея Дельвига (1866–1944) от 4 января 1921 г. полковник Гнат Пороховский (1888 – не позже 1950) был назначен комендантом лагерей в Брашове и Фэгэраше (ЦДАЗУ: 1).

В декабре 1920 г. румынская власть согласилась с предложением Франции принять 1,5 тыс. беженцев из Крыма, которые находились в Константинополе. Вскоре в порт Констанца прибыло 1 650 чел., в том числе 100 женщин и 600 не приспособленных к физическому труду. Их разместили в лагере интернированных в курортном городке Текиргиол близ Констанцы (ГАРФ 1: 16–17). Среди интернированных в этом лагере находилось несколько сотен украинских повстанцев. Опеку над ними взяла на себя ЧДМ. Лагерь посетил С. Дельвиг, для нужд интернированных были присланы украинская литература и пресса (ЦДАВО 6: 207зв). Вскоре интернированных из этого лагеря перевезли в Трансильванию, где разместили в мона-

стырях, преобразованных в лагерь беженцев. Большая часть из них принадлежала к куреням Екатеринославского и Полтавского повстанческих кошей Русской армии (Власенко 2008: 137).

Количество интернированных украинцев не было постоянным. Так, в марте 1921 г. в трех лагерях их находилось 1 180 чел., в том числе в Брашове – 800, Фэгэраше – 80, Текиргюле – 300 чел. (ЦДАВО 8: 47 зв). По данным военной секции ЧДМ, в начале июня того же года было зарегистрировано 868 интернированных украинских военных, в том числе в Брашове – 461, Фэгэраше – 150, в лагерях при монастырях Козья, Тисмана, Секу – 126, в Бухаресте и его предместьях – 131 чел. (Власенко 2008: 136–137). Это было связано с тем, что часть интернированных использовалась на разных работах за пределами лагеря. Например, первая партия была отправлена на два сахарных завода: 150 чел. – в Джурджу (Giurgiu, Журжа) и 100 чел. – в Зарожаны недалеко от Хотина (ЦДАВО 8: 155 зв). В конце 1921 г. в лагерях Брашова и Фэгэраша оставалось лишь 238 чел. Остальные интернированные работали в разных местностях, в частности 750 чел. – в Джурджу, 152 – в Бухаресте и предместьях, 200 – в других населенных пунктах (Павленко 1999: 271).

Кроме того, в Бухаресте существовало четыре лагеря интернированных украинцев: близ железнодорожной станции в районе Пантелимон, по улице Котрочень возле одноименного дворца, в помещении хозяйственного склада и в форте Отопень на северной окраине города (ЦДАВО 4: 9).

В декабре 1921 г. российские и украинские интернированные со всей Румынии были переведены в Орадя-Маре (ныне г. Орадя). Лагерь разместили в крепости Кастел. Украинцев отделили от россиян. Со сменой руководства российским лагерем (полковник Чижиков), который насчитывал около 2 тыс. чел. (Павленко 1999: 273), вражда с украинцами прекратилась. А некоторые офицеры Русской армии и все старшины Екатеринославского и Полтавского повстанческих кошей перешли в украинский лагерь. В 1922 г. из общего количества 187 старшин таких в лагере было 46. В украинской части лагеря среди интернированных находились также гражданские лица – 21 мужчина, 25 женщин и 8 детей (ЦДАВО 5: 1–2 зв, 4).

Весной 1921 г. начался процесс выезда интернированных украинцев в другие страны в поисках работы и учебы. Например, в марте того же года в разные страны, преимущественно в Польшу и Чехословакию, выехали 15 чел. (ЦДАВО 8: 47зв). По данным Украинского общественного комитета в Чехословакии, во второй половине 1921 г. из Румынии прибыли 36 чел., в том числе 20 мужчин, 7 женщин, 9 детей, в 1922 г. – 91 чел., в том числе 82 мужчины, 8 женщин,

1 ребенок (НАСР: 1–119). Среди них было 15 старшин из лагеря в Орадя-Маре, которые поступили на учебу в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия). В апреле 1922 г. лагерь Орадя-Маре оставило более 10 махновцев, которые вместе с Н. Махно и его женой тайно перешли румынско-польскую границу и вскоре были арестованы и интернированы польской властью (Бегство 1922: 3).

С конца 1920 до конца 1922 г. умерли семь интернированных украинцев (в Брашове – четыре, Бухаресте, Орадя-Маре и Джурджу – по одному) (ЦДАВО 5: 4зв).

Зимой 1921–1922 гг. украинская эмиграция пополнилась повстанцами, которые приняли участие во Втором зимнем походе Армии УНР, а также теми, кто перешел границу небольшими группами или индивидуально. Например, в феврале 1922 г. на румынскую территорию перешли остатки отряда атамана Сирко в количестве 15 чел. (Русская военная 2010: 599). Они жили в прифронтовой зоне в Бессарабии легально или нелегально. Иногда румынская власть создавала из таких людей отряды для выявления большевистских агентов и отрядов противодействия им на своей территории (ЦДАГО: 29).

В течение 1921–1922 гг. правительство УНР рассматривало вопрос о переводе украинцев из балканских стран и Турции в Румынию, где украинская эмиграция состояла преимущественно из сторонников идеи УНР. Правительство стремилось, с одной стороны, вывести из-под российского влияния украинскую эмигрантскую массу, с другой – сконцентрировать потенциальную военную силу на границе с Украиной. Индивидуально или в составе небольших групп украинские эмигранты из Болгарии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) прибывали в Румынию через дунайский порт Джурджу. Местная власть создала в городе транзитный пункт для них и интернированных военных из лагеря Орадя-Маре, которые временно работали на местном сахарном заводе, а также для беженцев, следовавших с Украины через Румынию в другие страны (Павленко 1999: 261).

Интернированные военные, члены их семей и гражданские лица, которые находились в лагерях, состояли на учете у власти. Подсчет же беженцев и тех, кто перешел румынскую границу нелегально, не осуществлялся. Так, в письме председателя ЧДМ Константина Матеевича (1873–1942) министру иностранных дел УНР от 28 ноября 1921 г. отмечалось, что, кроме военных, начали в большом количестве переходить Днестр гражданские беженцы (ЦДАВО 8: 47 зв).

Учет беженцев вели лишь организации, которые оказывали им помощь. Но в Румынию прибывали и обеспеченные люди, которые

не нуждались в материальной помощи, и их не ставали на учет. Кроме того, в то же время осуществлялся процесс возвращения беженцев из Румынии или через ее территорию на родину. Именно поэтому общее количество эмигрантов в разных источниках существенно разнится. При этом достаточно большим был удельный вес среди них представителей еврейской национальности, особенно из Волынской, Киевской и Подольской губерний. По данным российского посла Станислава Поклевского-Козелл (1868–1939), в конце марта 1921 г. в Румынии их было около 40 тыс. чел. (ГАРФ 1: 15–16).

Российская эмигрантская пресса сообщала, что в августе 1921 г. в Румынии, в том числе и Бессарабии, находилось около 30 тыс. беженцев из России и Украины, среди них евреев – 24 тыс., русских (вероятно, и украинцев – В.В.) – 6 тыс. чел. (Не Йонеско 1921: 1). Из отчета, предоставленного Румынией Лиге Наций в 1921 г., на ее территории было больше 100 тыс. эмигрантов. Международное общество Красного Креста указывало на наличие 60 тыс. чел., в том числе и репатриантов из России и Украины в Бессарабию (Скворцов 2009: 124). Эти данные могли быть завышены, поскольку Румыния таким образом хотела показать большие затраты на содержание беженцев и необходимость их компенсации со стороны международных организаций.

По данным К. Мацеевича, в апреле 1921 г. в Бессарабии находилось более 100 тыс. беженцев. Бывший консул УНР в Кишиневе Михаил Шереметьевский-Шереметьев указывал на то, что в ноябре 1921 г. их было более 80 тыс. (ЦДАВО 8: 93). Вероятно, среди них были и репатрианты из России и Украины.

Существенные расхождения в определении количества эмигрантов из России, куда включали и украинцев, в Румынии в 1920–1921 гг. существуют и в исследованиях по истории российской эмиграции. М. Йованович утверждал, что в Румынии находилось 2 тыс. российских эмигрантов (Йованович 2005: 116), В. Поремский – 35 тыс. (Поремский 1998: 137), Дж. Симпсон – 45 тыс. (Simpson 1939: 413), П. Ковалевский – 80 тыс. (Ковалевский 1971: 45-46), Е. Кулишер – 100 тыс. чел. (Kulisher 1948: 54).

Такие расхождения по количеству эмигрантов в Румынии были вызваны рядом причин. Во-первых, при определении понятия «беженец» не учитывался территориально-правовой фактор. Основная масса беженцев сосредоточилась в Бессарабии. В этом регионе в их состав могли быть зачислены репатрианты, которые только что вернулись в Бессарабию, но еще не приняли румынское подданство. Румыния репатриантами считала тех, кто родился или жил в губернии до 1918 г. и признал румынскую власть. К беженцам могли быть причислены и те, кто фактически проживал в Бессарабии в на-

чале 1920-х гг., но не принял румынское подданство или не получил документ на жительство, т. е. представители национальных меньшинств. Поэтому ЧДМ Украинской Народной Республики и Российское посольство при определении количества беженцев в Румынии отдельно выделяли Бессарабию, где издавна проживали этнические украинцы и русские. Во-вторых, не учитывался национальный фактор. Абсолютное большинство беженцев из России и Украины в то время составляли евреи, которые имели паспорта УНР, документы белой России или получали румынские паспорта для пребывания в Румынии либо переезда в другие страны. В документации российских дипломатов в Румынии количество этнических украинцев и русских было на порядок меньше, чем евреев. Так, в докладе Александра Эйлера (1855–?) Временному главному комитету Всероссийского земского союза указывалось, что в апреле 1922 г. еврейские общественные организации в Румынии зарегистрировали 22 тыс. еврейских беженцев из России и Украины, российские организации – около 2 тыс. русских (ГАРФ 2: 6 об).

Итак, в конце 1921 г. минимальное количество украинского военного контингента составляло примерно 1 350 – 1 450 чел., максимальное – 1 700 чел. Минимальные показатели подтверждаются и данными ЧДМ. Так, в конце того же года в лагерях в Брашове и Фэгэраше находилось 238 чел., на работах в Джурджу – 750, в Бухаресте и его окрестностях – 152, в других городах – 200, всего – 1 340 чел. (ЦДАВО 1: 39). Все они (на 95% – военные) состояли на учете румынских властей и ЧДМ. Однако здесь не учтены те лица, которые пересекали югославско-румынскую и болгарско-румынскую границы легальным и нелегальным путем и советско-румынскую границу нелегально, особенно во время и после Второго зимнего похода Армии УНР. Вне учета ЧДМ находились гражданские беженцы, преимущественно в Бессарабии. Их, по нашему мнению, было в несколько раз больше, чем военных. Среди них – те, кто находился в Бессарабии на момент ее присоединения к Румынии, не принял румынское подданство и ассоциировал себя с Украиной, надеясь на скорое возвращение туда; беженцы из Украины, которые легально или нелегально прибыли из-за Днестра; репатрианты из Украины и России, которые не успели принять румынское подданство. Об этом косвенно свидетельствуют количественные показатели украинской эмиграции более позднего периода. Так, в конце 1924 г. Общественно-вспомогательный комитет (ОВК) украинской эмиграции в Румынии зарегистрировал 1 138 чел. «организованной эмиграции», однако, по мнению К. Мацеевича, это составляло примерно половину всех украинских эмигрантов, находившихся в то время в Румынии (Мацеевич 1925: 15), то есть примерно 2,3 тыс. человек.

На самом деле украинских эмигрантов было больше. Во-первых, при определении количества эмигрантов не учитывали их жен и детей (Геродот 1939: 10). Во-вторых, основная масса желавших вернуться на родину сделала это в 1921–1923 гг. В-третьих, часть эмигрантов реэмигрировала в другие страны. В-четвертых, на I конференции украинской эмиграции, которая состоялась в июне 1929 г. в Праге, представитель ОВК задекларировал количество «организованной» украинской эмиграции в Румынии до 3 тыс. чел. (Учасник 1929: 42), что примерно соответствовало количеству владельцев сертификатов идентичности («нансеновские паспорта»). Поскольку в 1923–1929 гг. нового массового притока эмигрантов не было, часть из них приняла румынское подданство, вернулась на родину, реэмигрировала или умерла, то можно предположить, что в начале 1920-х гг. в Румынии находилось не менее 4 тыс. украинских эмигрантов. Примерно такое же количество называл и президент УНР в изгнании Николай Ливицкий. Он утверждал, что в конце 1920 г. из Украины в Польшу и Румынию эмигрировало 40–50 тыс. чел., среди которых на первую страну приходилось 90 % эмигрантов, вторую – 10% (Ливицкий 1984: 10), то есть 4–5 тыс. чел.

Первую помощь украинским беженцам в Румынии оказывала ЧДМ. Во-первых, осуществлялась организационная работа. Уполномоченный ЧДМ в Буковине ввел специальные карточки учета граждан УНР, которые находились в этом регионе. Несмотря на то, что правительство Румынии издало довольно благосклонное, по мнению К. Мацеевича, распоряжение относительно беженцев с Украины в Бессарабии, местной властью оно игнорировалось. По решениям военных судов беженцы часто попадали в тюрьмы. Для их освобождения в Бельцах и Бендерах были созданы общественные комитеты помощи, а в Бельцах и Кишиневе ЧДМ открыла временные убежища для них (ЦДАВО 8: 48, 155 зв). Осуществлялись мероприятия по созданию в Кишиневе филиала Украинского Общества Красного Креста. С этой целью на место выезжали адмирал Михаил Остроградский (1870–1923) и М. Шереметьевский-Шереметьев, однако решение дела отложили до времени создания ОВК (ЦДАВО 3: 260).

Во-вторых, ЧДМ оказывала материальную помощь беженцам. Так, в четвертом квартале 1920 г. на «помощь украинцам за рубежом» было потрачено 7 900 леев, на «опеку над военнопленными» (интернированными) – 24 741 лей (ЦДАВО 7: 107–107 зв), в первом квартале 1921 г. – соответственно 4 578 и 33 370 леев (ЦДАВО 7: 129 зв–130). В-третьих, Чрезвычайная дипломатическая миссия не только способствовала интернированным в поиске работы, но и сама находила для них работодателей (ЦДАВО 9: 70 зв). В-чет-

вертых, она помогала беженцам реэмигрировать в другие страны. В четвертом квартале 1920 г. было выдано для выезда за границу 209 паспортов бесплатно и 20 паспортов за плату (ЦДАВО 12: 29). Выезжали в основном в Польшу и Чехословакию, однако много эмигрантов оказалось в Аргентине и Бразилии (ЦДАВО 8: 156 зв).

С увеличением количества украинских беженцев в Румынии возросла нагрузка и в работе консульских отделений ЧДМ. В 1920 г. такие отделения действовали в Бухаресте и Черновцах, а с 1921 г. – еще и в Кишиневе. Третье отделение сначала возглавлял профессор И. Ганицкий, затем – М. Шереметьевский-Шереметьев. Консульский отдел в Бухаресте среди желавших получить украинский паспорт выделил пять групп. К первой относились служащие госучреждений за рубежом, бывшие чиновники (в отставке), которые имели разрешение от государственных органов на пребывание за рубежом, а также сотрудники иностранных филиалов украинских образовательных, кооперативных и коммерческих организаций, которые были лично известны ЧДМ. Вторую группу составляли казаки и старшины Армии УНР. Гражданские паспорта таким лицам выдавались лишь в случае необходимости выезда их к месту нахождения правительства УНР. В третью группу входили постоянно проживавшие в Румынии лица – военные бывшей российской армии после ликвидации Румынского фронта, а также скопцы и староверы, которые проживали там с дореволюционных времен по российским паспортам. Часть из них получила украинские паспорта. Четвертая группа – беженцы с территорий Украины, захваченных советской властью. Большое движение началось с середины 1920 г. и продолжалось в 1921–1922 гг. Среди них преобладали евреи. Большинство из них уехало в Палестину, остальные – в Америку. Пятая группа – жители Бессарабии и Буковины, которые своевременно подали официальные заявления об отказе от румынского подданства и переходе в гражданство УНР.

Во избежание возможности получения украинского паспорта лицом, осуществлявшим большевистскую или антиукраинскую агитацию, ЧДМ требовала представить ряд документов: свидетельство о рождении лица или иной документ, официально подтверждавший его происхождение с Украины, паспорт, по которому человек жил до получения украинского документа, легитимация от правительства УНР и «билет на право свободного пребывания в Румынии». Это касалось в основном представителей третьей группы. У представителей четвертой и пятой групп консульство требовало дополнительно еще и «разрешение на право пребывания в Бессарабии». В деле выдачи украинских паспортов коренным жителям Бессарабии и Буковины Чрезвычайная дипломатическая миссия вела себя

очень осторожно и в основном не удовлетворяла просьб. Исключение делалось лишь в случае отсутствия каких-либо негативных последствий.

Отношение к деятельности консульского отделения при ЧДМ со стороны румынских властей было благосклонным. Так, Министерство иностранных дел Румынии направляло миссии ноты, отсылало в консульство всех людей, которые обращались к нему за освидетельствованием доверенностей, сделанных нотариусами на Украине, беспрепятственно свидетельствовало подпись управляющего консульским отделением ЧДМ на легализованных им копиях документов и переводах (ЦДАВО 12: 23 зв–25). МИД Румынии принципиально отказывался признавать свидетельство российскими консулами подписей на выдававшихся ими документах, не заверенных российским послом (ГАРФ 1: 2–2 об).

Положительным было отношение к украинскому консульству и со стороны иностранных дипломатических учреждений. Гражданам УНР предоставляли визы почти во всех консульствах, существовавших в Бухаресте. Не делало это только консульство КСХС (ЦДАВО 12: 25зв–26).

К. Мацеевич неоднократно встречался с премьер-министром и министрами Румынии (Авереску, Аржентояну, Брэтиану, Потович, Таке-Ионеску и др.), депутатами парламента (Элефериу, Инкулец, Манулеску, Нистор и др.), послами Болгарии, Польши, Франции в Румынии. Во время этих встреч речь шла и о пребывании в Румынии украинских беженцев. Однако, по его мнению, румыны избегали оказывать реальную помощь и поддержку, ориентируясь в этом деле на позицию Франции (ЦДАВО 10: 12 зв–14).

В Румынии действовала сеть общественных организаций помощи беженцам. Из-за недоброжелательности и подозрительности румынской власти к российским беженцам всероссийские общественные организации так и не развернули там широкой деятельности (ГАРФ 2: 1–2).

Организации беженцев существовали преимущественно в Кишиневе. 1 апреля 1921 г. начал свою деятельность (русский) Комитет беженцев во главе с В. Кристи. Он основал собственное общежитие на 35 человек и пансион для учеников. Беженцам оказывалась материальная, медицинская и юридическая помощь (ГАРФ 1: 5–5 об). В составе комитета впоследствии образовалась украинская секция. Ее представляли генерал Евгений Леонтович, Юлиан Миткевич и галичанин Дидунек. Комитет выделял секции средства на нужды беженцев-украинцев (ЦДАВО 11: 46).

Самыми мощными были еврейские организации в Бессарабии. Плодотворное сотрудничество ЧДМ наладило с Центральным укра-

инским комитетом помощи беженцам (руководители – д-р Коган-Бернштейн, Сапилович и бывший сотрудник Министерства по еврейским делам УНР Ямпольский). На средства международных и еврейских благотворительных организаций комитет открыл общежития, учебные заведения, курсы (ЦДАВО 11: 46). В мае 1921 г. он зарегистрировал 8 тыс. беженцев с Украины, а 4 тыс. чел. ожидали регистрации (В Румунії 1921: 3).

Таким образом, основу украинской политической эмиграции третьей волны в Румынии составляли военнослужащие Армии УНР, члены партизанско-повстанческих отрядов. К ним присоединились гражданские лица, которые не признавали советский режим и исповедовали идею самостоятельной Украины. В Румынии украинская эмиграция сформировалась самостоятельно, без влияния российской эмиграции. Ведущую роль в ее объединении сыграла Чрезвычайная дипломатическая миссия УНР во главе с К. Мацеевичем. Несмотря на непризнание Румынией УНР де-юре, ее дипломатическое представительство в Бухаресте существовало де-факто и плодотворно действовало на ниве защиты прав эмигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

Бегство 1922 – Бегство и арест Махно // Руль. Берлин, 1922. № 430. С. 3.
В Румунії 1921 – В Румунії. Кількість біженців у Кишиневі // Українська трибуна. Варшава, 1921. Ч. 15. С. 3.

Власенко 2008 – *Власенко В.* Документи і матеріали Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії (1919–1923 рр.) // Пам'ятки: археографічний щорічник. Т. 8. К., 2008. С. 129–160.

Власенко 2014 – *Власенко В.Н.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. Международный исторический журнал / отв. ред. Суляк С.Г. 2014. № 1 (35). С. 105–120.

Геродот 1939 – *Геродот Д.* Еміграційні справи у Румунії // Тризуб. Париж, 1939. № 32. С. 9–14.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 65. Донесения белогвардейского представителя в Румынии о правовом положении белоэмигрантов. 1920–1921 гг.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Д. 274. Доклад члена Главного комитета А. Эйлера по обследованию деятельности Ликвидационной комиссии Всероссийского Земского Союза. Б. д.

Йованович 2005 – *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005. 488 с.

Ковалевский 1971 – *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–

1970). Париж, 1971. 347 с.

Лівицький 1984 – *Лівицький М.А.* ДЦ УНР в екзилі між 1920 і 1940 роками. Мюнхен; Філадельфія: Вид-во Укр. інформ. бюро, 1984. 72 с.

Мацієвич 1925 – *Мацієвич К.* Українська Еміграційна Конференція в Румунії // Студентський вістник. Прага, 1925. №. 12. С. 15–19.

Не Йонеско 1921 – Не Йонеско. Русские в Румынии // Русское дело. София, 1921. № 3. С. 1.

Павленко 1999 – *Павленко М.* Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умов перебування (1919–1924 рр.). К., 1999. 352 с.

Поремский 1998 – *Поремский В.Д.* Политическая миссия российской эмиграции // Стратегия антибольшевистской эмиграции; избранные статьи 1934–1997 гг. М.: Посев, 1998. С. 133–175.

Порохівський 1930 – *Порохівський Г.* Українська військова еміграція в Румунії // Табор. Варшава, 1930. Кн. 13. С. 57–68.

Порохівський 1931 – *Порохівський Г.* Українська військова еміграція в Румунії // Табор. Варшава, 1931. Кн. 16. С. 74–90.

Русская 2010 – Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 5: Раскол: 1924–1925 гг. / Сост.: В.А. Авдеев, Ю.А. Алексеев, И.И. Басик и др. М.: РГГУ, 2010. 753 с.

Скворцова 2009 – *Скворцова А.Ю.* Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Индрик, 2009. С. 119–137.

Учасник 1929 – Учасник конференції. Перша конференція української еміграції // Тризуб. Париж, 1929. № 29–30. С. 40–46.

ЦДАВО 1 – Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО). Ф. 1075. Оп. 2. Д. 827. Звіт про працю Військового міністерства. 1922 г.

ЦДАВО 2 – ЦДАВО. Ф. 2471. Оп. 1. Д. 1. Звіти Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії. 1921–1922 рр.

ЦДАВО 3 – ЦДАВО. Ф. 2562. Оп. 1. Д. 67. Списки членів Товариства Червоного Хреста та його відділів. 1921 р.

ЦДАВО 4 – ЦДАВО. Ф. 3179. Оп. 1. Д. 7. Листування з дипломатичними місіями. 1921–1923 рр.

ЦДАВО 5 – ЦДАВО. Ф. 3179. Оп. 1. Д. 11. Звіт коменданта інтернованих петлюрівців в Румунії. 1922 р.

ЦДАВО 6 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 7. Листи Головному отаману Петлюрі від послів. 1919–1923 рр.

ЦДАВО 7 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 259. Листування з дипломатичною місією УНР в Румунії. 1920–1922 рр.

ЦДАВО 8 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 308. Листування Дипломатичної місії в Румунії. 1919–1921 рр.

ЦДАВО 9 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 354. Звіт про розмову між міністром закордонних справ і міністром земельних справ Болгарії Стамбулінським. 1920–1921 рр.

ЦДАВО 10 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 446. Чорнові замітки про діяльність місій УНР. 1921 р.

ЦДАВО 11 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 525. Листування з послом УНР в Румунії. 1921 р.

ЦДАВО 12 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Звіти про діяльність консульських відділів при місіях УНР. 1921–1923 рр.

ЦДАГО – Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1311. Телеграммы, письма Политуправления всеми вооруженными силами Украины и Крыма в ЦК КП (б) У. 1922 г.

ЦДАЗУ – Центральний державний архів зарубіжної україніки (ЦДАЗУ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 10. Розпорядження Військової секції про призначення Порохівського Г. командиром усіх українських частин у Румунії. 1921 р.

Kulisher 1948 – *Kulisher E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes 1917–1947. New York: Columbia University Press, 1948, 377 p.

NAČR – Národní archiv České republiky, f. "Ukrajinske muzeum v Praze" (NAČR), kart. 11, inv. № 288, arch. 1–119.

Simpson 1939 – *Simpson J.H.* The Refugee Problem, Report of a Survey. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1939. 637 p.

References

Begstvo 1922 – Begstvo i arest Mahno [Flight and arrest Makhno], Rul', Berlin, 1922, Nr 430, p. 3 [in Russian].

Herodot 1939 – *Herodot D.* Emihratsiyni spravy u Rumuniyi [Immigration cases in Romania], Tryzub, Paryzh, 1939, Nr 32, pp. 9–14 [in Ukrainian].

Jovanovich 2005 – *Jovanovich M.* Russkaja jemigracija na Balkanah: 1920–1940 [Russian emigration in the Balkans: 1920–1940], Moscow, 2005, 488 p. [in Russian].

Kovalevskij 1971 – *Kovalevskij P.E.* Zarubezhnaja Rossija: Istorija i kul'turno-prosvetitel'naja rabota russkogo zarubezh'ja za polveka (1920–1970) [Russia Abroad: History and cultural and educational work of the Russian diaspora in half a century (1920–1970)], Parizh, 1971, 347 p. [in Russian].

Kulisher 1948 – *Kulisher E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes 1917–1947, New York: Columbia University Press, 1948, 377 p.

Livyts'kyi 1984 – *Livyts'kyi M.A.* DTs UNR v ekzyli mizh 1920 i 1940 rokamy [SC UPR in exile between 1920 and 1940 years], Myunkhen; Filadel'fiya: Vydvo Ukr. inform. byuro, 1984, 72 p. [in Ukrainian].

Matsiyevych 1925 – *Matsiyevych K.* Ukrayins'ka Emihratsiyna Konferentsiya v Rumuniyi [Ukrainian Émigré Conference in Romania], Students'kyi vistnyk, Praha, 1925, Nr 12, pp. 15–19 [in Ukrainian].

NAČR – Národní archiv České republiky, f. "Ukrajinske muzeum v Praze" (NAČR), kart. 11, inv. Nr 288, arch. 1–119 [in Czech].

Ne Jonesko 1921 – *Ne Jonesko.* Russkie v Rumynii [Russian in Romania], Russkoe delo, Sofija, 1921, Nr 3, p. 1 [in Russian].

Pavlenko 1999 – *Pavlenko M.* Ukrai'ns'ki vijs'kovopoloneni j internovani

u taborah Pol'shhi, Chehoslovachchyny ta Rumunii': stavlennja vłady i umovy perebuvannja (1919–1924 rr.) [The Ukrainian prisoners of war and interned in concentration camps in Poland, Czechoslovakia and Romania: the government's attitude and the conditions of (1919–1924 years)], Kyiv, 1999, 352 p. [in Ukrainian].

Poremskij 1998 – *Poremskij V.D.* Politicheskaja missija rossijskoj jemigracii [Political mission of the Russian emigration], in Poremskij V.D. Strategija antibol'shevickoj jemigracii; izbrannye stat'i 1934–1997 gg. [Strategy anti-Bolshevik emigration; Selected Articles 1934–1997 years], Moscow, 1998, pp. 133–175 [in Russian].

Porokhivs'kyj 1930 – *Porokhivs'kyj H.* Ukrajins'ka viys'kova emihratsiya v Rumuniyi [Ukrainian military emigration in Romania], Tabor, Varshava, 1930, Nr 13, pp. 57–68 [in Ukrainian].

Porokhivs'kyj 1931 – *Porokhivs'kyj H.* Ukrajins'ka viys'kova emihratsiya v Rumuniyi [Ukrainian military emigration in Romania], Tabor, Varshava, 1931, Nr 16, pp. 74–90 [in Ukrainian].

Russkaja 2010 – Russkaja voennaja jemigracija 20–40-h godov XX veka. Dokumenty i materialy [Russian military emigration 20–40 years of the twentieth century. Documents and materials], vol. 5: Raskol (Split): 1924–1925 gg. / Sost.: V.A. Avdeev, J.A. Alekseev, I.I. Basik i dr. Moscow: RGGU 2010, 753 p. [in Russian].

Simpson 1939 – *Simpson J.H.* The Refugee Problem, Report of a Survey, London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1939, 637 p.

Skvorcova 2009 – *Skvorcova A.J.* Rol' migracii v izmenenii kolichestvennyh i kachestvennyh harakteristik russkogo naselenija Bessarabii v mezhoennyj period [The role of migration in changing the quantitative and qualitative characteristics of the Russian population of Bessarabia in the interwar period], V poiskah luchshej doli [In search of a better life]. Rossijskaja jemigracija v stranah Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy (vtoraja polovina XIX – pervaja polovina XX v.), Moscow: Indrik, 2009, pp. 119–137 [in Russian].

SARF 1 – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of Russian Federation (SARF)], f.R-5680, op.1, d.65. Doneseniya belogvardejskogo predstavatelya v Rumynii o yuridicheskom polozenii beloemigrantov. 1920–1921.

SARF 2 – SARF, f. R-5766, op. 1, d. 274. Doklad chlena Glavnogo komiteta A. Eylera po obsledovaniju deyatelnosti Likvidatsionnoj komissii Vserossijskogo Zemskogo Soyuza. Bez daty.

CSAFU – Tsentral'nyy derzhavnyy arhiv zarubizhnoyi ukrajiniky [Central State Archives of Foreign Archival Ucrainica], f. 1, op. 5, d. 10. Rozporyadzhennya Viys'kovoyi sektsiyi pro pryznachennya Porokhivs'koho H. komandyrom usikh ukrajins'kykh chastyn u Rumuniyi. 1921 [in Ukrainian].

TsGAPO – Tsentral'nyy derzhavnyy arhiv hromads'kykh ob"yednan' Ukrainy [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAPO)], f. 21, op. 20, d. 1311. Telegrammy, pis'ma Politupravlenija vsemi vooruzhennymi silami Ukrainy i Kryma v CK KP (b) U. 1922.

TsGAVO 1 – Tsentral'nyy derzhavnyy arhiv vyshchykh orhaniv vłady ta upravlinnya Ukrainy [Central State Archives of Supreme Bodies of Power

and Government of Ukraine (TsGAVO)], f. 1075, op. 1, d. 827. Zvit pro pratsyu Viys'kovoho ministerstva. 1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 2 – TsGAVO, f. 2471, op. 1, d. 1. Zvity Nadzvychaynoi dyplomatychnoyi misiyyi UNR v Rumuniyi. 1921–1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 3 – TsGAVO, f. 2562, op. 1, d. 67. Spysky chleniv Tovarystva Chervonoho Khresta ta yoho viddiliv. 1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 4 – TsGAVO, f. 3179, op. 1, d. 7. Lystuvannya z dyplomatychnymy misiyyamy. 1921–1923 [in Ukrainian].

TsGAVO 5 – TsGAVO, f. 3179, op. 1, d. 11. Zvit komendanta internovanykh petlyurivtsiv v Rumuniyi. 1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 6 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 7. Lysty Holovnomu Otamanu Petlyuri vid posliv. 1919–1923.

TsGAVO 7 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 259. Lystuvannya z dyplomatychnoyu misiyyeyu UNR v Rumuniyi. 1920–1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 8 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 308. Lystuvannya Dyplomatychnoyi misiyyi v Rumuniyi. 1919–1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 9 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 354. Zvit pro rozmovu mizh ministrom zakordonnykh sprav i ministrom zemel'nykh sprav Bolhariyi Stambulins'kym. 1920–1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 10 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 446. Chornovi zamitky pro diyal'nist' misiyyi UNR. 1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 11 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 525. Lystuvannya z poslom UNR v Rumuniyi. 1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 12 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562. Zvity pro diyal'nist' konsul's'kykh viddiliv pry misiyyakh UNR. 1921–1923 [in Ukrainian].

Uchasnyk 1929 – Uchasnyk konferentsiyi. Persha konferentsiya ukrayins'koyi emihratsiyi, Tryzub, Paryzh, 1929, Nr 29–30, pp. 40–46 [in Ukrainian].

V Rumuniyi 1921 – V Rumuniyi. Kil'kist' bizhentsiv u Kyshynevi, Ukrayins'ka trybuna, Varshava, 1921, Nr 15, p. 3 [in Ukrainian].

Vlasenko 2008 – Vlasenko V. Dokumenty i materialy Nadzvychaynoi dyplomatychnoyi misiyyi UNR v Rumuniyi (1919–1923 rr.), Pam'yatky: arkheohrafichnyy shchorichnyk, Nr 8, Kyiv, 2008, pp. 129–160 [in Ukrainian].

Vlasenko 2014 – Vlasenko V.N. Formirovanie ukraïnskoj politicheskoy jemigracii v Rumynii v mezhoennyy period (pervaja volna) [Formation of the Ukrainian political emigration to Romania during the interwar period (the first wave)], Rusin, 2014, Nr 1, pp. 105–120 [in Russian].

Власенко Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории юридического факультета Сумского государственного университета.

Vlasenko Valery – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History of the Law Faculty of Sumy State University.

e-mail: v_m_vlas@ukr.net

**О конференции «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности: методология, методика и
практики исследования»
Томск, 14-15 октября 2014 г.**

В Томском государственном университете 14-15 октября 2014 г. прошла международная научная конференция «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования». Центральной темой форума стала проблема идентичности в различных ее аспектах – социальном, этническом, региональном, гендерном, городском, сельском и т. д. Наряду с основным дисциплинарным подходом к изучению идентичности – антропологическим, рассматривались и подходы других социальных и гуманитарных наук.

Конференция проводилась в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (при поддержке в виде гранта Правительства РФ) Томским государственным университетом под руководством ведущего ученого - д.и.н. профессора МГУ Д.А. Функа. Для реализации этого проекта под руководством профессора Томского университета И.В. Нам была создана лаборатория социально-антропологических исследований.

Среди организаторов конференции - Центр Европейского союза в Сибири и редакция международного исторического журнала «Русин». В программный комитет конференции вошли ведущие ученые-антропологи, историки, политологи, социологи, культурологи. Это руководитель проекта Д.А. Функ, сотрудники Института этнологии и антропологии РАН М.Л. Бутовская, С. Соколовский, В.А. Шнирельман, Е.И. Филиппова, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Н.Б. Вахтин, сотрудники Томского университета доцент Е.А. Васильев, профессора Л.В. Дериглазова, И.В. Нам, О.А. Харусь, Л.И. Шерстова, профессор Колби-колледжа П. Джозефсон, профессор Принстонского университета С. Ушакин (США), профессор Кентского университета Р. Саква, с.н.с. университета Шеффилда О. Корнеев, научный сотрудник университета Кембриджа Н. Ссорин-Чайков, профессор университета Ольстера У. Коккель (Великобритания), профессор университета Цюриха П. Финке (Швейцария), профессора Свободного университета Брюсселя О.Мерлин и Ф.

Форе (Бельгия), профессор университета Гамбурга О. Хабек, директор Института социальной антропологии Общества Макса Планка профессор Г. Шлее (Германия), профессор Венского университета П. Швайцер (Австрия), профессор университета Упсала Х. Бич (Швеция), профессор Практической школы высших исследований Ш. Степанов (Франция), главный редактор международного исторического журнала «Русин» к.и.н. С.Г. Суляк (Молдова).

Конференция собрала более 150 участников из 12 стран мира. Они работали в 13 секциях, в которых обсуждались актуальные вопросы развития общества, связанные с различными аспектами идентичности:

- 1) Современные идентичности и образ жизни населения северных широт;
- 2) Мультикультурализм: право на отличие или абсолютизация культуры;
- 3) Мигранты в переселенческом обществе: стратегии и практики интеграции;
- 4) Принимающее общество и мигранты;
- 5) Город: практики, связи, эмоции;
- 6) Прикладные антропологические исследования;
- 7) Русский, советский, россиянин: исторические трансформации российской идентичности;
- 8) Европейская идентичность в условиях трансформации политического европейского пространства: институты, группы, люди;
- 9) Сибирская региональная идентичность: история и современность;
- 10) Идентичности России и Восточной Азии: евразийское наследие;
- 11) Идентификационные практики в науке и образовании;
- 12) Археологическое наследие в контексте региональной и этнической идентичности;
- 13) Поведение человека: эволюционные и кросс-культурные аспекты.

Итоги конференции были подведены на заседании «круглого стола» «Концепт идентичности в антропологических и социально-политических исследованиях: общие и специфические подходы». Обсуждение проблем идентичности обнаружило значительные расхождения среди участников форума в трактовке самого центрального понятия «идентичность» и различных его аспектов.

Итоги конференции будут опубликованы в ряде журналов и в отдельных сборниках материалов. В журнал «Русин» переданы для публикации некоторые статьи секции 7: «Русский, советский, россиянин: исторические трансформации российской идентичности», в которых отражены вопросы эволюции российской национальной идентичности.

В.П. Зиновьев,
зампредседателя оргкомитета конференции

УДК 94(47)"19"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/9

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (вторая половина XIX в.)*

В.Н. Кудряшев

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: kvn18011962@yandex.ru

SPIN-код: 1505-0239

Авторское резюме

В русском национальном дискурсе выделяются два принципиально различавшихся подхода. Первый реализовывался в рамках консервативного и либерального направлений общественно-политической мысли и основывался на признании недопустимости дезинтеграции Российского государства и предоставления политической автономии национальным регионам, а также идее русской нации как важнейшего инструмента реализации социально-политических проектов. Альтернативный подход реализовывался революционными социалистами и основывался на убеждении в социальной детерминированности национальных процессов, следовательно, на отрицании роли национального фактора в перспективной социально-политической практике. Поэтому включенность данного течения в общерусский национальный дискурс обуславливалась лишь интересом к национальным движениям как возможным союзникам в борьбе с царским правительством.

Важнейшим маркером разновидностей русского национализма являлся формат отношений нации и государства. Этноцентристы (славянофилы) видели в русском этносе доминирующую силу, при определенных условиях способную сформировать русское национальное государство и ассимилировать другие этнические группы. Имперцы (либеральные и консервативные) предполагали, что мощное централизованное государство создаст единую русскую нацию как политическое единство при сохранении полиэтничности. При этом в рамках либерального национализма было безусловным признание необходимости скорейшей реализации правового равенства представителей всех народностей России. Представители консервативного

имперского национализма допускали сохранение неравенства на неопределенную перспективу, ставя условием его ликвидации лояльность народностей к империи.

Русские национальные проекты сталкивались с конкуренцией проектов других национальных элит, что вызывало корректировку этих проектов. Славянофилы отказываются от принципа невмешательства государства в сферу межнациональных отношений, требуя от него поддержки своих проектов, одновременно стараясь найти опору в идее общеславянского единства. Имперцы-консерваторы разделялись на два направления. Одно из них требовало полного отказа от учета национального фактора в государственном строительстве. Второе выступало за усиление роли русского народа, демонстрируя определенное сближение с этнонационализмом.

Ключевые слова: нация, национализм, национальный дискурс, славянофильство, консерватизм, либерализм, социализм.

Russian social thought in the search for national identity: the birth of Russian nationalism (the second half of the XIX century)

V.N. Kudriashev

Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Abstract

In the Russian national discourse are two fundamentally different approaches. First implemented in the framework of conservative and liberal areas of social and political thought and based on the recognition of non-disintegration of the Russian state and the provision of political autonomy to national regions, as well as the idea of the Russian nation as the most important instrument for the implementation of social and political projects. An alternative approach was implemented revolutionary socialists and was based on the belief in the social determinism of national processes and, consequently, on the denial of the role of the national factor in the perspective of social and political practice. Therefore, the inclusion of the flow in an all-Russian national discourse only determines the interest in national movements as possible allies in the struggle against the tsarist government.

The most important marker species of Russian nationalism was the format of relations between nation and state. Etnotsentrism (Slavophiles) seen in the Russian ethnic group dominant force, under certain conditions, the ability to form a Russian national state and assimilate other ethnic groups. The Imperials (liberal and conservative) suggested that a powerful centralized state will establish a single Russian nation as a political

entity, while maintaining polyethnicity. In the framework of liberal nationalism was unconditional recognition of the need for early implementation of the legal equality of the representatives of all the peoples of Russia. Representatives of the conservative imperial nationalism allowed the persistence of inequalities in the indefinite future, and conditioning of its liquidation loyalty to the nations of the empire.

Russian national projects face competition of other projects of national elites: a pan-nationalist doctrines (Polish, German, Swedish), and emerging nationalism in the ethnic regions of the Russian Empire, which led to an adjustment. Gradually, the representatives of the various currents of political thought of maturing belief in the inefficiency of Russian nationalism and national policy in light of changes in the domestic and foreign situation. Slavophiles abandon the principle of non-interference of the state in the sphere of international relations, requiring him to support their projects, while trying to find support in the idea of a common Slavic unity. Imperials-conservatives are divided into two areas. One of them demanded a complete renunciation of national accounting factor in nation building. The second in favor of strengthening the role of the Russian people, demonstrating a certain convergence with ethno-nationalism.

Keywords: nation, nationalism, national discourse, slavophilism, conservatism, liberalism, socialism.

Национальный дискурс, по признанию большинства исследователей в европейской и, с некоторым отставанием, в российской интеллектуальной традиции, формировавшийся под воздействием бурных национальных процессов в Европе конца XVIII – начала XIX в., изначально сосредоточился на определении принципов взаимодействия нации и государства. В нем отчетливо определились два направления в теоретико-методологических подходах к важнейшим понятиям, в том числе к понятию «нация», ставшему основой данного дискурса. Оно рассматривалось как:

1) отношение, известное под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;

2) отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общий язык, история или культурная идентичность в более широком понимании (Вердери 2002: 298; Хобсбаум 1998: 33-43).

В целом сосуществование данных идентичностей отражает наличие двух наиболее значимых форм социальной группировки людей – этнической и государственной. Между ними существуют сложные взаимосвязи, пересечения, а иногда и взаимо-исключения, и каждая из этих идентичностей – многомерное явление. Рассмотренный подход требует исследования взаимодействия и, возможно, конфликтов этносов и государства, особенно усложняющегося в

условиях полиэтнических государств. Он весьма актуален при исследовании национальных проблем России XIX в. в силу популярности в русской общественной мысли идеи: одна русская нация – много народностей. Таким образом, русский национальный дискурс приобретает многомерный характер. В его рамках следует различать определение в русской мысли маркеров этнической идентичности русских и национальной (политической) идентичности русских как комплекса отношений с государством и другими народностями в рамках единого государства.

В исследованиях 1950–1980-х гг. (советских и зарубежных) русский национализм характеризовался как государственный или бюрократический, поскольку именно государство выступало его источником, оно определяло цели и задачи, которые объявлялись национальными. Во внутренней политике русский национализм ратовал за превращение русских в господствующую нацию, а Российской империи – в русское национальное государство, для чего проводилась русификаторская политика как насильственная ассимиляция всех нерусских народов (Kohn 1955: 73; Thaden: 198–203; Твардовская 1978; 30–31).

Исследовательская парадигма русского национализма меняется на рубеже 1980–1990 гг. Русский национализм приобретает ценностно-нейтральное значение, поскольку утрачивает имманентную связь с понятиями «реакционность», «ксенофобия», «шовинизм». Справедливо отмечается, что традиционное «привязывание» русского национализма к консервативному течению неверно (Попов, Кисиль 2002), указывается на несовпадение русского национализма и государственной национальной политики (Реннер 2005: 446 – 451). Рассматривая историю межнациональных взаимоотношений в России, историки исходят из наличия нескольких конкурировавших национальных проектов. Русский был только одним из них и имел ограниченное воздействие на государственную политику (Миллер 2003: 68).

Данный подход дает возможность рассматривать историю национализма в России через призму развития различных направлений общественной мысли. Ученые настаивают на гетерогенном характере самого русского национализма, включенности в выработку и реализацию «русского национального проекта» различных общественно-политических сил (Миллер 2008: 65).

Действительно, национализм нельзя представить как универсальное явление. Очевидно, следовало ожидать различий в целях, идеологическом наполнении, мифологии национализма нации, борющейся за независимость, и соответствующих характеристик на-

ционализма нации, хотя бы номинально считавшейся этнической основой государства. Русский национализм в рамках многонациональной Российской империи XIX в. был обречен на многовекторность. Он не мог быть единственной консолидирующей идеей, за исключением ситуации усиления внешней угрозы. В остальное время он отступал на второй план перед социальными задачами и становился инструментом воздействия на русский народ различных политических сил.

Цель данной работы – определить влияние представления о русской нации на содержание концепций и проектов решения национальных проблем Российской империи, перспективы ее национально-государственного устройства, предлагавшиеся сторонниками различных направлений русской общественной мысли, установить возможность определения целостности общерусского национального дискурса либо его фрагментации на автономные дискурсы в рамках направлений общественно-политической мысли.

Трансформация идеи русского национализма в славянофильской доктрине. Славянофильство апеллировало к нации как субъекту исторической деятельности. Славянофилы, провозгласив идею русского национального государства, определили русский народ главной движущей силой данного процесса. Россия должна была стать русским государством, что в славянофильском варианте предполагало проведение ассимиляции остальных народов, входивших в его состав (Аксаков 1886 а: 44).

Славянофилы видели в обрусении проявление национальных сил русского народа. Для реализации этого потенциала народ необходимо было освободить из-под опеки государства, провести социально-экономические реформы, развить самоуправление. Только когда русский народ станет действительным лидером в культуре, нравственности, духовности, возможно будет естественное обрусение как длительный эволюционный процесс добровольной ассимиляции, т. е. приобщения инородцев к русской культуре и духовности. Это не означало полного отказа от опоры на государственную власть, но успех «русского дела» должен прийти, только когда сам русский народ станет самостоятельным субъектом развития.

Этническими маркерами славянофилы определяли язык, систему духовных ценностей и религию. Они полагали православное вероисповедание главным идентификатором для определения принадлежности к русской народности (Аксаков 1981: 205; Киреевский 1984: 224). Но данный маркер переставал действовать в рамках «большой русской нации», являвшейся стержнем национальной доктрины славянофилов и включавшей малорусов, белорусов и вели-

корусов. Это потребовало «обрусения», т. е. проведения ассимиляции внутри русской народности для восстановления ее духовного единства на основе православия и языкового единства, на основе великорусского языка.

Обретение единства русской народности стало для славянофилов главной задачей и первым этапом строительства национально-го государства. При этом они не предполагали возможность сопротивления обрусению со стороны малорусов и белорусов, сосредоточившись на противостоянии с полонизмом. Украинцы и белорусы не рассматривались как этносы, имевшие перспективы развития, слияние их с великорусами виделось естественным и безболезненным.

Поэтому появление у сформировавшейся в 1870-е гг. малорусской интеллигенции собственного национального проекта воспринималось славянофилами как результат происков внешних враждебных сил, не опиравшихся на народ. Тем не менее сами славянофилы осознавали нерешенность поставленных задач, видя причиной не сопротивление извне, а недостаточность собственного потенциала (Аксаков 1886 б: 600). Еще менее успешной виделась славянофилам реализация задачи обрусения инородческого населения Прибалтики и Финляндии.

В этих условиях произошло перенесение центра внимания с внутриимперских проектов на идею формирования всеславянского политического объединения и единой славянской нации. Славянофильская доктрина претерпела серьезные изменения. Идея становления русской нации была заменена целью формирования нации славянской. В какой-то степени можно говорить о расширении идеи «большой русской нации», поскольку принципы ее реализации сохранились. При провозглашении уважения национальной, языковой религиозной самобытности славянских народов упорно проводилась мысль о постепенном, но неуклонном сближении славян на основе православия и общеславянского – русского языка. Более настойчиво, чем ранее, подчеркивалась необходимость политического объединения перед лицом внешних вызовов (Киреев 1912: 149).

Можно говорить и о пересмотре одного из базовых положений славянофилов в трактовке механизма национальных процессов. Разочарование в итогах ассимиляции заставило многих из них настаивать на более активном участии государственной власти в обрусении окраин, что в определенной степени можно рассматривать как отказ от идеи приоритета народности в национальном строительстве.

Имперская тенденция в консервативном направлении общественно-политической мысли России. Альтернативным вариантом

стало обращение к государству как главному субъекту реализации национального проекта. Данный подход попытались использовать сторонники консервативного и либерального течений российской общественной мысли.

Среди консерваторов одним из первых предложил свой проект реализации идеи русского национального государства при сохранении полиэтничности империи М.Н. Катков. Для этого следовало отказаться от этнического содержания нации. Русской нацией объявлялось все многонациональное население империи. Этническая и религиозная идентичность объявлялась неприкосновенной и гарантировалась государством. Все национальности, и русская в том числе, становились только объектами государственной политики, направленной на сохранение единства. Ни одна из них не могла претендовать на статус нации, поскольку это приравнялось к сепаратизму. Русский язык становился государственным, так же как и православие оставалось единственной религией, поддерживаемой государством (Катков 1864: 1 мая).

М.Н. Катков не обговаривал каких-либо преимуществ и привилегий для русских. Собственно понятие «русский» становилось внеэтническим. Но это порождало неопределенность с определением русской этнической идентичности. Русские растворялись как национальность в населении империи, поскольку их язык, вера, культура становились государственными, т. е. принадлежали империи, а не народу (Катков 1865: 10 июля). Это вызывало тревогу у части консервативных мыслителей, увидевших в отсутствии национальной основы государственной политики причину провала русификаторской политики на национальных окраинах. Рост националистических настроений среди российской элиты потребовал внесения корректив в идею национальной империи в 1880–1890-е гг. Л.А. Тихомиров (Тихомиров 1997: 400) предложил более четко определить первенство русской национальности, подчеркивая принципиальную невозможность достижения равенства других национальностей. Но при этом не оговаривалось, в чем, собственно, должно было заключаться преимущество этнических русских.

В.П. Мещерский (Мещерский 1883: 25 сент.) и К.Н. Леонтьев (Леонтьев 2010: 922), наоборот, фактически дезавуировали национальный характер русского государства, определив главной ценностью саму империю, а не русский народ. В их представлении национализм был неотделим от либерализма, и они готовы были в определенной степени поступиться национальным характером империи ради ее сохранения. Впрочем, согласие рассматривать в качестве союзников в противоборстве с атеизмом иные религии и определе-

ние социальной опорой дворянства вне зависимости от национальной принадлежности не исключало цели борьбы за возврат русских к духовным истокам.

Таким образом, в рамках консервативного имперского течения определились два направления, все более расходившихся в оценке роли национального фактора в борьбе за сохранение империи. Одно считало необходимым исключить национализм из политической жизни, определив приоритетность принципа подданства и лояльности империи при индифферентности к этнической составляющей. Другое направление, напротив, видело в использовании русского национализма главный резерв противостояния процессам дезинтеграции. При этом заметно сближение последнего с поздним славянофильством, разочаровавшимся в возможностях «народного обрусения» и уступившим функцию главного регулятора национальных процессов государству. Здесь становилось очевидным стремление русского консервативного национализма к консолидации в противостоянии с набиравшими силу национальными движениями внутри России.

Национальный аспект российского либерального дискурса.

Русские либералы в целом были согласны с европейскими либеральными принципами рассмотрения национального вопроса. Но, признавая права наций на существование и самобытное развитие, представители либерального течения российской общественной мысли не считали имманентно присущим любой из них права на создание собственного государства (Чичерин 1896: 70).

Русские либералы (как и европейские) признавали условием формирования национального государства готовность нации к консолидации для ответов на внешние и внутренние вызовы, способность к определенному самоограничению для достижения общей цели. Таковые качества демонстрировали отнюдь не все народы. В реалиях второй половины XIX в. русские либералы не видели предпосылок для создания национального государства на основе какого-либо народа, входившего в состав Российской империи. Таким образом, они выступали за сохранение ее как унитарного государства.

Русские либералы выступали против национальной и конфессиональной дискриминации, декларировали необходимость реализации в качестве важнейшего принципа национально-государственного устройства России равенства граждан вне зависимости от национальной принадлежности.

Они указывали на взаимосвязь государства и нации. Нация, создавая государство, выходит на качественно новый уровень разви-

тия и получает в его лице внешнюю защиту. В свою очередь только государство, имеющее этническую опору, долговечно и прочно. Поэтому оптимальным сочетанием двух начал являлось национальное государство. Но, экстраполируя данный вывод на Российскую империю, либералы, позитивно оценивавшие процесс формирования национальных государств в Европе, отказывались даже гипотетически представить возможность дезинтеграции России на отдельные национальные государства. Констатируя восприятие русской нации как политического полиэтнического сообщества, они не отказывались от русской национальной окраски государства. Был выдвинут тезис не только возможности формирования нацией государства, но и формирования нации в рамках государственного единства, подобно процессам, происходившим во многих европейских странах (например Франции, которая вначале достигла государственного единства и существенно позже сформировалась как единая нация) (Гессен 1898: 59). Речь шла не только о достижении гражданского и политического правового универсализма, но и постепенной ассимиляции. Она не должна была носить одностороннего и насильственного характера, не исключала взаимовлияния и синтеза культур. Но, учитывая соотношение потенциалов, доминирование русского этнического элемента было неизбежным и естественным (Градовский 1901: 22). В итоге данное направление можно характеризовать как имперско-либеральный русский национализм.

Революционные социалисты о роли национального фактора в процессе социальных трансформаций. Абсолютно контрастировали с остальными направлениями программы революционных социалистов. Важнейшим принципом их подхода к национальным проблемам было восприятие нации как одной из разновидностей социальной солидарности, которая утрачивала свою значимость с развитием рыночной экономики и ее глобализацией. Поэтому национальные проблемы виделись производными от социально-классовых и должны были решаться в ходе социальных революций, способных ликвидировать социальное, а с ним и национальное угнетение (Лавров 1934: 99). Вместе с тем социалисты поддерживали борьбу народов за свое освобождение, сопровождая поддержку условием обязательного выдвижения социальных целей. Они готовы были учитывать национальный фактор только для использования национально-освободительной борьбы в качестве временного союзника для свержения действующей власти. В то же время только революционные социалисты готовы были (в некоторых программах) к предоставлению национальностям права на политическую автономию и даже суверенитет. В рамках революционного социализма

разрабатывались программы, предполагавшие федеративные отношения между нациями как в рамках государственной организации, так и в условиях ликвидации ее как формы организации общества (Революционное 1965: 156).

Таким образом, в русском национальном дискурсе можно выделить автономные направления, имевшие свой понятийный аппарат, отличные критерии и главное – альтернативное видение перспектив национально-государственного устройства и межнациональных отношений. При всех различиях отношений к феномену нации все указанные течения активно использовали идею нации для реализации своих доктрин. Поэтому можно выделить славянофильский этноцентристский, имперский консервативный и имперский либеральный национализм. Отдельное место занимали революционно-социалистические проекты, в которых отсутствовали черты национализма.

Важнейшим маркером разновидностей русского национализма являлся формат отношений нации и государства. Этноцентристы видели в русском этносе доминирующую силу, при определенных условиях способную сформировать русское национальное государство и ассимилировать другие этнические группы. Имперцы (либеральные и консервативные) предполагали, что мощное централизованное государство создаст единую русскую нацию как политическое единство, при сохранении полиэтничности. При этом в рамках либерального национализма было безусловным признание необходимости скорейшей реализации правового равенства представителей всех народностей России. Представители консервативного имперского национализма допускали сохранение неравенства на неопределенную перспективу, ставя условием его ликвидации лояльность народностей к империи.

*Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков 1886a – Аксаков И.С. Передовая статья газеты «День» 13 ноября 1865 г. // Собр. соч.: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 44–50.

Аксаков 1886b – Аксаков И.С. Об украинофильской агитации львовской газеты «Дело» // Соч.: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 596–610.

Аксаков 1981 – Аксаков К.С. Еще раз о русском воззрении // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 198–205.

- Вердери 2002 – *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 297–307.
- Гессен 1898 – *Гессен В.М.* Народ и нация // *Образование*. 1898. № 4. С. 59–72.
- Катков 1864 – *Катков М.Н.* Речь генерал-суперинтендента д-ра Вальтера перед открытием Лифляндского сейма и применимость его наставлений и к России // *Московские Ведомости*. 1864. 1 мая.
- Катков 1865 – *Катков М.Н.* Права и положение русского языка в Прибалтийском крае // *Московские Ведомости*. 1865. 10 июля.
- Киреев 1912 – *Киреев А.А.* Наши противники и наши союзники // *Сочинения*. М.: Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 144–158.
- Киреевский 1984 – *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // *Избранные статьи*. М.: Современник, 1984. С. 199–237.
- Лавров 1934 – *Лавров П.Л.* Социализм и борьба за существование // *Избранные сочинения на социально-политические темы*. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 4. С. 99–110.
- Леонтьев 2010 – *Леонтьев К.Н.* Культурный идеал и племенная политика // *Славянофильство и грядущие судьбы России*. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 913–969.
- Мещерский 1883 – *Мещерский В.П.* Мой ответ одному русскому в остзейском крае // *Гражданин*. 1883. 25 сентября. С. 2–5.
- Миллер 2003 – *Миллер А.И.* Методологические проблемы изучения процессов формирования наций у восточных славян в позднеимперский период // *Белоруссия и Украина: история и культура*. М.: Наука, 2003. С. 67–71.
- Миллер 2008 – *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- Попов, Кисиль 2002 – *Попов Э.А., Кисиль А.С.* Русский национализм и российский консерватизм: дореволюционный опыт взаимоотношений // *Южнороссийское научное обозрение*. Ростов н/Д., 2002. Вып. 9. С. 116–130.
- Революционное 1965 – *Программа Донского общества «Земля и воля» (1882 г.)* // *Революционное народничество 70-х гг. XIX века*. М.: Наука, 1965. Т. 2. С. 156–158.
- Реннер 2005 – *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // *Российская империя в зарубежной историографии*. М.: Новое издательство, 2005. С. 436–472.
- Твардовская 1978 – *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. 279 с.
- Тихомиров 1997 – *Тихомиров Л.А.* К вопросу о терпимости // *Критика демократии*. М.: Москва, 1997. С. 396–407.
- Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетея, 1998. 306 с.
- Чичерин 1896 – *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М.: Тип. Кушнерев и Ко, 1896. Т. 2. 437 с.
- Kohn 1955 – *Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. Princeton: D. Van Nostrand, 1955. 192 p.

Thaden 1954 – *Thaden E.C.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964. 271 p.

References

Aksakov 1886a – *Aksakov I.S.* Peredovaya stat'ya gazety "Den" 13 noyabrya 1865 g. [An editorial of the newspaper "The Day" November 13, 1865], Works in 7 vol., Moscow, tip. M.G. Volchaninova, 1886, t. 1, pp. 44 – 50 [in Russian].

Aksakov 1886b – *Aksakov I.S.* Ob ukrainofil'skoy agitatsii l'vovskoy gazety "Delo" [On Ukrainophile agitation Lviv newspaper "Delo"], Works in 7 vol., Moscow, tip. M.G. Volchaninova, 1886, t. 3, pp. 596–610 [in Russian].

Aksakov 1981 – *Aksakov K.S.* Eshche raz o russkom vozzrenii [Once again on the Russian views], *Aksakov K. S., Aksakov I. S.* Literaturnaya kritika, Moscow, Sovremennik, 1981, pp. 198–205 [in Russian].

Verderi 2002 – *Verderi K.* Kuda idut "natsiya" i "natsionalizm"? [Where does the "nation" and "nationalism"], *Natsii i natsionalizm*, Moscow, Praksis, 2002, pp. 297 – 307 [in Russian].

Gessen 1898 – *Gessen V.M.* Narod i natsiya [People and nation], *Obrazovanie*, 1898, Nr 4, pp. 59 – 72 [in Russian].

Katkov 1864 – *Katkov M.N.* Rech' general – superintendenta d-ra Val'tera pered otkrytiem Lifylandskogo seyma i primenimost' ego nastavlennykh v Rossii [Speech - General Superintendent Dr. Walter before opening Livonian Sejm and the applicability of his teachings to Russia], *Moskovskie Vedomosti*, 1864, 1 May [in Russian].

Katkov 1865 – *Katkov M.N.* Prava i polozhenie russkogo yazyka v Pribaltiyskom krae [Rights and status of the Russian language in the Baltic region], *Moskovskie Vedomosti*, 1865, 10 July [in Russian].

Kireev 1912 – *Kireev A.A.* Nashi protivniki i nashi soyuzniki [Our enemies and our allies], Works, Moscow, Izdanie A.S. Suvorina, 1912, ch. 2, pp. 144–158 [in Russian].

Kireevskiy 1984 – *Kireevskiy I.V.* O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [The nature of education in Europe and its relation to the Russian education], *Featured Articles*, Moscow, Sovremennik, 1984, pp. 199–237 [in Russian].

Lavrov 1934 – *Lavrov P.L.* Sotsializm i bor'ba za sushchestvovanie [Socialism and the struggle for existence], *Selected works on social and political issues*, Moscow, All-Union Society of political prisoners and exiles settlers, 1934, t. 4, pp. 99–110 [in Russian].

Leont'ev 2010 – *Leont'ev K.N.* Kul'turnyy ideal i plemennaya politika [Cultural ideal and tribal politics], *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii*, Moscow, Institute of Russian civilization, 2010, pp. 913–969 [in Russian].

Meshcherskiy 1883 – *Meshcherskiy V.P.* Moy otvet odnomu russkomu v ostzyskom krae [My answer to one Russian in the Baltic region], *Grazhdanin*, 1883, 25 September, pp. 2–5 [in Russian].

Miller 2003 – *Miller A.I.* Metodologicheskie problemy izucheniya protsessov formirovaniya natsiy u vostochnykh slavyan v pozdneimperijskiy period [Methodological problems in the study of the formation of nations in the eastern Slavs in the late imperial period], Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura, Moscow, Nauka, 2003, pp. 67–71 [in Russian].

Miller 2008 – *Miller A.I.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm [The Romanov empire and nationalism], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 248 p.[in Russian].

Popov Kisil' 2002 – *Popov E.A., Kisil' A.S.* Russkiy natsionalizm i rossiyskiy konservatizm: dorevolutsionnyy opyt vzaimootnosheniy [Russian nationalism and Russian conservatism: the pre-revolutionary experience of relations], Yuzhnorossiyskoe nauchnoe obozrenie, Rostov-on-Don, 2002, issue 9, pp. 116–130 [in Russian].

Revolutsionnoe 1965 – Programma Donskogo obshchestva “Zemlya i volya” (1882) [Program Don society “Land and Freedom” (1882)], Revolyutsionnoe narodnichestvo 70-kh gg. XIX v. Moscow, Nauka, 1965. t. 2. pp. 156–158 [in Russian].

Renner 2005 – *Renner A.* Izobretayushchee vospominanie: Russkiy etnos v rossiyskoy natsional'noy pamyati [Invents a memory: Russian ethnicity in the Russian national memory], Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 436– 472 [in Russian].

Tvardovskaya 1978 – *Tvardovskaya V.A.* Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M.N. Katkov i ego izdaniya) [The ideology of the post-reform autocracy (M.N. Katkov and his publications)], Moscow, Nauka, 1978, 279 p. [in Russian].

Tikhomirov 1997 – *Tikhomirov L.A.* K voprosu o terpimosti [On the question of tolerance], Kritika demokratii, Moscow, 1997, pp. 396–407 [in Russian].

Khobsbaum 1998 – *Khobsbaum E.* Natsii i natsionalizm posle 1780 g. [Nations and Nationalism since 1780], St. Petersburg, Aleteyya, 1998, 306 p. [in Russian].

Chicherin 1896 – *Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoy nauki [The course of the state of science], Moscow, tip. Kushnerev i K, 1896, t. 2, 437 p. [in Russian].

Kohn 1955 – *Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. Princeton: D. Van Nostrand, 1955, 192 p. [in English].

Thaden 1964 – *Thaden E.C.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964, 271 p. [in English].

Кудряшев Вячеслав Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

Kudryashev Vyacheslav – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Documentation of National Research Tomsk State University.

E-mail: kvn18011962@yandex.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/10

СОВЕТСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В.П. Зиновьев¹, А.Н. Жеравина²

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: vpz@tsu.ru

SPIN-код: 5599-0806

²E-mail: K1tat@yandex.ru

Авторское резюме

Национальная государственная идентичность России основывается на русском языке как основе культурной коммуникации и на истории, составляющей основу самосознания народов России. В отличие от многих других стран СНГ, в основу российской национальной идентичности вошло признание ценности всех периодов российской истории – дореволюционного, советского и современного, что и является основой единства современного российского общества. Отказ от советской составляющей исторического самосознания других государств СНГ, кроме Белоруссии, - причина нестабильности и раскола общественного сознания в этих странах.

Ключевые слова: Россия, национальная идентичность, советская история.

Soviet component of Russian identity

V.P. Zinovyev¹, A.N. Zheravina²

Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: vpz@tsu.ru

²E-mail: K1tat@yandex.ru

Abstract

The National State identity of Russia is based on the language as the basis of cultural

communication and the history which forms the basis of self-consciousness of the Russian people. In contrast to many other countries of the CIS, the basis of Russian national identity is recognition of the value of all the periods in Russian history - the pre-revolutionary, Soviet and modern, it's the basis of the unity of the modern Russian society. Rejection of the Soviet historical consciousness component of other CIS countries, except the Republic of Belarus, is the main reason of instability and division in public consciousness.

Keywords: Russia, national identity, Soviet history.

Национальная государственная идентичность России покоится на двух китах – русском языке как основе коммуникации и культуры и истории как основе национального самосознания.

История России, как известно, распадается на три основных периода: период аграрного общества (дореволюционный), период индустриального общества (советский) и период постиндустриального, или информационного общества (постсоветский).

Влияние на формирование самосознания россиян оказывают все три периода российской истории. Все они ценны. Во времена Юриковичей и Романовых Россия сформировалась как полиэтничная, многоконфессиональная централизованная империя с сильной авторитарной властью. В то время страна обрела свое геополитическое пространство, освоила и заселила его. Подвиг русских казаков, присоединивших за 60 лет пустынные земли Северной Азии до Тихого океана, со временем стал иметь геополитическое значение.

В советский период Россия из аграрной страны превратилась в индустриальную, из деревенской - в урбанизированную на 70%. Большая часть национального богатства России создана за 74 года. Из них на участие в военных конфликтах пришлось не менее 20. Советский вклад в российскую национальную идентичность как раз и связан с двумя важнейшими в жизни страны событиями – индустриализацией и победой в Великой Отечественной войне.

Современная российская идентичность формируется в столкновениях старых советских представлений и новых, по преимуществу либеральных взглядов на историю нашей страны. Сейчас можно утверждать, что стремление радикальных либералов лишить Россию советской истории не нашло поддержки подавляющей части россиян. Наше время также характеризуется новым жестким противостоянием России и стран Запада, когда атакам подвергаются наши экономические, политические интересы, культура, традиции и мораль. В этих условиях позитивное отношение к советскому историческому опыту стало стратегическим ресурсом российской политики.

Хорошо известно, что образ исторических событий в значительной степени зависит от состояния воспринимающего их субъекта. Наше восприятие истории определяет иудейско-христианское миропони-

мание, в основе которого лежит прогрессистская трактовка развития общества. Мы говорим об успешности развития страны, сравнивая ее материальные и культурные приобретения с предыдущим временем и достижениями других государств. В силу этого, при отсутствии или незначительности успехов в настоящем, новая господствующая элита стремится приуменьшить достигнутое ранее, чтобы обосновать свои претензии на успешность. Так было в СССР, где поворот к позитивному и более полному освещению дореволюционной истории обнаружился только в конце 50-х гг. XX в., когда твердо обозначился рост уровня жизни.

Наше время демонстрирует те же тенденции в изменении общественного сознания. Негативное отношение к советской истории, господствовавшее в СМИ, прессе, учебных пособиях по отечественной истории в 90-е гг. XX в., сейчас, в связи с относительными экономическими успехами страны и новым витком холодной войны, уступает место отношению позитивному. Возрастает интерес к искусству советского периода истории, советской символике. Этот процесс идет медленно. Ученые в большинстве своем осознали пагубность очернения советского прошлого, но в СМИ все еще преобладают негативные образы. В прессе по-прежнему господствует либеральный взгляд на советскую историю, хотя сами российские «псевдолибералы», как их определил Е.М. Примаков, уже стали маргинальным фактором политической жизни (Примаков 2008).

Советский период хорошо укладывается в процесс модернизации России как российский вариант индустриального общества. Революции начала прошлого века расчистили площадку для строительства индустриального общества, подготовили условия для его появления, указали наиболее короткий путь к нему. В сложнейшей геополитической ситуации первой трети XX в. Россия смогла совершить рывок из голодного «лапотного» прошлого в сравнительно сытый индустриальный мир. Сталинская индустриальная революция 1930-х гг. была лишь одним из шагов страны по индустриальному пути. Курс на государственную поддержку тяжелой индустрии обозначился еще в XIX в., его продолжение в 30-е гг. XX в. было обусловлено теми же внешнеполитическими оборонными задачами. В 1950-е гг. Советский Союз стал страной с доминирующим индустриальным сектором в экономике. Это было зафиксировано решениями XXI съезда КПСС как построение социализма полностью и окончательно. Решения верные, если их трактовать не как победу социализма, а как победу индустриального общества над аграрным. Достижения были грандиозны, жертвы – огромны. Этот период истории нашей страны назовут героическим.

Время правления Л.И. Брежнева обычно называют эпохой застоя, я же склонен считать это время периодом бурной и быстрой трансформации общества, происшедшей в результате революции массового потребления. У нас не принято применять этот термин к истории России. Одни историки не приемлют его из консерватизма, другие считают, что мы еще до нее не доросли, остановившись на стадии индустриализации. Я полагаю, что революция массового потребления в СССР в 60-80-е гг. XX ст. все же произошла, несмотря на ряд особенностей. Ведь именно в это время в СССР наблюдались резкий рост реальных доходов населения, массовое строительство благоустроенного жилья, улучшение структуры питания, смена стандартов жизни. Пусть этот процесс прошел позднее, нежели в развитых странах Запада, имел менее богатые материальную базу и стандарты потребления при высокой доле централизованных услуг и общественных фондов потребления, но он был реальностью, а его плодами мы пользуемся до сих пор (Зиновьев 2006: 43-49).

Были ли замечены эти перемены в обществе советским руководством? Можно сказать, что да. Именно в конце 1970-х гг. была выдвинута идея «развитого социализма», заменившая совсем уже утопичную идею построения коммунизма. Еще рано подводить итоги советского периода истории - слишком политизировано отношение к нему. Но некоторые выводы можно сделать и сейчас. Положительное в истории СССР заключалось прежде всего в индустриализации страны: потенциал индустрии вырос в 450 раз (в долларах); в механизации сельского хозяйства - в 4 раза. Повысился жизненный уровень, изменился стандарт жизни, были созданы одни из лучших в мире системы образования и социального обеспечения, произошла культурная революция, сохранялись народы, их суверенитет и национальные культуры. Впоследствии коммунисты цивилизованно оставили власть. Отрицательное заключалось в нерациональном использовании природных и трудовых ресурсов, в создании угрозы экологической катастрофы, в потерях населения в результате политических репрессий, в ограничении творческих и трудовых инициатив, в уничтожении рыночных традиций и навыков, в ограничении демократии, в создании международной напряженности и угрозы уничтожения человечества (совместно с США) (Зиновьев 2008: 96-98).

Я присоединяюсь к тем ученым, которые полагают, что сейчас Россия переживает состояние перехода в постиндустриальную стадию развития, хотя и не совсем к этому готова (Вишневский 1998; Иноземцев 1999; Постиндустриальный мир 1999; Побережников 2006: 217). Именно эта идея положена в государственную стратегию современного правительства, стремящегося модернизировать экономику, а не

реставрировать капитализм старого образца. Это и есть задача для всех, основа для единства общества. Возрастание роли государства в такой момент истории закономерно. Национальные программы указывают на неизбежность государственного «дирижирования» в строительстве нового информационного общества. Е.М. Примаков прямо говорит о том, что в России «лишь государственное участие в экономике оказалось способным обеспечить ее отход от односторонней сырьевой ориентации, которая уготовляла ей незавидное будущее второстепенного члена мирового сообщества», заявляет о необходимости «промышленной политики, начисто отвергаемой сначала псевдолибералами, а затем их последователями» (Примаков 2008).

Советский вариант развития индустриального общества рожден революционной ситуацией начала XX в. Он не выдержал испытания временем на этапе перехода в постиндустриальную стадию. Чтобы сломать отжившую систему директивной экономики, вновь понадобились кардинальные меры. Революция 1991-1993 гг. - не антитеза, а продолжение русской революции 1917 г. в едином контексте модернизации общества. Говорить о псевдомодернизации или негативной модернизации в России и СССР могут только недалекие люди или те, кто сделал антикоммунизм и антисоветизм своей профессией и доходной статьей. Такой подход к истории нашей страны не просто ошибочен, а вреден, поскольку углубляет конфронтацию в обществе, разрушает историческое самосознание, лишает молодое поколение нравственных ориентиров, доверяя к отцам и дедам.

Несостоятельность негативного подхода к советской истории стала очевидной для всего российского общества прежде всего с необходимостью оценки вклада СССР в победу над фашизмом. Во Второй мировой войне решалась судьба не только нашей страны, но и Европы и всего мира. Победа государств, культивирующих агрессивный национализм, отбросила бы назад на века всю мировую цивилизацию. Советский Союз внес решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции. Советский народ принес на алтарь Победы самые большие жертвы. Победа в Великой Отечественной войне – важнейшее достижение нашей страны в XX в. Подготовка к празднованию 70-летия Победы объединила практически всех граждан нашей страны.

Диалектика истории также состоит в том, что фашистского монстра победил другой монстр - авторитарная советская административно-командная система во главе с Коммунистической партией. Ультра-либералы говорят, что победа была достигнута вопреки сталинскому режиму, а не благодаря ему. Утверждение это абсурдно, как и отождествление этих тоталитарных режимов. Они были схожими по методам реализации власти, но антиподами в идеологии и целях. Сейчас под

флагом антикоммунизма и антисоветизма ведется пересмотр роли СССР в войне, готовится почва для материальных, территориальных претензий и реабилитации пособников нацизма у наших европейских соседей. Очернение советской истории, принижение роли СССР в победе над фашизмом – часть кампании по дискредитации нашей страны, переписыванию истории. Это часть международной политики, потому необходимо неустанно напоминать цивилизованному миру, кому он обязан своей свободой и демократией.

Возвращение позитивной оценки советской истории - это победа не столько ностальгии по советскому прошлому, сколько здравого смысла и самоуважения народа (Ностальгия по советскому 2011: 36-42). Полагаю, что в учебниках истории для школы и для вузов должен соблюдаться принцип равного отношения ко всем периодам истории России, так как все поколения в равной степени заслуживают уважения за свой труд и ратные подвиги во имя своей страны. Этот принцип и положен в основу единого подхода к пониманию нашей истории. Когда несведущие люди говорят о едином учебнике, они демонстрируют свое невежество или тенденциозность. Такого учебника не может быть в принципе. Единая концепция истории страны должна быть, и она должна лежать в основе воспитания исторического сознания подрастающего поколения российских граждан.

Это тем более важно, что значительная часть молодежи негативное отношение к советскому прошлому считает само собой разумеющимся, как и чувство ущербности истории нашей страны, разделение ее на белые и черные полосы. Навязываемые ультра-либералами чувства вины и национальной неполноценности оборачиваются левым и правым экстремизмом, которым молодежь выражает свой протест.

На самом деле, как говорил В.Н. Татищев, в России не было золотого века, нам всегда жилось трудно, но от века к веку лучше. Нам есть чем гордиться и есть что защищать. У нас единое прошлое. Это наше национальное достояние. Об этом и надо говорить подрастающему поколению, чтобы консолидировать страну.

Страны СНГ и Балтии после обретения независимости также должны были определиться в отношении к российскому и советскому периодам своей истории. Общество в них расколото на анти- и пророссийские силы. Пока на волне подъема национализма и отрицания прошлого сильнее антироссийский тренд. Страны, где сносят памятники советским воинам и вождям, отказались от советского прошлого и одновременно от российской составляющей своей идентичности, – это государства Балтии, Грузия, Узбекистан, Туркмения. В Казахстане сносят памятники Ермаку как наследие колониальной политики России. Памятники Ленину пострадали везде, кроме России

и Белоруссии. Драматические события в современной Украине также упираются в ключевой вопрос о сохранении советской компоненты в национальной идентичности этой страны. Далеко не все ее население согласилось со стремлением нового руководства страны, галичан и части национальной элиты отказаться от советского прошлого. Отношение к нему стало ассоциироваться в сознании украинцев с отношением к российскому. Области Украины, сохранившие российскую идентичность, стали претендовать на сохранение русского языка и культуры. Крым присоединился к России. Донбасс находится в состоянии войны с официальными властями Киева. Это война за сохранение российской идентичности, за право называться русскими. Соппротивление в других частях Новороссии пока подавляется украинскими националистами. За четверть века воспитано поколение русофобов, которые сейчас держат в страхе население страны. Памятники советским воинам и В.И. Ленину превратились на Украине по этой причине из идеологических монументов в символы России. Стране предстоит долгий путь формирования национальной идентичности, долгий путь выбора между Бандерой и Лениным. Такова сейчас альтернатива на Украине.

В России такой альтернативы нет. Т. Шевченко, Н. Гоголь, М. Булгаков, М. Коцюбинский и другие гении украинской культуры по-прежнему считаются в России частью русской культуры. Сейчас в России стоят памятники Ленину, ставят и восстанавливают памятники царям и героям Первой мировой и гражданской войн, восстанавливая историческую справедливость, награждают от имени России сегодняшних героев. Нигде не меняют украинские названия улиц. Я по-прежнему живу на ул. Киевской. В России нет украинофобии, но есть сожаление, что Украина заблудилась в поисках себя, отказавшись от русского имени.

Расколото и молдавское общество. Приднестровье нравственно и идеологически живет в унисон с Россией и Белоруссией. На другом берегу Днестра настроения и пророссийские, и прорумынские. Идет трудный путь становления национальной идентичности. Очевидно одно: в ней будет мало места советской составляющей, и в этом главное расхождение Кишинева с Тирасполем.

Сравнение с другими странами СНГ больше другого доказывает самим россиянам, что они приняли символы и образы советской истории в основу своего исторического самосознания в отличие от других осколков Российской империи.

О том, что Россия не собирается отказываться от своей идентичности и сферы влияния, несмотря ни на какое внешнеполитическое давление, как раз и говорил Президент РФ В.В. Путин на последнем Валдайском форуме в Сочи 24 октября 2014 г.

*Статья выполнена в рамках проекта «Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Written in the framework of the project "Man in a Changing World. Problems of identity and social adaptation in history and at present" (the RF Government grant П 220 No. 14.B25.31.0009).

ЛИТЕРАТУРА

Примаков 2007 - *Примаков Е.М.* 2007 год: прощание с псевдолибералами // Российская газета. 2008. 15 января.

Зиновьев 2006 - *Зиновьев В.П.* Революция массового потребления в СССР в 1960-1980-е гг. // Экономическая история Сибири XX века. Часть 1. Материалы Всероссийской научной конференции 30 июня – 1 июля 2006. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 43-49.

Зиновьев 2008 - *Зиновьев В.П.* Как нам относиться к советской истории? // Пишем времена и случаи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25-26 апреля 2008 г.). Новосибирск, 2008. С. 96-98.

Вишневский 1998 - *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 430 с.

Иноземцев 1999 - *Иноземцев В.Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: «Academia», 1999. С. 3 – 64.

Постиндустриальный мир 1999 - Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. М.: МОНФ, 1999. Сб. 4. 301 с.

Побережников 2006 - *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

Ностальгия по советскому 2011 - Ностальгия по советскому / отв. ред. Резанова З.И. Томск: Издательство Томского университета, 2011. С. 36-42.

References

Primakov 2007 - *Primakov E.M.* 2007 god: proshchaniye s psevdoliberalami [2007: Farewell to the pseudo-liberals], Rossiiskaya gazeta, 2008, 15 yanvarya [in Russian].

Zinoviyev 2006 - *Zinoviyev V.P.* Revolyuziya massovogo potrebleniya v SSSR v 1960-1980-e gg. [Consumer revolution in the USSR in the period of 1960-1980], Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka, chast', 1, materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 30 iyunya – 1 iyulya 2006 g., Barnaul, izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006, pp. 43-49 [in Russian].

Zinovyev 2008 - *Zinovyev V.P. Kak nam otnositsya k sovetskoy istorii?* [How are we related to Soviet history?], Pishem vremena I sluchai, materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferenzii, posvyashchennoy 70-letiyu kafedry otechestvennoy istorii NGPU (Novosibirsk, 25-26 aprelya 2008 g.). Novosibirsk, 2008, pp. 96-98 [in Russian].

Vishnevskiy 1998 - *Vishnevskiy A. Serp i rubl. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Hammer and ruble. Conservative Modernization in the USSR], Moscow, OGI, 1998, 430 p. [in Russian].

Inozemzev 1999 - *Inozemzev V.L. Perspektivy postindustrialnoy teorii v menyaiushchemsya mire* [Prospects of post-industrial theory in a Changing World], Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya [The new wave of post-industrial West. Anthology], Moscow, Akademia, 1999, p. 3-64 [in Russian].

Postindustrialnyi mir 1999 - *Postindustrialnyi mir: zentr, periferiya, Rossiya* [post-industrial world: the center, the periphery, Russia], Moscow, MONF, 1999, sb. 4, 301 p. [in Russian].

Poberezhnikov 2006 - *Poberezhnikov I.V. Perehod ot traditsionnogo k industrialnomu obshchestvu. Teoretiko-metodologicheskiye problemy modernizatsii* [The transition from traditional to industrial society. Theoretical and methodological problems of modernization], Moscow, ROSSPEN, 2006, 240 p. [in Russian].

Nostalgiya po sovetskomu 2011 - *Nostalgiya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet], red. Rezanova Z.I. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2011, 514 p. [in Russian].

Зиновьев Василий Павлович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Zinovyev Vasilii - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: vpz@tsu.ru

Жеравина Аниса Нурлгаяновна - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета.

Zheravina Anisa - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University.

E-mail: K1tat@yandex.ru

УДК 94(47+57):572.028

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/11

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ПРОПАГАНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

Е.А. Федосов

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: karamba243@yandex.ru
SPIN-код: 8906-0870

Авторское резюме

Проблема поиска национальной идеи в современной России все чаще требует от исследователей и политиков осмысления недавнего прошлого страны, с которым связано понятие советской идентичности и ее конкретного проявления, именуемого советский человек. Важная роль в формировании этого нового, беспрецедентного по своим качествам типа людей отводилась государственной пропаганде, которой была создана специфическая система идеологем, символов и образов. Могли ли соответствовать ей реальные люди? Какими они были на самом деле? Учитывая все особенности пропаганды, необходимо не только выявить черты самосознания советских граждан, но и попытаться понять, насколько они были духовно готовы (или не готовы) к возложенной на них государством главной идеологической миссии – построению коммунизма, и почему система перестала существовать, а общество пришло к иным результатам. Изучение советской идентичности имеет и социологическое значение, поскольку ее элементы сохраняются и сейчас в форме ностальгии или более глубоких ментальных установок, включающих моральные ценности, традиции, стереотипы внутри- и внешнеполитического мироощущения общества. Среди множества источников, способных дать ответ на эти вопросы, особую важность приобретают диалоговые интервью с представителями старшего поколения, жившего и работавшего в Советском Союзе. Одно из них составило основу данной статьи.

Ключевые слова: советская идентичность, советский человек, идеология, пропаганда, СССР, М.С. Кузнецов, качественная социология.

The Soviet person: propaganda or reality?

E.A. Fedosov

Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: karamba243@yandex.ru

Abstract

In modern Russia the problem of the search for a national idea more often requires from researchers and politicians the comprehension of the recent past of the country, and the concept of the Soviet identity and its specific manifestation – the Soviet person – are inseparably connected with it. An important role in formation the new, unprecedented by their characteristics type of people was assigned to the state propaganda, by which the special system of the ideologems, symbols and images was created. Could the real Soviet people conform to it? How were they indeed? Considering all the specialties of the propaganda, it is necessary not only to identify the Soviet citizens' identity features, but to try to understand: how they were ready (or were not ready) to the main ideological mission – communism – which was entrusted on them by the state, and why the system had ceased to exist and society had come to the other result. The researching of the Soviet identity also has a sociological meaning, because its elements are saved today as nostalgia or as the deeper mental attitudes, including moral values, traditions and stereotypes of the internal and foreign policy worldview of the society. Among the plurality of sources, for this subject conversational interviews with the representatives of the older generation, who lived and worked in the Soviet Union, have a particular importance. One of such interviews forms the basis of this article.

Keywords: Soviet identity, Soviet person, ideology, propaganda, USSR, M.S. Kuznetsov, qualitative sociology.

Понятие советской идентичности и её конкретное проявление – советский человек – сейчас в центре внимания исследователей и политиков, актуализирующих проблему поиска национальной идеи современной России. С течением времени в идеологии и пропаганде СССР делался акцент на различные компоненты идентичности его граждан. Он менялся. После революции основополагающими были провозглашены классовые, интернациональные категории, призванные создать новый тип людей, стоящий над этническими и государственными границами. В годы индустриализации, а особенно Великой Отечественной войны закономерно усилились патриотические тенденции в формировании советского самосознания, уже неразрывно связанного с принадлежностью к родине и её историческому прошлому. Наконец, с началом холодной войны интернациональная роль СССР рассматривалась не только с точки зрения классовых, но и общечеловеческих, гуманистических принципов,

таких, как борьба за мир, разоружение, деколонизация и т. п. Внутри самого государства интернационализм советских людей осмысливался и через идею этнической гармонии, связанной с образами единства населения союзных республик и других народов, населявших страну. Все это обеспечивало многоуровневый синтетический характер советской идентичности, которую, пользуясь терминологией исследователя С.В. Картунова, можно назвать также идеологической (коммунистической) (Картунов 2009: 43). И действительно, актуализация перечисленных выше черт советского самосознания происходила в условиях решения весьма конкретных идеологических и пропагандистских задач.

На теоретическом уровне советские исследователи выявляли следующие «нормы социалистической жизни» (по сути, критерии идеальной советской идентичности): коллективизм, высокое достоинство труда, интернационализм, сознательность через высокий уровень осмысленности жизни (Гуревич 1987: 185-187). Все они подлежали культивированию в обществе. Сейчас, когда тип «советский человек» уже не формируется коммунистической пропагандой, а подвергается рефлексии с других позиций, не приходится говорить о каком-либо единстве в оценке и даже интерпретации его качеств. Так, например, с точки зрения социологических исследований Ю.А. Левады, советский человек предстает деиндивидуализированным, «массовидным», простым до примитивности, зависимым от государства, а от того инфантильным (Гудков 2007: 412-413). С другой стороны, тезис об «инфантильности» активно оспаривается Р.Р. Вахитовым, как возникший во многом на фоне банкротства реформ 1990-х гг., которые не приняли «обычные советские люди, умеющие строить заводы, города, самолеты и ракеты, побеждать в войне и осваивать целину, но не умеющие “крутиться”, “спекулировать”...» (Вахитов 2003). Полемическое многообразие мнений, в том числе эмоционально и идеологически окрашенных, требует преодоления интерпретационного посредничества для целостного и корректного понимания феномена советской идентичности и роли официальной пропаганды в ее формировании. В подобных условиях особое применение находят методы качественной социологии, включающие изучение источников личного происхождения, проведение глубинного или диалогового интервью с представителями разных поколений советских людей. Они позволяют дополнить содержание формализованных делопроизводственных документов и статистических данных.

Следует отметить, что среди общественно значимых явлений советское внутрипартийное делопроизводство нередко детализиро-

вало и индивидуализировало случаи отклонения от официальной линии, чтобы иметь возможность повлиять на ситуацию (ЦДНИ ТО 1: 6-8). В то же время внутренние мотивы условно положительной советской идентичности (одобрение политики, принятие трудовых обязательств, вкладывание денежных средств в государственные займы и т. д.) подчас носят коллективный, обобщенно-массовый характер и в значительной мере остаются скрыты от исследователей по принципу обезличенного большинства (ЦДНИ ТО 2: 145-147). Совсем иное поле для анализа открывают письма граждан к высшему руководству СССР, представляющие собой, например, отклики на ключевые политические события (ГАРФ 1, ГАРФ 2). Представленные в них черты самосознания, образ мышления, господствующая риторика позволяют оценить влияние официального пропагандистского дискурса на настроения и суждения советских людей. Проведение интервью с непосредственными носителями советской идентичности, помимо несомненной общей познавательной ценности, также выполняет важную функцию индивидуализации советской повседневности в ее политическом и идейном контексте. Будучи по существу воспоминанием, подобная беседа как источник обладает определенной спецификой, связанной с проблемой исторической памяти,

ностальгических переживаний и т. п. Это делает ее результатом своеобразного миромоделирования – реконструирования реальности в соответствии с ценностными ориентирами личности (Лебедева 2011: 195). Прошрое предстает здесь не в чистом виде, но, как представляется, данное обстоятельство не противоречит задаче изучения черт советского человека, поскольку воспроизводимые характеристики во многом и являются его наиболее устойчивыми ментальными установками.

Основу данной статьи составило интервью, проведенное автором в сентябре 2013 г. Своими воспоминаниями и суждениями по поводу различ-

Ил. 1

ных событий и явлений советской эпохи, включая массовые пропагандистские кампании, поделился ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки РСФСР, один из старейших работников Томского государственного университета профессор Михаил Сергеевич Кузнецов (ил. 1).

В жизни М.С. Кузнецова, родившегося в 1922 г. в крестьянской семье, как и в жизни многих советских людей того поколения, было достаточно испытаний. После раскулачивания и ареста отца его детство прошло в среде спецпереселенцев. Он вспоминает о своих впечатлениях тех лет: «Осознанной политической оценки событий у меня еще не было. Но чем старше я становился, то начинал понимать, что мы, ссыльные – это люди, которые не обладают долей каких-то прав. И возникала такая осторожность в поведении, чтобы не сказать и не сделать где-то что-то непродуманное...» (Интервью). В то же время практически не было обиды на власть, но сильна была досада от несправедливости со стороны конкретных людей, коменданта или военной охраны, надзиравшей над спецпереселенцами. В 1935 г. статус спецпереселенца был официально упразднен, а люди, имевшие его, восстановлены в правах. Забегая вперед, отметим, что за всю свою дальнейшую долгую жизнь М.С. Кузнецов никогда больше не подвергался никаким репрессиям и притеснениям со стороны властей. Какими же после всех бедствий должны были стать его взгляды? Не возникло ли у него пусть даже скрытого, но устойчивого неприятия советской власти и недоверия к идеологемам и ценностям, которые она предлагает обществу? Мог ли он психологически принять образ, олицетворявший простого советского человека? Так или иначе, первые элементы его гражданского самосознания формировались под влиянием советских общественных институтов: «Несмотря на то, что детство мое прошло среди спецпереселенцев, я еще со школы, с пионерии привык думать хорошо о своей стране» (Интервью). Вступление в комсомольскую организацию помогло преодолеть психологическое напряжение в связи с памятью о прошлом: «В 1939 г. меня приняли в комсомол, и я здесь еще активнее занялся общественной работой и спортом. Во всяком случае, я чувствовал себя как-то увереннее, что я теперь такой же, как и все» (Интервью).

Непростая внешнеполитическая обстановка, в которой оказался СССР в конце 30-х гг., и сопутствовавшая пропагандистская практика государства сказывались на деятельности и интересах того поколения людей. Будучи учащимся фельдшерско-акушерской школы, Кузнецов сам занимался агитационной деятельностью, самостоятельно выпуская газету «МОПР»¹. Он также был инструктором ПВХО² и

участвовал в оборонно-патриотической работе. Здесь уместно упомянуть один из характерных для того времени плакатов: «Будь готов к противовоздушной и противохимической обороне» (худ. В.С. Пахомов, 1940) (ил. 2). Представленный на нем образ комсомольца весьма точно сочетается с биографией моего собеседника, что подтверждает явную связь общественных настроений с идеологической линией властей. Довольно успешно решалась задача психологической и практической подготовки населения к войне: «Нас стали усиленно готовить к военным действиям, мы владели почти всеми видами стрелкового оружия... знали, как себя вести, и по-настоящему любили свою страну» (Интервью). Несмотря на мобилизационные настроения, сформированный к концу 30-х гг. образ врага, неизменно связанный с германским фашизмом и его вождями, испытывал в пропаганде определенные колебания в связи с подписанием Пакта о ненападении. По словам М.С. Кузнецова, в печати и на радио даже появились довольно успокаивающие интонации, хотя прежняя оценка уже устойчиво укоренилась в сознании советской молодежи: «Мы знали – нас так воспитывали – что войны Советскому Союзу не избежать, и в 1940 г. мы были уверены, что воевать будем именно с Германией...» (Интервью). Вместе с тем, аналитическое восприятие официальных текстов порой открывало для общества скрытые смыслы пропаганды, порождая определенные прогнозы. «Когда 14 июня 1941 г. ТАСС выступил с тем, что СССР не намерен вести войну с Германией, ожидалось, что в соответствии с политической обстановкой немцы ответят встречным заявлением. Однако его не последовало. Мы сразу поняли, что войны с Германией не избежать, но не думали, что она начнется так быстро» (Интервью).

С началом Великой Отечественной войны чувство

патриотического долга комсомольца Кузнецова сопровождалось и глубоким личным мотивом: «Я даже обрадовался, что еду на фронт, поскольку оставалось в памяти пятно, что я спецпереселенец – кулак, но на фронте я буду среди всех, и пусть смотрят, как я веду себя, как я живу, кто я такой и чего я достоин!» (Интервью). Его боевой путь, безусловно, заслуживает отдельного рассказа, но в рамках данной статьи остановимся лишь на восприятии фронтовиком военной пропаганды и агитации. В целом он оценивает ее очень высоко. И на фронте, и в тылу любые материалы воспринимались с большим интересом и приковывали внимание населения. Хотя в агитках иногда и попадались довольно «злые и преувеличенные» образы, по-особому верилось в их призывы, потому что «нам хотелось, чтобы так было, мы воспринимали всё живо...» (Интервью). Ветеран вспоминает и поддержку так называемой «неосознанной» пропаганды, исходившей от простых советских людей (не только родственников и друзей), присылавших на фронт письма и посылки. Интересная точка зрения сложилась у Кузнецова в отношении немцев, которых еще с довоенных лет, в том числе под влиянием официальной

пропаганды, он привык отличать от фашистов и Гитлера с его окружением. Во время боевых действий идейная суть противостояния с немцами сводилась к простым законам военного времени: не было ощущения, что «раз немец – это враг вообще, хотя хорошо было ясно, что сейчас самый главный враг – немец. Надо или его победить, или он победит» (Интервью). Хотя здесь стоит оговориться, что с 1942 г., когда после тяжелого ранения мой собеседник находился уже в глубоком тылу, общая антифашистская тональность советской пропаганды дополни-

лась весьма определенными и жестко сформулированными плакатными лозунгами: «Немцем меньше – победа ближе!» (худ. В.С. Щеглов, 1942), «Смерть немецким мерзавцам!» (худ. А.А. Казанцев, 1943) (ил. 3), «Это сделали немцы» (худ. А.А. Кокорекин, 1944) и т. п. Однако к концу войны эта тенденция постепенно себя исчерпала.

После Победы в жизни фронтовика наступил период насыщенной научной и общественной деятельности. Будучи студентом пединститута, он работал инструктором отдела агитации и пропаганды Томского обкома ВЛКСМ. В 1947 г. Кузнецов был принят в ВКП(б). «Тогда к этому все относились серьезно, вдумчиво и ответственно. Я до сих пор запомнил с восклицательным знаком, что член партии – это слово “надо!”», – подчеркивает Михаил Сергеевич (Интервью). Выступая с докладами, он стал не только представителем советского общества, которому адресуются идеологические установки, но и человеком, во многом ответственным за их формулировку и интерпретацию. Докладывать приходилось и по организационным вопросам, и по проблемам внутренней и внешней политики СССР. Кузнецов всегда охотно выступал на собраниях, и, хотя в подобной практике, как и во всей советской пропаганде, находилось место формализму, наиболее актуальные темы и дискуссии вызывали живой и неподдельный отклик, в том числе и у молодежи. Он искренне верил в линию партии и редко расходился с ней по основополагающим вопросам, оставаясь честным и перед собой, и перед аудиторией. Но возникали и трудные моменты. Так, например, замешательство возникло в связи с заявлением Н.С. Хрущева с трибун XXII Съезда КПСС, что «к 1980 г. построим коммунизм», которое с долей скепсиса и даже иронией было воспринято частью коммунистов. Надо сказать, что тема приближающегося коммунизма закрепились в пропаганде еще в начале 50-х гг. Об этом свидетельствует, например, плакат, где образы молодых людей и пионера сопровождаются лозунгом «Наше будущее – коммунизм» (худ. П.С. Голубь, 1950). После XXII Съезда перспектива абстрактного будущего сменилась в лозунгах уже более конкретизированными временными контурами: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (худ. В.П. Воликов, 1962) (ил. 4). Хотя в его материалах было указано, что к 1980 г. должна быть создана материальная база коммунизма, а «полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период» (XXII Съезд 1962: 276). Однако, когда на партийных собраниях поднималась тема сроков, М.С. Кузнецов подчеркивал, что недостаточно достичь материальных параметров, поскольку движение к коммунизму сопряжено с длительным морально-нравственным

развитием общества в планетарном масштабе. Следует отметить, что советские идеологи также актуализировали духовную сторону процесса. Ведь не случайно одной из самых знаковых программных установок съезда стал «Моральный кодекс строителя коммунизма» (XXII Съезд 1962: 317-318), принципы которого подлежали массовому тиражированию, в том числе при помощи изобразительных средств наглядной агитации, примером которой служат тематические плакаты художников Е.П. Соловьева³ (ил. 5), А.Н. Доброва⁴ и др.

Применительно к идеологической обстановке гораздо большее недоверие и даже определенные опасения за будущее страны появились у профессора Кузнецова с приходом к власти М.С. Горбачева. На приеме в ЦК у него была возможность лично ознакомиться с вестиями, царившими в среде руководства, и наблюдения его были тревожны: «Понятно было, что этот Центральный Комитет партии не руководит страной, а занимается делами совершенно чуждыми и только настраивает людей друг на друга» (Интервью). Однако развал СССР в мирное, относительно спокойное время казался немыслимым: «Я даже на фронте, как трудно не было, не верил, что

Советский Союз может проиграть войну...» (Интервью).

М.С. Кузнецов и сейчас крайне отрицательно оценивает деятельность Горбачева, приведшую страну к распаду. Несмотря на последовавшие события, он до сих пор разделяет социалистические идеи и положительно характеризует советскую пропаганду. Ее сильными сторонами он считает ярко выраженные морально-нравственные и организующие начала, прославление труда и взаимовыручки, способность к мобилизации и сплочению населения. Иногда желаемое выдавалось за действительное, но все это было скорее от того, что и людям, и пропагандистам хотелось в это поверить. Вместе с тем Куз-

Ил. 4

нецов понимает, что не обошлось и без «пустой говорильни и безответственных лозунгов на собраниях», и без перегибов. В частности, внешнеполитический аспект пропаганды времен холодной войны оказался перегружен чрезмерным идеологическим давлением на страны-союзицы по соцлагерю и некритическим «натравливанием» людей на капиталистический строй.

Что касается советской идентичности, то Михаил Сергеевич Кузнецов уверен, что специфическая общность «советский человек» действительно существовала, и всецело считает себя ее частью, приводя довольно эмоциональный аргумент: «Если сказать, что я не советский человек – это значит, я выступал против тех, кто хотел дружбы, слаженности, по первому зову защищал страну» (Интервью). Воспоминания Кузнецова раскрывают черты поколения советских людей, представляющие собой определенный ментальный срез, который не был единственным и универсальным. Однако сам профессор Кузнецов являет собой очень стойкую личность, всецело преданную своей стране и своим убеждениям, несмотря на удары судьбы.

Пропагандистская практика государства могла оказывать на него сильное мобилизационное влияние, приобщала к коллективным ценностям. Вместе с тем он не был бессознательным исполнителем и подвергал идеологические установки государства критическому осмыслению в соответствии с реальным положением дел. Закончить хотелось бы высказыванием самого М.С. Кузнецова о своих современниках и о советских людях в целом: «Таких людей больше нет, и никогда не будет. Будут лучше в другом плане, но чтобы такая была сплоченность, такая неразрывно душевно осознанная и психологически неразру-

шимая связь между людьми. Она ведь в нынешних условиях невозможна» (Интервью).

*Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Международная Организация помощи борцам революции.
2. Противовоздушная и противохимическая оборона.
3. Плакат «Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат!» (худ. Е.П. Соловьев, 1962).
4. Плакат «Взаимное уважение в семье, забота и воспитание детей» (худ. А.Н. Добров, 1962).

ЛИТЕРАТУРА

XXII Съезд 1962 - XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 3. 592 с.

Вахитов 2003 - *Вахитов Р.Р.* Соломинка и бревно, или об инфантилизме советского человека // Литературный журнал «Бельские просторы». 2003. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2290> (дата обращения: 28.01.2014).

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (*далее - ГАРФ*) Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1353. Письма и телеграммы граждан, поступившие на имя Председателя Совета Министров СССР т. Хрущева Н.С., с откликами на агрессивные действия США против Кубы 12.09-31.10.1962.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1354. Письма и телеграммы граждан, поступившие на имя Председателя Совета Министров СССР т. Хрущева Н.С., с откликами на агрессивные действия США против Кубы 01.11-28.11.1962.

Гудков 2007 - *Гудков Л.Д.* Перерождения «советского человека» (Об одном исследовательском проекте Левада-центра) // Научный альманах «Одиссей: Человек в истории» / Отв. редактор Чубарьян А.О. 2007. № 1. С. 398–436.

Гуревич 1987 - *Гуревич П.С.* Пропаганда в идеологической борьбе. М.: «Высшая школа», 1987. 263 с.

Интервью - Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. 11 сентября 2013 г. // Личный архив автора.

Кортунов 2009 - *Кортунов С.В.* Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: «Аспект-пресс», 2009. 592 с.

Лебедева 2011 - *Лебедева Н.Б.* Мемуары советского человека как моделирование мира ушедшей эпохи // Ностальгия по советскому / Отв. редактор Резанова З.И. Томск: Изд-во Томского университета, 2011. 514 с.

ЦДНИ ТО 1 - Центр документации новейшей истории Томской области (далее - ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2396. Стенограмма заседания Томского областного партийного актива 05.11.1956.

ЦДНИ ТО 2 - ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2416. Информация о проведении митингов трудящихся о положении в Египте 1956 г.

References

XXII S"ezd 1962 - XXII S"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. Stenograficheskiy otchet [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. verbatim report], Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1962, t. 3, 592 p. [in Russian].

Vakhitov 2003 - *Vakhitov R.R.* Solominka i breвно, ili ob infantilizme sovetskogo cheloveka [The straw and the timber, or about the Soviet person's infantilism], Bel'skie prostory, Literary journal, 2003, Nr 3 [Electronic resource]. URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2290> (accessed: 28 January 2014) [in Russian].

GARF 1 - Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (further - GARF) [State Archive of the Russian Federation], f. R 5446, inv. 96, d. 1353. Pis'ma i telegrammy grazhdan, postupivshie na imya Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR t. Khrushcheva N.S., s otklikami na agressivnye deystviya SShA protiv Kuby 12.09-31.10.1962 [Letters and telegrams of the citizens, received by the Chairman of the Council of Ministers of the USSR Khrushchev N.S., with responses to the aggressive actions of the United States against Cuba 12.09-31.10.1962] [in Russian].

GARF 2 - GARF, f. R 5446, pp. 96, d. 1354. Pis'ma i telegrammy grazhdan, postupivshie na imya Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR t. Khrushcheva N.S., s otklikami na agressivnye deystviya SShA protiv Kuby 01.11-28.11.1962 [Letters and telegrams of the citizens, received by the Chairman of the Council of Ministers of the USSR Khrushchev N.S., with responses to the aggressive actions of the United States against Cuba 01.11-28.11.1962] [in Russian].

Gudkov 2007 - *Gudkov L.D.* Pererozhdeniya "sovetskogo cheloveka". (Ob odnom issledovatel'skom proekte Levada-tsentra) [The "Soviet person's" degeneration (Or about one of the research projects of the Levada-center), Odissey: Chelovek v istorii, Research Almanac, 2007, Nr 1, pp. 398-436 [in Russian].

Gurevich 1987 - *Gurevich P.S.* Propaganda v ideologicheskoy bor'be [Propaganda in the political struggle], Moscow, Vysshaya shkola, 1987, 263 p. [in Russian].

Interview - Interview with Mikhail Sergeyevich Kuznetsov. Tomsk, 11 September 2013, Author's personal archive [in Russian].

Kortunov 2009 - *Kortunov S.V. Natsional'naya identichnost'. Postizhenie smysla* [National identity. The comprehension of the meaning], Moscow, Aspekt-press, 2009, 592 p. [in Russian].

Lebedeva 2011 - *Lebedeva N.B. Memuary sovetskogo cheloveka kak modelirovanie mira ushedshey epokhi* [Soviet citizen's memoirs as modeling the world of the bygone epoch], *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet: monograph], Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2011, 514 p. [in Russian].

TsDNI TO 1 - Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (further - TsDNI TO) [Documentation Centre recent history of the Tomsk region], f. 607, inv. 1, d. 2396, Stenogramma zasedaniya Tomskogo oblastnogo partiynogo aktiva 05.11.1956 [Transcript of the session of the Tomsk regional party activists 05.11.1956] [in Russian].

TsDNI TO 2 - f. 607, inv. 1, d. 2416, Informatsiya o provedenii mitingov trudyashchikhsya o polozhenii v Egipte 1956 g. [Information about meetings of the laborers about the situation in Egypt. 1956] [in Russian].

Федосов Егор Андреевич - магистрант второго года обучения, кафедра современной отечественной истории, исторический факультет Национального исследовательского Томского государственного университета

Fedosov Egor - 2nd year Master Student, the Department of Contemporary History of Russia, the Faculty of History of National Research Tomsk State University

E-mail: karamba243@yandex.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/12

ПРЕДКИ РУСИНОВ И КОЧЕВНИКИ: ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.Г. Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Researcher ID: D-6981-2014

Scopus Author ID: 55359315000

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

В этногенезе восточных славян участвовали кочевые народы Северного Причерноморья. Определенный вклад в этногенез восточных славян внесли ираноязычные племена скифов и сарматов. Их влияние отражается в материальной и духовной культуре, языке. Славяно-иранский симбиоз обусловил отличие восточных славян от остального славянского мира. Иранское происхождение имеет название племенного союза *антов* - предков восточных славян. Антские племена уличей, тиверцев, хорватов легли в основу формирования русинского этноса. Длительное взаимодействие с кочевническим миром привело к образованию особого хозяйственного уклада у русинов, где земледелие сочеталось с отгонным скотоводством. Название племени *хорваты* в переводе с иранского означает «страж скота».

Ключевые слова: русины, славяне, анты, тиверцы, уличи, хорваты, скифы, сарматы.

The Ancestors of the Rusins and the Nomadic Tribes: Ethno-Cultural Interactions

S.G. Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107, October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The nomadic peoples of the Northwestern Black Sea region had a part in the ethno-genesis of the east Slavs. These Scythian and Sarmatian Iranian-speaking tribes played a big part in the original ethno-genesis of the East Slavs. This influence manifested itself in the material and spiritual culture and in the language. The Slavic-Iranian symbiosis of the East Slavs resulted in a distinction of the East Slavs from the rest of the Slavic World. The name of the tribal union - Antes - the ancestors of the East Slavs, demonstrated Iranian ancestry. Uliches, Tivertsy and Chorvats, tribes of Antes, were the basis of the formation of the Rusin ethnos. The long period of interactions with the nomadic world also led to the formation of a specific economic structure among the Rusins where agriculture combined with cattle raising. The name of the tribe "Chorvaty" in translation from Iranian means "guard of cattle".

Keywords: Rusins, Slavs, Antes, Tivertsy, Uliches, Chorvats, Scythians, Sarmatians.

Предположение о том, что ираноязычные племена Северного Причерноморья сыграли значительную роль в этногенезе восточных славян, высказывали М. Ломоносов (Ломоносов 1952: 176-177, 180), Е. Классен (Классен 1999: 134-140), Ю. Венелин (Венелин 2011a: 199, 203-207; Венелин 2011b: 695, 696, 698.), И. Забелин (Забелин 1876: 252-254, 259-261, 267-268), Н. Загоскин (Загоскин 1899: 311), Д. Самоквасов (Самоквасов 1899: 41-47, 54-65; Самоквасов 1908: XVI-XVIII, XXII-XXIII, XXVII), Д. Иловайский (Иловайский 1876: 20, 22, 105-109), А. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский 1887: 9), М. Любавский (Любавский 2002: 64), Л. Нидерле (Нидерле 2001: 31), П. Третьяков (Третьяков 1953: 11-12, 45, 52, 61-65, 103-105), Б. Рыбаков (Рыбаков 1987: 12-18.), В. Седов (Седов 1979: 158), Г. Вернадский (Вернадский 2000: 21, 83, 102, 115-120), А. Удальцов (Удальцов 1946: 41-50; Удальцов 1949: 14-25) и др. Подробнее взгляды ученых касательно вопросов ирано-славянского этнокультурного взаимодействия изложены в работах П. Третьякова (Третьяков 1953: 59-67), А. Нейхардт (Нейхардт 1982: 6-162).

Ряд исследователей указывают на этнокультурную связь иранцев с индоариями (два крупнейших представителя индоиранской подветви арийской ветви индоевропейской языковой семьи). О.Н. Трубачев отмечал, что одним из названий скифов было **nara* - «меньше, потомки» (индоарийцы были «старыми ариями») (Трубачев 1999: 197). Самой крупной конфедерацией североиранских племен Сарматии, которая стала наследником Скифии, были аланы. Их название произошло от прилагательного **aryana-* (арийский, множественное число – *aryānām*), одной из разновидностей древнеиранской формы *ārya* (ариец) через чередование л-р, «ария – ариана – алан» (Абаев 1949: 153, 156; Бенвенист 1995: 241; Алемань 2003: 30-31;

Расторгуева, Эдельман 2000: 223-224). Также по мере развития персидского языка *Aryānām* (Арийская страна) трансформировалось в *Irān* (Бенвенист 1995: 241). Э. Бенвенист считал, что в индо-иранском ареале именем *ārya* - древние индийцы и иранцы обозначали свою принадлежность к свободным людям, отделяя себя от рабов (Бенвенист 1995: 240-241). Обратив внимание на наличие большого количества схожих слов в русском языке и санскрите, А. Гильфердинг посветил этому вопросу специальную работу (Гильфердинг 1853).

Античные авторы отделяли Сарматию от других регионов Европы. Плиний Старший в «Естественной истории», описывая население Европы, этнографически выделял Германию и Сарматию (Pliny the Elder 1961: 178-196; Подосинов, Скржинская 2011: 169-179). Птолемей в своем «Географическом руководстве» указывал на существование двух Сарматий: Азиатской и Европейской, причем границы Европейской Сарматии (Латышев 1948: 232-235) совпадают с последующими границами расселения восточнославянских племен. Тацит в труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» не определился, к каким народам причислить венедов (славян. – С.С.), - к германцам или сарматам, ибо «венеды переняли многое из их нравов... Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Тацит 2001: 482-483).

Византийские историки продолжали по традиции применять к населению Руси название *скифы*. Анна Комнина упоминает «одно из скифских племен», которое подвергалось постоянным грабёжам со стороны кочевников, переправилось через Дунай, затем эти «скифы» стали грабить соседние земли, а «в дальнейшем, немного утихомирившись, стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу» (Комнина 1996: 201). Лев Диакон в «Истории» русов называет скифами 63 раза, росами - 24, тавроскифами - 21, таврами - 9 раз (Сюзюмов, Иванов 1988: 182). Скифами и тавроскифами именуют их Михаил Пселл, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Никита Хониат и другие византийские авторы (Боровский 1988: 117; Бибииков 2001: 84).

Упоминали о «скифских» временах и русские летописцы. Автор «Повести временных лет», описывая восточнославянские племена, уточнял: «А уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая Скифь». («Великаѣ Скуфь») (ПСРЛ 1: 13; ПСРЛ 2: 9-10). Некоторые исследо-

ватели полагают, что данное название перекликается с понятием Старая (Синдская) Скифия, противопоставляемым Малой Скифии (Стрижак 1988: 33).

В русских летописях сохранился «Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске» (из «Хронографа» 1679 г.). В нем говорится о потомках Скифа (правнука Афетова, от которого прозвалась Скифия), князьях скифских Русе и Словене, которые «в лето от сотворения света 3099» (2409 г. до н. э.) с родами ушли от Черного моря «от роду своего и братия своя» из-за распрей, междоусобицы и «крамола многа и тесноты ради места» (ПСРЛ 3: 11; ПСРЛ 4: 139).

В четвертой книге своей «Истории» под названием «Мельпомена» Геродот, описывая скифов, указал, что так их зовут эллины (Геродот 2002: 237). Из его описания можно заключить, что единой народности скифов не существовало. Были скифы-кочевники и скифы-земледельцы (Геродот 2002: 241).

Скифы-кочевники жили в степи и разводили скот. Важнейшими после лошади по значению домашними животными для них были овцы (Гаврилюк 1995: 40, 42).

Скифы-пахари (скифы-земледельцы, скифы-борисфениты, само-название – сколоты) жили в лесостепи и занимались земледелием и оседлым скотоводством. Земледельческий регион праславян – Средний Днепр и Левобережье со смешанным населением (гелоны, будины и частично переселившиеся борисфениты). В средние века в этом регионе складывалось Древнерусское государство. Собственно скифы обитали на Нижнем Днепре и в Приазовье (Рыбаков: 1987: 42). Антропологические исследования подтверждают, что те, кого Геродот называет скифами-земледельцами, были протославянами (Гимбутас 2007: 53). Соприкосновение предков восточных славян со скифо-сарматским населением на землях среднего и нижнего течения Днепра и его притоков, в бассейне Южного Буга оставило свой след в генезисе антропологических особенностей восточнославянских народов (Алексеева 2002: 311).

Земледельческие племена испытывали сильное влияние скифской культуры, что делало их внешне похожими на скифов (Рыбаков 1987: 45). По мнению Б. Рыбакова, проживание предков восточных славян в составе условной Скифии повлияло на длительное отсутствие славянского единства (Рыбаков 1981: 227).

По мнению О. Трубачева и Ф. Филина, углубление славянско-иранских контактов относится к середине I тысячелетия до н.э. В основном это касалось религиозно-социальной сферы (Трубачев 2003: 50; Филин 1962: 139). В. Абаев допускал вероятность того, что

славяно-иранские языковые связи могли возникнуть еще в доскифскую эпоху (Абаев 1965: 136). А. Зализняк, В. Иванов, Д. Эдельман указывают на определенную схожесть между восточнославянскими и иранскими языками в области фонетики, морфологии, этики (Зализняк 1962: 28-41; Иванов 2008: 489-525; Эдельман 2002). В восточнославянских языках сохранилось немало заимствований из иранских языков (к примеру, лепо, хорошо, пес, собака, шаровары, топор и т. д.) (Мавродин 1978: 92; Вернадский 2000: 118). Существуют параллели и в коноводческой терминологии (Иванов 1988: 5; Иванов 2008: 490-513). По наблюдению В.В. Мавродина, древние формы сохранились в говорах населения Карпатской Руси (Мавродин 1978: 92).

В славянские языки проникали также индоарийские заимствования, т.к. этот этнический компонент существовал в I тысячелетии до н.э. в Скифии, в Северном Причерноморье, на территории правобережной Украины, в предгорьях Северного Кавказа наряду с иранским (скифским). Порой сложно отличить их от иранских (подробнее см.: Трубаев 1978: 34-43; Трубаев 1999).

Мифология, языческая религия славян сложилась под иранским влиянием. Об этом свидетельствуют слова **bogъ* (бог), **vatra* (от **ātar - огонь*), названия восточнославянских божеств Семаргл, Сварог, Хорс (см.: Рыбаков 1981: 226, 227, 434, 435; Абаев 1965: 115-116; Седов 1979: 98-99; Иванов 1988: 5; Зализняк 1962: 41-44; Иванов 2008: 509-513; Васильев 1999: 70, 170; Этимологический словарь 1975: 161-162; Филин 1962: 140-141; Трубецкой 2010: 131-132). В иранский период сложилась основа русского народного искусства (Вернадский 2000: 119-120).

Большое иранское влияние обнаруживается в топонимике. Иранское происхождение имеют гидронимы Прут (*Porata*), Тирас (*tūra* – быстрый, сильный), Дон, Донец, Днепр, Днестр (*dān* – вода, река) и т. д. (Зализняк 1962: 44-45; Янко 1998: 117-118, 120-121, 290; Вернадский 2000: 116).

Границей между собственно скифскими землями и территорией, занятой фракийскими гето-дакийскими племенами, был Днестр. Гето-дакийская культура имела ярко выраженный земледельческий характер, но отдельные группы населения были заняты в горах скотоводством сезонно-пастушеского типа (Федоров, Полевой 1973: 212; Корольюк 1985а: 55).

С III-II в. до н.э. сарматы вытеснили из Северного Причерноморья скифов, после чего античные авторы стали называть его Сарматией. Низовья Днестра и Дуная западные сарматы (аланы, роксоланы, языги) заселили не позже рубежа н.э. (Рикман 1975: 30).

В начале I в. н.э. в Карпато-Днестровском регионе античные авторы начинают упоминать венедов (славян) (Латышев 1949: 278-279, 285; Латышев 1948: 232-235; Филин 1962: 51; Рикман 1975: 327; Мишулин 1939: 300). По-видимому, продолжало жить в Пруто-Днестровском междуречье в первой половине I тысячелетия н.э., в эпоху, предшествовавшую массовому переселению славян в Нижнее Подунавье, и фракийское население (Рафалович 1972: 6).

В III-IV вв. Днестр стал границей между двумя крупными союзами племен, во главе которых стояли готы: вестготским (тервинги) и остготским (гревтуны). В этот же период в лесостепи и степи от Нижнего Подунавья до левобережья Днепра распространилась черняховская культура. Несмотря на ее единство, существовали местные особенности, позволившие разделить ее на ряд регионов (Тиханова 1957: 170-171). В формировании черняховской культуры Пруто-Днестровского междуречья и прилегающих районов Нижнего Подунавья решающую роль сыграли сарматы и гето-даки (Рикман 1975: 332; Федоров 1958: 234-243; Рикман 1969: 178-188; Королюк 1985а: 53). Входили в состав носителей черняховской культуры данного региона готы и венеды (Рикман 1975: 328; Королюк 1985а: 53). Т. Сулимирский предположил, что сарматы были ассимилированы в черняховский период, однако принесли в эту культуру многие свои элементы (Сулимирский 2008: 146). Черняховская культура в Пруто-Днестровском междуречье до конца IV в. н.э. испытывала сильное влияние позднеримских традиций (Королюк 1985а: 52). Она гибнет во время гуннского нашествия в конце IV в. н.э.

В VI в. на смену черняховской культуре пришла новая, типично славянская пеньковская (антская) (Федоров 1960: 229-238), получившая распространение на территории Молдавии и Украины.

По археологическим данным, в VI-VII вв. на территории лесостепной части Молдавии жило оседлое население. Поселки располагались вблизи воды в окружении удобных пахотных земель и пастбищ, был распространен не свойственный кочевникам полужемляночный тип жилища, целый ряд селищ существовал в течение нескольких веков. В стаде преобладал крупный рогатый скот (Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 78).

Как считал В.В. Седов, анты - племенное название славянской группы, имевшей свои этнографические особенности и сформировавшейся при активном участии иранского (сарматского) этнического компонента (Седов 1979: 125). Это мнение разделяет М. Гимбутас, считавшая, что в Пруто-Днестровском регионе сарматы слились с местным населением и к этому времени сменили кочевой образ жизни на оседлый, начав заниматься сельским хозяйством

(Гимбутас 2007: 83). Этноним *ант*, вероятно, восходит к древнеиндийскому *antas* - конец, край, *antyas* - находящийся на краю, осетинскому *attiya* - задний, позади. Таким образом, в переводе на русский анты – это «живущие на окраине», «пограничные жители», «украинцы». Это имя могло быть заимствовано греками у аланов южнорусских степей (Филин 1962: 160).

Основываясь на следах существования у славян хозяйства пастушеско-земледельческого типа, выявленного в трудах античных авторов, В.Д. Королук пришел к мнению, что у славян издревле было два типа хозяйства - земледелие и пастушество. Основным, конечно, являлось земледелие (Королук 1985b: 162). Он же выдвигает гипотезу о переходе антов к пастушеству в ходе военных действий, когда часть антов была оттеснена в горы (Королук 1985a: 163).

Последнее упоминание об антах, воевавших на стороне Византии против аваров, датированное 602 г., содержится у Феофилакта Симокатты: «Тем временем каган получил известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха с войском и приказал истребить племя антов, которые были союзниками ромеев» (Феофилакт 1957: 180).

В VII-IX вв. на смену антской пеньковской культуре Пруто-Днестровского междуречья приходит лука-райковецкая культура, которая в Пруто-Днестровском регионе локализована в северных и центральных районах (Чеботаренко 1982: 41-42; Рафалович 1972: 41; Федоров, Чеботаренко 1974: 20-39; Древняя культура 1974: 81-108). Этническая принадлежность лука-райковецкой культуры к восточным славянам у исследователей сомнений не вызывает (Тельнов 2001-2002: 254). Несмотря на общее сходство, между пеньковской и лука-райковецкой культурами есть отличия (Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 69; Седов 1982: 100, 123).

На востоке памятники лука-райковецкой культуры доходят до Днепра, на севере - севернее реки Припять, на западе - до Карпат, на юге - до бассейна Южного Дуная и побережья Черного моря (Тельнов 2001-2002: 247).

В Пруто-Днестровском междуречье в эпоху раннего средневековья (VII-IX вв.) соседствуют две разные по своему облику материальные культуры: лука-райковецкая (северные, центральные районы и правобережье Нижнего Днестра) и южнославянская, т. н. балкано-дунайская (в степных районах южной части междуречья и в районе придунайских озер). В центральных районах и Нижнем Поднестровье наряду с восточнославянскими встречаются южнославянские памятники (Чеботаренко 1982: 6; Федоров, Чеботаренко 1974: 5; Древняя культура 1974: 149). Население региона было неоднородно. С начала XI и до XII в. в северочерноморских степях кочевали

печенегии, торки, половцы, которые не только совершали набеги, но и становились оседлыми (Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 120; Плетнева 1958: 151-226). В то время территорию Карпато-Днестровских земель населяли племена хорватов, тиверцев и уличей.

Хорваты были одним из антских племен. Этноним восходит к периоду славянизации ираноязычного населения в условиях черняховской культуры. Тиверцы – этноним от античного названия Днестра – Тирас, их предки – одно из племен антов. Уличи жили южнее Киева, после взятия Пересечена в 940 г. переселились в междуречье Южного Буга и Днестра (Седов 1982: 125, 129, 132). Название племени хорватов, вероятнее всего, произошло от древнеиранского «пастух, страж скота» (Фасмер 1987: 262). П.П. Толочко согласен с мнением В.В. Седова, что хорваты получили название в период существования антского союза путем ассимиляции ираноязычного населения славянами (Толочко 2005: 75). Мнения, что хорваты первоначально были иранцами, придерживается Т. Сулимирский (Сулимирский 2008: 147-148). А. Майоров считает, что это название одного из аланских родов, занимавшего высокое положение в группе антов (Майоров 2006: 161-162). Б.А. Рыбаков предположил, что и предки уличей (урги-уругунды) принадлежали к сармато-аланским племенам, «втянутым в процесс славянского этногенеза» (Рыбаков 1950: 16).

В III-IV вв., как считал Т. Сулимирский, большинство сарматских племен осело в северной части Бессарабии и прилегающих районах Молдовы по обоим берегам реки Прут. По тому, как авторы того времени именуют эти земли Аланией, а Прут - Аланской рекой (Alarms fluvius), можно сделать вывод, что сарматы подчинили себе местное население. Множество топонимов с корнем «яс», включая город Яссы, заставляет предположить, что это была ветвь восточных аланов - аорсы, ясы или птолемеевские асаяи. Ученый отождествлял их с антами, присутствовавшими в этом регионе с IV до VI в., после чего они были ассимилированы славянами (Сулимирский 2008: 147-148).

О. Трубочев соотносит данные названия с более древней индоарийской основой - **anta* - *крайний, окраинные* (от древнеиндийского - край, предел, окраинный), также к индоарийским заимствованиям он относит названия сербы и хорваты. Подчеркивая, что в этом регионе славяне контактировали не только с иранцами, но и древними индийцами. Именно на юго-восточной окраине славянского мира появилось слово *Русь* (Трубочев 1999: 116, 118, 123).

После вхождения Карпато-Днестровских земель в состав Древнерусского государства в IX-XII вв. происходит дальнейший расцвет

культуры. Единая восточнославянская культура в северной части междуречья эволюционировала в древнерусскую (Тельнов 2001-2002: 254).

В Северной Молдавии лука-райковецкие памятники перекрыты культурным слоем древнерусской материальной культуры, и между этими двумя культурами – раннеславянской и древнерусской – прослеживается генетическая преемственность (Рафалович 1972: 452, Федоров 1960: 235-236).

В регионе появляются укрепленные городища (Екимауцы, Алчедар, Лукашевка, Рудь и др.) – праобразы древнерусских феодальных городов, материальная культура которых полностью совпадала с культурой древнего Киева, Чернигова, Рязани (Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 118-119).

В северной части Пруто-Днестровского междуречья, от устья реки Реут, локализована древнерусская культура, южнее – балкано-дунайская, четкой границы между ними нет, в центральной части Молдавии – контактная зона, определенное взаимовлияние культур (Тельнов 2001-2002: 252; Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 166; Чеботаренко 1982: 5; Чеботаренко 1979: 86-105).

Наряду с восточно- и южнославянскими элементами прослеживаются и кочевнические. Древнерусская материальная культура и кочевнические элементы продолжают развиваться и в IX-XII вв., а южнославянский тип материальной культуры Первого Болгарского царства исчезает к началу XI в. вместе с гибелью этого государства под ударами Византии (Чеботаренко 1982: 5).

Вопрос о носителях балкано-дунайской культуры остается открытым. По утверждению ряда археологов, это культура Первого Болгарского царства и по основным признакам прежде всего славянская. Вместе с тем в ней явственно проступали тюркские черты (салтовские), и здесь есть отдельные элементы, позволяющие считать, что в числе ее носителей могло быть и романизированное население бывших римских провинций. Вероятно, в состав этой культуры вошли три основных этнокультурных элемента: славянский, тюркский и волошский (восточнороманский) (Рикман, Рафалович, Хынку 1971: 174-175).

В северных районах Пруто-Днестровского междуречья древнерусская культура продолжала развиваться вплоть до конца XII в. (Федоров, Чеботаренко 1974: 53-100; Чеботаренко 1982: 6). Судя по письменным и археологическим источникам, в Пруто-Днестровском междуречье восточнославянское население вплоть до XII – начала XIII в. было основным, за исключением южной степной части междуречья (Федоров 1999: 15; Федоров, Чеботаренко 1974: 53-100;

Чеботаренко 1982: 6). С конца IX в. в южнорусских степях появились печенегы, со второй половины XI в. – половцы. Кочевники не только устраивали набеги на оседлое население, но и частично сами оседали в этих краях (Плетнева 1958: 151-226).

Часть тиверцев и уличей из-за постоянных набегов кочевников отошла в Трансильванию и Северную Венгрию, тем самым положив начало Семиградской Руси (Нидерле 2001: 172-173). Причем некоторые группы населения ушли вместе с венграми в конце IX в., после вытеснения последних из Северо-Западного Причерноморья печенегами, уступив им степной пояс между низовьями Дуная и Днестра (Юрасов 2007: 24).

В конце XI в. земли тиверцев, уличей и хорватов вошли в Галицкое княжество.

В XII-XIII вв. в Карпато-Днестровских землях появляются новые названия групп населения: берладники, бродники и галицкие выгонцы.

Н.А. Мохов рассматривал Берладское княжество как «предшественника молдавского государства» (Мохов 1978: 49-50, Мохов 1964: 84). Население Берлады, видимо, было смешанным: славяне, половцы, волохи (Мохов 1978: 50-51; Мохов 1961: 18). Берладская земля, как считает Р. Рабинович, скорее всего находилась в области подунайских городов в Добрудже, т. е. за пределами русских земель, вероятно, была формально подчинена властям Византийской империи и являла собой праобраз Запорожской Сечи (Тельнов, Степанов et al. 2002: 192).

В первой половине XIII в. письменные источники упоминают бродников. Сведения о них чрезвычайно скудны. Бродники жили на русско-половецком пограничье в Подонье и Карпато-Днестровских землях. Сведения о бродниках содержатся в пяти венгерских и папских грамотах 1222-1250 гг. Их земли большинство исследователей размещают к востоку от Карпат, западным пределом земли бродников была река Сирет (Тельнов, Степанов et al. 2002: 197). До сих пор бесспорных свидетельств о местонахождении и этническом составе земли бродников нет (Мохов 1964: 84; Мохов 1978: 51; Мохов 1961: 19). Наиболее аргументирована славянская, но также перспективны германская и аланская версии. Свидетельства о полукочевом воинском образе жизни бродников отсутствуют (Тельнов, Степанов et al. 2002: 202-203). О.В. Бубенок предположил, что термин бродники – это перевод на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов – *frd-as*, т. е. «буртас», что означало «асы, обслуживающие переправу» (Бубенок 1997: 172).

С середины XII в. между Карпатами и Днестром в виде компактной группы появляются волохи (влахи, валахи) (Бырня 1969: 27). Главным их имуществом был скот, прежде всего овцы, затем лошади, хотя разводили и ослов, и крупный рогатый скот (Литаврин 1972: 105).

После татаро-монгольского нашествия на территории современной Молдавии образовался золотоордынский центр. В связи с этим население стало еще более полиэтничным. Затем здесь выделился улус Ногая (западное половецкое объединение – команы) (Плетнева 1990: 188).

После захвата Галицкого княжества Польшей в конце XIV в. на входивших в его состав Карпато-Днестровских землях образовалось Молдавское княжество. С его появлением и разгромом ордынских войск Ольгердом в 1362 г. в битве у Синих вод (на реке Синюхе) татаро-монголы были изгнаны, и Пруто-Днестровское побережье стало частью Молдавии, основное население которой составляли волохи и русины.

Сведения археологов, лингвистов, историков, антропологов о славяно-иранском симбиозе получили подтверждение со стороны генетиков. Несколько научных коллективов провели изучение русского генома. Выявилось, что у русских, украинцев и белорусов распространена Y-хромосомная (Y-ДНК) гаплогруппа R1a. Эта гаплогруппа родилась тысячи лет назад и была очень частой у индоариев и иранцев Северного Причерноморья.

В настоящее время в высших кастах Индии (брахманов) независимо от их географической и языковой принадлежности показатель R1a поднимается до 72,22 % (Sharma, Rai et al. 2009: 51).

В материале, опубликованном в 2008 г. журнале «The American Journal of Human Genetics», дается показатель R1a среди русских - в среднем 55,4 % (Balanovsky, Rootsi et al. 2008: 242). По данным авторов монографии «Русский генофонд на Русской равнине», эта самая частая для восточных славян гаплогруппа тоже превышает 50 %, снижаясь до 40 % на северо-востоке России (Балановская, Балановский 2007: 154). Это же исследование подтвердило сходство генофонда русских, украинцев и белорусов (Балановская, Балановский 2007: 239).

Проведенные в Белгородской области исследования среди коренного русского и украинского населения показали еще больший процент носителей гаплогруппы R1a - 55,82 % (Лепендина, Цапкова et al. 2010: 52).

По нашему мнению, исследования генофонда коренного восточнославянского населения Карпато-Днестровского региона, учиты-

вая его более продолжительные этнокультурные контакты со скифо-сарматским миром, выявят более высокий процент носителей гаплогруппы R1a.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1949 - *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: изд-во Академии наук СССР, 1949. 601 с.

Абаев 1965 - *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 166 с.

Алексеева 2002 - *Алексеева Т.И.* Этногенез и этническая история восточных славян по данным антропологии // Восточные славяне. Антропология и этническая история / Отв. ред. Т. И. Алексеева. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. 342 с.

Алемань 2003 - *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

Балановская, Балановский 2007 - *Балановская Е.В., Балановский О.П.* Русский генофонд на Русской равнине. М.: ООО «Луч», 2007. 416 с.

Бенвенист - *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс - Универс, 1995. 456 с.

Бибииков 2001 - *Бибииков М.В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб.: Алетейя, 2001. 314 с.

Боровский 1988 - *Боровский Я.Е.* Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. 288 с.

Бубенок 1997 - *Бубенок О.Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI - начало XIII в.). Киев: Логос, 1997. 221 с.

Бырня 1969 - *Бырня П.П.* Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев: Изд. ЦК КП Молдавии, 1969. 221 с.

Васильев 1999 - *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М.: Индрик, 1999. 328 с.

Венелин 2011a - *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам // Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства / Сост., предисл. и коммент. П.В. Тулаев / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 864 с.

Венелин 2011b - *Венелин Ю.И.* [О происхождении славян вообще и россов в особенности особенности] // Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства / Сост., предисл. и коммент. П.В. Тулаев / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 864 с.

Вернадский 2000 - *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. Тверь-М.: Леан; Аграф, 2000. 448 с.

Гаврилюк 1995 - *Гаврилюк Н.А.* Скотоводство степной Скифии. Национальная академия наук. Ин-тут археологии. Препринт. Киев, 1995. 141 с.

Геродот 2002 - *Геродот.* История. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 2002. 740 с.

Гильфердинг 1853 - *Гильфердинг А.Ф.* О сродстве языка славянского с санскритским. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1853. 161 с.

Гимбутас 2007 - *Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2007. 216 с.

Древняя культура 1974 - *Древняя культура Молдавии* / Отв. ред. В.С. Зеленчук. Кишинев: Штиинца, 1974. 232 с.

Забелин 1876 - *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М.: типография Грачева и К°, 1876. 647 с.

Загоскин 1899 - *Загоскин Н.П.* Лекции и исследования по истории русского права. Т. 1. Введение; I. Наука истории русского права; II. Формация народа и государства. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1899. 512 с.

Зализняк 1962 - *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М.: Издательство Академии наук СССР. 1962. Вып. 6. С. 28-45.

Иванов 1988 - *Иванов В.В.* Проблемы изучения славяно-иранских связей // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (Сборник тезисов). М.: Наука, 1988. 74 с.

Иванов 2008 - *Иванов В.В.* Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты // Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2: Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. М.: Языки славянских культур, 2008. 704 с.

Иловайский 1876 - *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Москва: тип. Грачева и К°, 1876. 466 с.

Класен 1999 - *Класен Е.И.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени, в особенности легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. 1-3. 2-е изд., испр. М.: Белые Альвы, 1999. 320 с.

Комнина 1996 - *Комнина Анна.* Алексиада. Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 704 с.

Королюк 1985а - *Королюк В.Д.* Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М.: Наука, 1985. 240 с.

Королюк 1985b - *Королюк В.Д.* Пастушество у славян I тысячелетия н.э и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи // Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М.: Наука, 1985. 240 с.

Лаппо-Данилевский 1887 - *Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. 193 с.

Латышев 1948 - *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1948. № 2 (24). С. 213-314.

Латышев 1949 - *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1949. № 2 (28). С. 269-356.

Лепендина, Цапкова et al. 2010 - *Лепендина И.Н., Цапкова Л.А., Балановская Е.В., Чурносов М.И.* Анализ гаплгрупп Y-хромосомы в восточнославянском генофонде // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2010. № 16 (87). Вып. 11. С. 50-56.

Литаврин 1972 - *Литаврин Г.Г.* Влахи византийских источников X-XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Т. 1 / Ред. кол.: Я.С. Гросул (отв. ред.). Кишинев: Штиинца, 1972. 376 с.

Ломоносов 1952 - *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. ПСС. Т. 6. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 694 с.

Любавский 2002 - *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 5-е изд., стер. СПб.: Лань, 2002. 480 с.

Мавродин 1978 - *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. 184 с.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 209 с.

Мишулин 1939 - *Мишулин А.В.* Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1 (6). С. 290-304.

Мохов 1961 - *Мохов Н.А.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века). Кишинев: Штиинца, 1961. 216 с.

Мохов 1964 - *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX века). Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1964. 440 с.

Мохов 1978 - *Мохов Н.А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1978. 131 с.

Нейхардт 1982 - *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982. 242 с.

Нидерле 2001 - *Нидерле Л.* Славянские древности. 2-е изд. М.: Алетейя, 2001. 592 с.

Плетнева 1958 - *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 62. М.; Л., 1958. С. 151-226.

- Плетнева 1990 - *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
- Подосинов, Скржинская 2011 - *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.
- ПСРЛ 1 - ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись по Суздальскому и Академическому списку. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962.
- ПСРЛ 2 - ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- ПСРЛ 3 - ПСРЛ. Т. XXXI. Мазуринский летописец // Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968.
- ПСРЛ 4 - ПСРЛ. Т. XXXIII. Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске. Приложение // Холмогорская летопись. Л.: Наука, 1977.
- Расторгуева, Эдельман 2000 - *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 327 с.
- Рафалович 1972 - *Рафалович И.А.* Славяне VI-IX вв. в Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972. 244 с.
- Рикман 1969 - *Рикман Э.А.* О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 150. М.: Наука, 1969. С. 178-188.
- Рикман, Рафалович, Хынку 1971 - *Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г.* Очерки истории культуры Молдавии (II - XIV вв.). Кишинев: Штиинца, 1971. 189 с.
- Рикман 1975 - *Рикман Э.А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Рыбаков 1950 - *Рыбаков Б.А.* Уличи (Историко-географические заметки) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). Вып. XXXV. М.; Л., 1950. С. 3-17.
- Рыбаков 1981 - *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Рыбаков 1987 - *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.
- Самоковасов 1899 - *Самоковасов Д.Я.* История русского права. 2-е изд., испр. и доп. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899. 167 с.
- Самоковасов 1908 - *Самоковасов Д.Я.* Курс истории русского права. 3-е изд., испр. и доп. М.: тип. Моск. ун-та, 1908. 635 с.
- Седов 1979 - *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 158 с.
- Седов 1982 - *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. Т. 14 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1982. 327 с.
- Сулимирский 2008 - *Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. Т.В. Китаиной. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 191 с.
- Стрижак 1988 - *Стрижак О.С.* Етноімія Геродотової Скіфії. Київ: Наукова Думка, 1988. 224 с.

Сюзюмов, Иванов 1988 - *Сюзюмов М.Я., Иванов С.А.* Комментарий // Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988. 242 с.

Тацит 2001 - *Тацит Публий Корнелий*. Малые произведения. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М.: АСТ, Ладомир, 2001. 986 с.

Тельнов 2001-2002 - *Тельнов Н.П.* Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. // Stratum Plus. СПб. - Кишинев - Одесса - Бухарест. 2001-2002. № 5. С. 142-263.

Тельнов, Степанов et al. 2002 - *Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А.* «И... разошлись славяне по земле». Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 240 с.

Тиханова 1957 - *Тиханова М.А.* О локальных вариантах черняховской культуры // Советская археология. 1957. № 4. С.168 - 194.

Толочко - *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005. 218 с.

Третьяков 1953 - *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 313 с.

Трубачев 1978 - *Трубачев О.Н.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории, 1978. № 4. С. 34-43.

Трубачев 1999 - *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Трубачев 2003 - *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Издание 2-е, доп. М.: Наука, 2003. 489 с.

Трубецкой 2010 - *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Трубецкой Н.С. Избранное / Сост., вступ. ст., коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 616 с.

Удальцов 1946 - *Удальцов А.Д.* Племена Европейской Сарматии II в. н.э. // Советская этнография. 1946. № 2. С. 41-50.

Удальцов 1949 - *Удальцов А.Д.* Проблема происхождения славян в свете современной археологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 14-25.

Фасмер 1987 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Изд. 2-е, стер. Т. IV. (Т - Ящур). М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Федоров 1958 - *Федоров Г.Б.* О двух обрядах погребения в черняховской культуре (По памятникам Молдавии) // Советская археология. 1958. № 3. С 234-243.

Федоров 1960 - *Федоров Б.Г.* Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 89. М., 1960. 378 с.

Федоров, Полевой 1973 - *Федоров Г.Б., Полевой Л.Л.* Археология Румынии. М.: Наука 1973. 416 с.

Федоров 1999 - *Федоров Г.Б.* Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) // Stratum plus. СПб. - Кишинев - Одесса - Бухарест. 1999. № 5. С. 14-74.

Федоров, Чеботаренко 1974 - *Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф.* Памятники древних славян // Археологическая карта Молдавской ССР (АКМ). Вып.6. Кишинев: Штиинца, 1974. 134 с.

Феофилакт 1957 - *Феофилакт Симокатта.* История. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 224 с.

Филин 1962 - *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. Монография. М.; Л.: Издание Академии наук СССР, 1962. 296 с.

Чеботаренко 1979 - *Чеботаренко Г.Ф.* К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Пруто-Днестровского междуречья // Этническая история восточных романцев. М., 1979. С. 86-105.

Чеботаренко 1982 - *Чеботаренко Г.Ф.* Население центральной части днестровского междуречья в X-XII вв. Кишинев: Штиинца, 1982. 76 с.

Юрасов 2007 - *Юрасов М.* Влияние поисков венграми новой родины на освоение восточными славянами междуречья Днестра и Прута // Международный исторический журнал Русин / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2007. № 2 (8). С. 20-25.

Эдельман 2002 - *Эдельман Д.И.* Иранские и славянские языки: исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002. 234 с.

Янко 1998 - *Янко М.Т.* Топонімічний словник України. Київ: Знання, 1998. 432 с.

Этимологический словарь 1975 - *Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева.* Т. 2. М.: Наука, 1975. 238 с.

Balanovsky, Rootsi et al. 2008 - *Balanovsky O., Rootsi S., Pshenichnov A. et al.* Two Sources of the Russian Patrilineal Heritage in Their Eurasian Context // The American Journal of Human Genetics. Vol. 82. Issue 1. 10 January 2008. Pp. 236–250.

Pliny the Elder 1961 - *Pliny the Elder.* Natural History. In 10 Vol. With an English translation by H. Rackham. Vol. II. Libri III-VII. First printed 1942. Reprinted 1961. Cambridge, MA: Harvard University Press. 692 p.

Sharma, Rai et al. 2009 - *Sharma S., Rai E., Sharma P. et al.* The Indian origin of paternal haplogroup R1a1 substantiates the autochthonous origin of Brahmins and the caste system // Journal of Human Genetics. Nr 54. 2009. Pp. 47-55.

References

Abaev 1949 - *Abaev V.I.* Osetinskiy yazyk i fol'klor [Ossetian language and folklore], Moscow; Leningrad: izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949, 601 p. [in Russian].

Abaev 1965 - *Abaev V.I.* Skifo-evropeyskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada [Scythian-European isoglosses. At the crossroads of East and West], Moscow: Nauka, 1965, 166 p. [in Russian].

Alekseeva 2002 - *Alekseeva T.I.* Etnogenez i etnicheskaya istoriya vostochnykh slavyan po dannym antropologii. Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya [Ethnogenesis and ethnic history of the Eastern Slavs according anthropology Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history], red. T.I. Alekseeva. 2-e izd., Moscow: Nauchnyy mir, 2002, 342 p. [in Russian].

Aleman' 2003 - *Aleman' A.* Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh [Alans in the ancient and medieval written sources], Moscow: Izd-vo Menedzher, 2003, 608 p. [in Russian].

Balanovskaya, Balanovskiy 2007 - *Balanovskaya E.V., Balanovskiy O.P.* Russkiy genofond na Russkoy ravnine [Russian gene pool of the Russian Plain], Moscow: OOO "Luch", 2007, 416 p. [in Russian].

Benveniste 1995 - *Benveniste E.* Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European social terms], Moscow: Progress - Univers, 1995, 456 p. [in Russian].

Bibikov 2001 - *Bibikov M.V.* Vizantiyskie istochniki po istorii drevney Rusi i Kavkaza [Byzantine sources on the history of ancient Russia and the Caucasus], St. Peterburg: Aleteyya, 2001, 314 p. [in Russian].

Borovskiy 1988 - *Borovskiy Ya.E.* Vizantiyskie, staroslavlyanskije i starogruzinskije istochniki o pokhode rusov v VII v. na Tsar'grad [Byzantine, Slavonic and starogruzinskije sources about the campaign Russes in VII. at Constantinople], Drevnosti slavyan i Rusi, Moscow: Nauka, 1988, 288 p. [in Russian].

Bubenok 1997 - *Bubenok O.B.* Yasy i brodniki v stepyakh Vostochnoy Evropy (VI - nachalo XIII v.) [Alans and brodniks in the steppes of Eastern Europe (VI - the beginning of the XIII century)], Kiev: Logos, 1997, 221 p. [in Russian].

Byrnya 1969 - *Byrnya P.P.* Sel'skie poseleniya Moldavii XV-XVII vv. [Villages Moldova XV-XVII centuries], Kishinev: Izd. TsK KP Moldavii, 1969, 221 p. [in Russian].

Vasil'ev 1999 - *Vasil'ev M.A.* Yazychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi: Religiozno-mifologicheskoe vzaimodeystvie s iranskim mirom. Yazycheskaya reforma knyazya Vladimira [Paganism eastern Slavs on the eve of the Baptism of Russia: Religious and mythological interaction with the Iranian world. Pagan reform Prince Vladimir], Moscow: Indrik, 1999, 328 p. [in Russian].

Venelin 2011a - *Venelin Yu.I.* Drevnie i nyneshnie bolgare v politicheskom, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ikh otnoshenii k rossiyanam [Ancient and now Bulgaria politically narodopisnom, historical and religious their relation to the Russians], Venelin Yu.I. Istoki Rusi i slavyanstva [The origins of Russia and the Slavic], sost., predisl. i komment. P.V. Tulaev, red. O. A. Platonov, Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, 864 p. [in Russian].

Venelin 2011b - *Venelin Yu.I.* O proiskhozhdenii slavyan voobshche i rossov v osobennosti [On the origin of the Slavs in general and Russia in particular] // Venelin Yu.I. Istoki Rusi i slavyanstva, sost., predisl. i komment. P.V. Tulaev, red. O. A. Platonov, Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, 864 p. [in Russian].

Vernadskiy 2000 - *Vernadskiy G.V.* Istoriya Rossii. Drevnyaya Rus' [History of Russia. Ancient Russia.], Tver; Moscow: Lean; Agraf, 2000, 448 p. [in Russian].

Gavrilyuk 1995 - *Gavrilyuk N.A.* Skotovodstvo stepnoy Skifii [Cattle breeding steppe Scythia], Natsional'naya akademiya nauk, In-tut arkheologii, preprint, Kiev, 1995, 141 p. [in Russian].

Gerodot 2002 - *Gerodot.* Istoriya [History], perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo, Moscow: Ladomir, 2002, 740 p. [in Russian].

Gil'ferding 1853 - *Gil'ferding A.F.* O srodstve yazyka slavyanskogo s sanskritskim [About Slavic language affinity with the Sanskrit], St. Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1853, 161 p. [in Russian].

Gimbutas 2007 - *Gimbutas M.* Slavyane. Syny Peruna [Slavs. Sons of Perun], Moscow: Tsentrpoligraf, 2007, 216 p. [in Russian].

Drevnyaya kul'tura 1974 - *Drevnyaya kul'tura Moldavii* [The ancient culture of Moldova], red. V.S. Zelenchuk, Kishinev: Shtiintsa, 1974, 232 p. [in Russian].

Zabelin 1876 - *Zabelin I.E.* Istoriya russkoy zhizni s drevneyshikh vremen [The history of Russian life since ancient times], part 1, Moscow: Tipografiya Tipografiya Gracheva & Co, 1876, 647 p. [in Russian].

Zagoskin 1899 - *Zagoskin N.P.* Lektsii i issledovaniya po istorii russkogo prava, vol. 1, Vvedenie; I. Nauka istorii russkogo prava; II. Formatsiya naroda i gosudarstva [Lectures and research on the history of Russian law, vol. 1. Introduction; I. Science history of Russian law; II. The formation of the people and the state], Kazan: tipo-lit. Imp. un-ta, 1899, 512 p. [in Russian].

Zaliznyak 1962 - *Zaliznyak A.A.* Problemy slavyano-iranskikh yazykovykh ot-nosheniy drevneyshego perioda [Problems Slavic-Iranian language relations ancient period], Voprosy slavyanskogo yazykoznaniiya [Questions of Slavic linguistics], Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962, issue 6, pp. 28-45 [in Russian].

Ivanov 1988 - *Ivanov V.V.* Problemy izucheniya slavyano-iranskikh svyazey [Problems in the Study of Slavic-Iranian relations], Slavyane i ikh sosedi. Mes-to v zaimnykh vliyaniy v protsesse obshchestvennogo i kul'turnogo razvitiya. Epokha feodalizma (Sbornik tezisev), Moscow: Nauka, 1988, 74 p. [in Russian].

Ivanov 2008 - *Ivanov V.V.* Slavyano-ariyskie (= indoiranskije) leksicheskie kontakty [Slavic-Aryan (Indo-Iranian =) lexical contacts], Ivanov V.V. Trudy po etimologii indoevropeyskikh i drevneperedneaziatskikh yazykov, vol. 2: Indoevropeyskie i drevneseverokavkazskie (khattskie i khurritskie) etimologii, Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, 704 p. [in Russian].

Ilovayskiy 1876 - *Ilovayskiy D.I.* Razyskaniya o nachale Rusi [Researches on the beginning of Russia], Moscow: Tip. Gracheva & Co, 1876, 466 p. [in Russian].

Klassen 1999 - *Klassen E.I.* Novye materialy dlya drevneyshey istorii slavyan voobshche i slavyano-russov do ryurikovskogo vremeni, v osobennosti legkim ocherkom istorii russov do Rozhdestva Khristova [New materials for the ancient history of the Slavs in general and Slavic-Rus until the time of Rurik, especially light sketch of the history of the Rus before Christ], issue 1-3, 2-e izd., ispr., Moscow: Belye Al'vy, 1999, 320 p. [in Russian].

Komnina 1996 - *Komnina Anna.* Aleksjada [Alexiad], Per. s grech. Ya.N. Lyubarskogo, St. Peterburg: Aleteyya, 1996, 704 p. [in Russian].

Korolyuk 1985a - *Korolyuk V.D.* Osnovnye problemy formirovaniya kontakt-

noy zony v Yugo-Vostochnoy Evrope i bessinteznogo regiona v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope [Basic problems of forming a contact zone in South-Eastern Europe and the region without the synthesis in Eastern and Central Europe], Korolyuk V.D. Slavyane i vostochnye romantsy v epokhu rannego srednevekov'ya. Politicheskaya i etnicheskaya istoriya [Slavic and Vlachs in the early Middle Ages. Political and ethnic history], Moscow: Nauka, 1985, 240 p. [in Russian].

Korolyuk 1985b - *Korolyuk V.D.* Pastushestvo u slavyan I tysyacheletii n.e i peremeshchenie ikh v Podunav'e i na Balkany. Slavyane i volokhi [Pastoralism Slavs I millennium BC and move them to Danube and the Balkans. Slavs and Vlachs], Korolyuk V.D. Slavyane i vostochnye romantsy v epokhu rannego srednevekov'ya. Politicheskaya i etnicheskaya istoriya, Moscow: Nauka, 1985, 240 p. [in Russian].

Lappo-Danilevskiy 1887 - *Lappo-Danilevskiy A.S.* Skifskie drevnosti [Scythian antiquities], St. Petersburg: tip. F. Eleonskogo & Co, 1887, 193 p. [in Russian].

Latyshev 1948 - *Latyshev V.V.* Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze [The ancient writers about Scythia and Caucasus], Vestnik drevney istorii. Prilozhenie [Bulletin of ancient history. Application], 1948, Nr 2 (24), pp. 213-314 [in Russian].

Latyshev 1949 - *Latyshev V.V.* Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze [The ancient writers about Scythia and Caucasus], Vestnik drevney istorii. Prilozhenie [Bulletin of ancient history. Application], 1949, Nr 2 (28), pp. 269-356 [in Russian].

Lependina, Tsapkova et al. 2010 - *Lependina I.N., Tsapkova L.A., Balanovskaya E.V., Churnosov M.I.* Analiz gaplgrupp Y-khromosomy v vostochnoslavianskom genofonde [Gaplgrupp analysis Y-chromosome gene pool of East], Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya: Meditsina. Farmatsiya, 2010, Nr 16 (87), issue 11, pp. 50-56 [in Russian].

Litavrin 1972 - *Litavrin G.G.* Vlakhi vizantiyskikh istochnikov X-XIII vv. [Vlachs Byzantine sources X-XIII centuries] // Yugo-Vostochnaya Evropa v srednie veka [Southeast Europe in the Middle Ages], vol. 1, red. kol.: Ya.S. Grosul (red.), Kishinev: Shtiintsa, 1972, 376 p. [in Russian].

Lomonosov 1952 - *Lomonosov M.V.* Drevnyaya Rossiyskaya istoriya ot nachala rossiyskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo, ili do 1054 goda, sochinennaya Mikhaylom Lomonosovym, statskim sovetnikom, professorom khimii i chlenom Sankt-Peterburgskoy Imperatorskoy i Korolevskoy Shvedskoy Akademiy nauk [Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Prince Yaroslav the First or until 1054, composed by Mikhail Lomonosov, state councilor, professor of chemistry and a member of the St. Petersburg Imperial and Royal Swedish Academy of Sciences], Complete set of works, vol. 6, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952, 694 p. [in Russian].

Lyubavskiy 2002 - *Lyubavskiy M.K.* Lektsii po drevney russkoy istorii do kon-tsa XVI veka [Lectures on ancient Russian history before the end of the XVI century], 5-e izd., ster., St. Peterburg: Lan', 2002, 480 p. [in Russian].

Mavrodin 1978 - *Mavrodin V.V.* Proiskhozhdenie russkogo naroda [The origin of the Russian people], Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1978, 184 p. [in Russian].

Mayorov 2006 - *Mayorov A.V.* Velikaya Khorvatiya: etnogenez i rannaya istoriya slavyan Prikarpat'skogo regiona [Great Croatia: ethnogenesis and the early history of the Slavs in the Carpathian region], red. A.Yu. Dvornichenko, St. Peterburg: Izd-vo SPb. un-ta, 2006, 209 p. [in Russian].

Mishulin 1939 - *Mishulin A.V.* Drevnie slavyane i sud'by Vostochno-Rimskoy imperii [Ancient Slavs and the fate of the Eastern Roman Empire], Vestnik drevney istorii [Bulletin of ancient history], 1939, Nr 1 (6), pp. 290-304 [in Russian].

Mokhov 1961 - *Mokhov N.A.* Ocherki istorii moldavsko-russko-ukrainskikh svyazey (s drevneyshikh vremen do nachala XIX veka) [Essays on the history of the Moldovan-Russian-Ukrainian relations (from ancient times to the beginning of the XIX century)], Kishinev: Shtiintsa, 1961, 216 p. [in Russian].

Mokhov 1964 - *Mokhov N.A.* Moldaviya epokhi feodalizma (ot drevneyshikh vremen do nachala XIX veka) [Moldova feudal epoch (from ancient times to the beginning of the XIX century)], Kishinev: Kartya moldovenyaske, 1964, 440 p. [in Russian].

Mokhov 1978 - *Mokhov N.A.* Ocherki istorii formirovaniya moldavskogo naroda [Essays on the history of the formation of the Moldovan people], Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1978, 131 p. [in Russian].

Neykhardt 1982 - *Neykhardt A.A.* Skifskiy rasskaz Gerodota v otechestvennoy istoriografii [Scythian Herodotus in the national historiography], Leningrad: Nauka, 1982, 242 p. [in Russian].

Niderle 2001 - *Niderle L.* Slavyanskije drevnosti [Slavic Antiquities], 2-e izd., Moscow: Aleteyya, 2001, 592 p. [in Russian].

Pletneva 1958 - *Pletneva S.A.* Pechenegi, torki i polovtsy v yuzhnorusskikh stepyakh [Pechenegs, Cumans and Uzes in the southern Russian steppes], Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA) [Materials and research on the archeology of the USSR (MIA)], Nr 62, Moscow; Leningrad, 1958, pp. 151-226 [in Russian].

Pletneva 1990 - *Pletneva S.A.* Polovtsy [Cumans], Moscow: Nauka, 1990, 208 p. [in Russian].

Podosinov, Skrzhinskaya 2011 - *Podosinov A.V., Skrzhinskaya M.V.* Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponiy Mela i Pliniy Starshiy. Teksty. Perevod, kommentariy [Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Texts. Translation, commentary], Moscow: Indrik, 2011, 504 p. [in Russian].

PSRL 1 - Complete Collection of Russian Chronicles (hereinafter - PSRL), vol. I. Lavrent'evskaya letopis' po Suzdal'skomu i Akademicheskemu spisku [Laurentian Chronicle on Suzdal and academic list], Moscow: Izd-vo Vostochnoy literatury, 1962 [in Russian].

PSRL 2 - PSRL. Vol. II. Ipat'evskaya letopis' [Hypation Chronicle], St. Peterburg, 1908 [in Russian].

PSRL 3 - PSRL. Vol. XXXI. Mazurinskiy letopisets [Mazurinsky chronicler chronicles], Letopistsy posledney chetverti XVII v., Moscow: Nauka, 1968 [in Russian].

PSRL 4 - PSRL. Vol. XXXIII. Khronograficheskiy rasskaz o Slovene i Ruse i gorode Slovenske. Prilozhenie [Chronological story of Slovenia and the city of Rousse and Slovenian. Appendix], Kholmogorskaya letopis'. Leningrad: Nauka, 1977 [in Russian].

Rastorgueva, Edel'man 2000 - *Rastorgueva B.C., Edel'man D.I.* Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov [Etymological dictionary Iranian languages], vol. 1. Moscow: "Eastern Literature", 2000, 327 p. [in Russian].

Rafalovich 1972 - *Rafalovich I.A.* Slavyane VI-IX vv. v Moldavii [Slavs VI-IX centuries in Moldova], Kishinev: Shtiintsa, 1972, 244 p. [in Russian].

Rikman 1969 - *Rikman E.A.* O frakiyskikh elementakh v chernyakhovskoy kul'ture Dnestrovsko-Dunayskogo mezhdurech'ya [About Thracian culture elements in chernyakhivska Dniester and Danube interfluve], Drevnie fraikiysy v Severnom Prichernomor'e. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA) [Ancient Thracians in the northern Black Sea coast. Materials and research on the archeology of the USSR (MIA)], Nr 150, Moscow: Nauka, 1969, pp. 178-188 [in Russian].

Rikman, Rafalovich, Khyunku 1971 - Rikman E.A., Rafalovich I.A., Khyunku I.G. Ocherki istorii kul'tury Moldavii (II-XIV vv.) [Culture Studies in the History of Moldova (II-XIV c.)], Kishinev: Shtiintsa, 1971, 189 p. [in Russian].

Rikman 1975 - *Rikman E.A.* Etnicheskaya istoriya naseleniya Podnestrov'ya i prilegayushchego Podunav'ya v pervykh vekakh nashey ery [Ethnic history of the population of the adjacent Danube and Dniester in the first centuries of our era], Moscow: Nauka, 1975, 336 p. [in Russian].

Rybakov 1950 - *Rybakov B.A.* Ulichy (Istoriko-geograficheskie zametki) (Ulichy (Historical and geographical notes), Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury (KSIIMK) [Summary of the reports and field studies of the Institute of History of Material Culture (KSIIMK)], issue XXXV, Moscow; Leningrad, 1950, pp. 3-17 [in Russian].

Rybakov 1981 - *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism ancient Slavs], Moscow: Nauka, 1981, 608 p. [in Russian].

Rybakov 1987 - *Rybakov B.A.* Yazychestvo Drevney Rusi [Paganism of ancient Russia], Moscow: Nauka, 1987, 784 p. [in Russian].

Samokvasov 1899 - *Samokvasov D.Ya.* Istoriya russkogo prava [The history of Russian law], 2-e izd., ispr. i dop., Moscow: t-vo tip. A.I. Mamontova, 1899, 167 p. [in Russian].

Samokvasov 1908 - *Samokvasov D.Ya.* Kurs istorii russkogo prava [The course of history of Russian law], 3-e izd., ispr. i dop., Moscow: tip. Mosk. un-ta, 1908, 635 p. [in Russian].

Sedov 1979 - *Sedov V.V.* Proiskhozhdenie i rannyya istoriya slavyan [The origin and early history of the Slavs], Moscow: Nauka, 1979, 158 p.

Sedov 1982 - *Sedov V.V.* Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [Eastern Slavs in the VI-XIII centuries], Arkheologiya SSSR [Archeology of the USSR], vol. 14,

red. B.A. Rybakov, Moscow: Nauka, 1982, 327 p. [in Russian].

Sulimirskiy 2008 - *Sulimirskiy T.* Sarmaty. Drevniy narod yuga Rossii [Sarmatians. Ancient people of southern Russia], per. s angl. T.V. Kitainoy, Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2008, 191p. [in Russian].

Strizhak 1988 - *Strizhak O.S.* Etnonimiya Gerodotovoï Skifiï [Ethnonym Scythians of Herodotus], Kiiïv: Naukova Dumka, 1988, 224 p. [in Ukrainian].

Syuzumov, Ivanov 1988 - *Syuzumov M.Ya., Ivanov S.A.* Kommentariy, Lev Diakon. Istoriya [Comment, Leo the Deacon. History], Moscow: Nauka, 1988, 242 p. [in Russian].

Tatsit 2001 - *Tatsit Publii Korneliy.* Malye proizvedeniya. O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii, Tatsit Publii Korneliy. Annaly. Malye proizvedeniya. Istoriya [Publius Cornelius Tacitus. Small works. On the origin of the Germans and the location of Germany, Publius Cornelius Tacitus. Annals. Small works. History], Moscow: AST, Lodomir, 2001, 986 p. [in Russian].

Tel'nov 2001-2002 - *Tel'nov N.P.* Vostochnoslavyanskije drevnosti Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ya VIII-X vv. [East Slavic ancient Dniester and Prut interfluve VIII-X centuries], Stratum Plus, St. Peterubrg - Kishinev - Odessa - Bukharest, 2001-2002, Nr 5, pp. 142-263 [in Russian].

Tel'nov, Stepanov et al. 2002 - *Tel'nov N.P., Stepanov V.P., Russev N.D., Rabinovich R.A.* "I... razoshlis' slavyane po zemle" ["And ... the Slavs went on the ground"], Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 2002, 240 p. [in Russian].

Tikhanova 1957 - *Tikhanova M.A.* O lokal'nykh variantakh chernyakhovskoy kul'tury [Local versions chernyakhov culture], Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 195, Nr 4, pp. 168-194 [in Russian].

Tolochko - *Tolochko P.P.* Drevnerusskaya narodnost': voobrazhaemaya ili real'naya [Old Russian Nationality: Imaginary or real], St. Peterubrg: Aleteyya, 2005, 218 p. [in Russian].

Tret'yakov 1953 - *Tret'yakov P.N.* Vostochnoslavyanskije plemena [East Slavic tribes], Moscow: Izd-vo: AN SSSR, 1953, 313 p. [in Russian].

Trubachev 1978 - *Trubachev O.N.* Nekotorye dannye ob indoariyskom yazykovom substrate Severnogo Kavkaza v antichnoe vremya [Some data on the Indo-Aryan linguistic substratum of the North Caucasus in ancient times], Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History], 1978, Nr 4, pp. 34-43 [in Russian].

Trubachev 1999 - *Trubachev O.N.* Indoarica v Severnom Prichernomor'e [Indoarica in the northern Black Sea coast], Moscow: Nauka, 1999, 320 p. [in Russian].

Trubachev 2003 - *Trubachev O.N.* Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya [Ethnogenesis and culture of ancient Slavs: linguistic research], izd. 2-e, dop., Moscow: Nauka, 2003, 489 p. [in Russian].

Trubetskoy 2010 - *Trubetskoy N.S.* Verkhi i nizy russkoy kul'tury (Etnicheskaya osnova russkoy kul'tury) [Upper and lower strata of Russian culture (ethnic basis of Russian culture)], Trubetskoy N.S. Izbrannoe, sost., vstup. st., komment. O.V. Volobuev, A.Yu. Morozov, Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, 616 p. [in Russian].

Udal'tsov 1946 - *Udal'tsov A.D.* Plemena Evropeyskoy Sarmatii II v. n.e. [Tribes in the European Sarmatia II BC], Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography], 1946, Nr 2, pp. 41–50 [in Russian].

Udal'tsov 1949 - *Udal'tsov A.D.* Problema proiskhozhdeniya slavyan v svete sovremennoy arkheologii [The origin of the Slavs in the light of modern archeology], Voprosy istorii [Questions of history], 1949, Nr 2, pp. 14-25 [in Russian].

Fasmer 1987 - *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian language], in 4 Vols, izd. 2-e, ster., vol. IV (T - Yashchur), Moscow: Progress, 198, 864 p. [in Russian].

Fedorov 1958 - *Fedorov G.B.* O dvukh obryadakh pogrebeniya v chernyakhovskoy kul'ture (Po pamyatnikam Moldavii) [About two burial rites chernyakhovsk culture (the monuments of Moldavia)], Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 1958, Nr 3, pp. 234-243 [in Russian].

Fedorov 1960 - *Fedorov B.G.* Naselenie Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya v I tysyacheletii n.e. [Population between Prut and Nistru in the I millennium BC], Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA) [Materials and research on the archeology of the USSR (MIA)], Nr 89, Moscow: Nauka, 1960, 378 p. [in Russian].

Fedorov, Polevoy 1973 - *Fedorov G.B., Polevoy L.L.* Arkheologiya Rumynii [Archaeology Romania], Moscow: Nauka 1973, 416 p. [in Russian].

Fedorov 1999 - *Fedorov G.B.* Etnogenez volokhov, predkov moldavan, po dannym arkheologii (istoriograficheskiy aspekt) [Ethnogenesis Vlach, ancestors of Moldovans, according to Archaeology (historiography aspect)], Stratum plus, St. Peterubrg - Kishinev - Odessa - Bukharest, 1999, Nr 5, pp. 14-74 [in Russian].

Fedorov, Chebotarenko 1974 - *Fedorov G.B., Chebotarenko G.F.* Pamyatniki drevnikh slavyan [Monuments of ancient Slavs], Arkheologicheskaya karta Moldavskoy SSR (AKM) [Archaeological Map of the Moldavian SSR (AKM)], issue 6, Kishinev: Shtiintsa, 1974, 134 p. [in Russian].

Feofilakt 1957 - *Feofilakt Simokatta.* Istoriya [Theophylact Simocatta. History], Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957, 224 p. [in Russian].

Filin 1962 - *Filin F.P.* Obrazovanie yazyka vostochnykh slavyan [Education language of the eastern Slavs], Moscow; Leningrad: Izdanie Akademii nauk SSSR, 1962, 296 p. [in Russian].

Chebotarenko 1979 - *Chebotarenko G.F.* K voprosu ob etnicheskoy prinaadlezhnosti balkano-dunayskoy kul'tury v yuzhnoy chasti Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya [On the issue of ethnicity Balkan-Danube culture in southern between Prut and Nistru], Etnicheskaya istoriya vostochnykh romantsev, Moscow, 1979, pp. 86-105 [in Russian].

Chebotarenko 1982 - *Chebotarenko G.F.* Naselenie tsentral'noy chasti dnestrovskogo mezhdurech'ya v X-XII vv. [The population of the central part of the Dniester in X-XII centuries], Kishinev: Shtiintsa, 1982, 76 p. [in Russian].

Yurasov 2007 - *Yurasov M.* Vliyaniye poiskov vengrami novoy rodiny na osvoeniye vostochnymi slavyanami mezhdurech'ya Dnestra i Pruta [Effect searches Hungarians new homeland for the development of the Eastern Slavs between

the Dniester and Prut], International historical journal Rusin, ed. S.G. Sulyak, Kishinev, 2007, Nr 2 (8), pp. 20-25 [in Russian].

Edel'man 2002 - *Edel'man D.I.* Iranskie i slavyanskije yazyki: istoricheskie otnosheniya [Iranian and Slavic languages: the historical relationship], Moscow: Eastern Literature, 2002, 234 p. [in Russian].

Etimologicheskij slovar' 1975 - *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological dictionary of Slavic languages], red. O.N. Trubacheva, vol. 2, Moscow: Nauka, 1975, 238 p. [in Russian].

Yanko 1998 - *Yanko M.T.* Toponimichnij slovník Ukraїni [Toponymic dictionary Ukraine], Kyiv: Znannya, 1998, 432 p. [in Ukrainian].

Balanovsky, Rootsi et al. 2008 - *Balanovsky O., Rootsi S., Pshenichnov A. et al.* Two Sources of the Russian Patrilineal Heritage in Their Eurasian Context, The American Journal of Human Genetics, vol. 82, issue 1, 10 January 2008, pp. 236–250.

Pliny the Elder 1961 - *Pliny the Elder*. Natural History, in 10, vol., with an English translation by H. Rackham, vol. II, libri III-VII, first printed 1942, reprinted 1961, Cambridge, MA: Harvard University Press, 692 p.

Sharma, Rai et al 2009 - *Sharma S., Rai E., Sharma P. et al.* The Indian origin of paternal haplogroup R1a1 substantiates the autochthonous origin of Brahmins and the caste system, Journal of Human Genetics, Nr 54, 2009, pp. 47-55.

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

Sulyak Sergey - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria, Chief Editor of the International Historical Journal "Rusin", President of the Association "Rus'" (Republic of Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 930(477.87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/13

И.Г. КОЛОМИЕЦ (1903-1962) – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ЗАКАРПАТЬЯ*

Б.С. Жигалов¹, С.Ф. Фоминых²

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: jigalov.boris@yandex.ru

²E-mail: fsf@mail2000.ru

SPIN-код: 5503-6769

Авторское резюме

В статье проанализированы работы советского историка, участника Великой Отечественной войны И.Г. Коломийца (1903-1962), посвященные истории Закарпатья второй половины XIX в. Написанные с позиций марксистско-ленинской идеологии, они тем не менее содержат значительный фактический материал по истории социально-экономического развития региона, общественного движения. Эти работы важны для осмысления сущности исторических процессов, происходивших в Закарпатье. Значительное место в них уделяется и русинам. Ученый предпринял попытку обосновать связи между Закарпатьем и украинскими землями. Работы И.Г. Коломийца не потеряли своего научного значения и в наши дни. Ни один исследователь, занимающийся историей Закарпатья второй половины XIX в., не может пройти мимо их.

Ключевые слова: И.Г. Коломиец, Закарпатье, русины, XIX в., социально-экономическое развитие, общественное движение.

I.G. Kolomyiys (1903-1962) – the researcher of history of Transcarpathia

B.S. Zhigalov¹, S.F. Fominyh²

Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: jigalov.boris@yandex.ru²E-mail: fsf@mail2000.ru

Abstract

The article analyzes the works of the Soviet historian I.G. Kolomiys (1903-1962), participant of the Great Patriotic War of 1941-1945, devoted to the history of Transcarpathia of the second half of the XIX century. Written from the standpoint of Marxist-Leninist ideology, they nevertheless contain significant factual material on the history of socio-economic development of the region, the social movement. They are of interest now for comprehending the essence of the historical processes that had occurred in Transcarpathia. Significant part of his work is about Ruthenians. The works of I.G. Kolomiys did not lose their scientific importance nowadays. Neither researcher working on the history of Transcarpathia of the second half of the XIX century, can not ignore them.

Keywords: I.G. Kolomiys, Transcarpathia, Ruthenians, the XIX century, the socio-economic development, the social movement.

Иван Гаврилович Коломиец родился 17 (30) июня 1903 г. в селе Голенки Покровской волости Приморской области. Его родители, Гаврил Федотович и Евгения Исидоровна, были крестьянами, переехавшими на Дальний Восток с Украины. В юношеском возрасте Коломиец вместе с родителями занимался сельским хозяйством, в 1922-1923 гг. работал грузчиком на станции Голенки Уссурийской железной дороги. В 1925-1929 гг. служил в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии. После службы некоторое время был на профсоюзной работе в Днепропетровской области.

В 1935 г. И.Г. Коломиец окончил исторический факультет Днепропетровского государственного университета, затем обучался в аспирантуре. С октября 1939 по 12 августа 1941 г. был старшим преподавателем Днепропетровского горного института и по совместительству преподавал историю на учительских курсах.

28 марта 1941 г. в заседании Ученого совета Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского защитил диссертацию «Крестьянская реформа 1861 г. на Екатеринославщине» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В августе 1941 г. Коломиец записался в народное ополчение Октябрьского района г. Днепропетровска. Всю войну находился в действующей армии. Закончил ее в Берлине в составе 28-й армии 1-го Украинского фронта в звании майора, был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и четырьмя медалями. За отличные боевые заслуги неоднократно удостоивался благодарностей Верховного Главнокомандующего. В служебном отзыве о нем записано: «В трудных условиях боевой обстановки тов. Коломиец И.Г. всегда являлся примером мужества и решительности, служил образцом беззаветного служения нашей Родине» (Коломиец: 1-2).

С 1 июня 1946 г. он работал директором Ужгородского республиканского историко-краеведческого музея, а с 1 сентября того же года - и.о. заведующего кафедрой всеобщей истории Ужгородского государственного университета. В 1948 г. ВАК Министерства высшего образования СССР утвердил И.Г. Коломийца в ученом звании доцента.

С октября 1948 г. и до конца жизни он трудился на историко-филологическом факультете Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Вначале был доцентом кафедры древней и средневековой истории, в 1954-1959 гг. стал заведующим кафедрой всеобщей истории, затем - доцентом той же кафедры. Читал курсы «История южных и западных славян», «История Древнего Востока», ряд спецкурсов, осуществлял научное руководство при написании дипломных работ. Как лектору ему была присуща своеобразная манера чтения - неторопливая, негромкая. Голосом он фиксировал наиболее важные даты и имена, при этом смотрел поверх голов слушателей куда-то вдаль. С виду суровый Иван Гаврилович был мягким, отзывчивым человеком (Жигалов 2008: 226-227).

Умер Иван Гаврилович 24 сентября 1962 г. в г. Томске и был похоронен на Южном кладбище.

В силу особенностей исторической судьбы Закарпатья ее изучали во многих странах Центральной и Восточной Европы, России и СССР. Продолжают заниматься изучением различных аспектов этой многогранной темы и в настоящее время (Досталь 2007: 97-105). Заметным вкладом стали и работы томского историка, получившие признание не только в СССР, но и в странах Восточной Европы.

Еще работая в Ужгороде, И.Г. Коломиец собрал значительный документальный материал по истории Закарпатья и опубликовал (в том числе и в соавторстве) ряд статей в газете «Закарпатская Украина» (Коломиец. Из истории; Что такое «Общество»; Что такое «Просвита»; Эпигоны).

Переехав в Томск, ученый продолжил работу над этой многогранной и сложной темой. В 1953 г. в печать вышла первая часть задуманной им монографии «Очерки по истории Закарпатья. Борьба крестьянства Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV - XVIII вв.» (Коломиец 1953). Эта книга в 1955 г. была переиздана в Словакии. Вторая часть его очерков увидела свет в 1959 г. (Коломиец 1959).

Венцом кропотливого труда ученого стала двухтомная монография «Социально-экономические отношения и общественные движения в Закарпатье во второй половине XIX столетия» (Коломиец 1961a, 1961b) общим объемом более 1 тыс. страниц. Эта монография предполагалась к защите в качестве докторской диссертации. Однако тяжелая болезнь не позволила И.Г. Коломийцу осуществить это.

Фундаментальный труд содержит обширный раздел, характеризующий источниковедческую базу исследования и историографию проблемы в том виде, в каком она сложилась к концу 1950-х гг. (Коломиец 1961b: 524-615).

Объем изученного исследователем материала огромен. Это, прежде всего, материалы Архива внешней политики России (4 фонда, главным образом донесения русского консульства в Будапеште), Государственного архива Закарпатской области (24 фонда), Мукачевского филиала Государственного архива Закарпатской области (2 фонда), а также официальные публикации, публицистика и периодика второй половины XIX в. на русском, украинском, венгерском, немецком и словацком языках.

Ученым была выявлена и изучена практически почти вся имевшаяся к концу 1950-х гг. научная литература по истории Закарпатья этого периода. Поэтому с полным основанием сотрудник Института славяноведения РАН А.И. Пушкаш (1923-2008) в своей последней монографии по истории Закарпатья (2006) дал высокую оценку историографическому обзору И.Г. Коломийца, сделанному почти полвека назад (Пушкаш: 2006 9-10).

Хронологические рамки исследования Коломийца охватывают период от революции 1848 - 1849 гг., когда в Австрийской империи была отменена крепостная зависимость, до конца XIX в. (Отметим, что в своей работе автор исходил из господствовавшей в то время

в СССР марксистско-ленинской идеологии. Иного и быть не могло.)

Известно, что территория Центральной Европы к югу от Карпат была тем регионом, где на протяжении веков сталкивались народы, языки, культуры, религии, менялись политический строй и государственная принадлежность этой территории: Венгерское королевство, империя Габсбургов, Чехословацкая республика, Советская Украина, современное государство Украина. Население этого края венгры со времен средневековья называли рутенами, а само себя оно именовало русинами. Это славянский народ, оказавшийся изолированным в пределах иностранного государства, вне регионов формирования русской, украинской и белорусской наций (Пушкаш 2006: 7).

Исходя из того, что в период Габсбургской монархии Закарпатье входило в состав земель венгерской короны, И.Г. Коломиец рассматривает историю края в органичной связи с историей Венгрии. К концу XIX в. территория закарпатских комитатов составляла около 18 тыс. кв. км с населением около 750 тыс. чел. Этнический состав населения, по официальным данным (по мнению автора, неточным), был следующим: русинов - 57 % (425 тыс. чел.), венгров - 26 %, евреев - 15 % (Коломиец 1961а : 17).

Основной сферой занятий населения Закарпатья было сельское хозяйство. Исследователь на богатом фактическом материале показывает ее эволюцию во второй половине XIX в.: использование наемного труда, арендно-поземельные отношения, развитие ростовщичества. Все это автор определяет как «прусский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве. К концу XIX в. край оставался «самой отсталой в экономическом отношении областью Австро-Венгрии» (Коломиец 1961b: 4). Итогом была пауперизация крестьянства и трудовая эмиграция.

За 30 лет (с 1871 по 1900 г.) из Венгрии эмигрировало свыше 450 тыс. чел., в т. ч. из Закарпатья - свыше 90 тыс. (Коломиец 1961а: 339, 344)

Тяжелое материальное положение населения Закарпатья стало достоянием европейского общественности. Это привело к тому, что в январе 1897 г. правительство Венгрии провело специальное совещание «О способах восстановления и поддержания духовной и материальной жизни русских в северо-восточных Карпатах». Премьер-министр Венгрии в 1899-1903 гг. Кальман Сель говорил: «Необходимо завоевать симпатии немадьярского населения справедливостью» (Из донесения русского генконсула в Будапеште А.Н. Львова) (Коломиец 1961а: 366).

Больше всего в Будапеште опасались «панславизма», упования русинов на помощь России. Поэтому в конце 1890-х гг. правитель-

ство Венгрии осуществило так называемую «Верховинскую акцию» для улучшения материального положения населения Закарпатья. Однако каких-либо существенных последствий она не имела, и область продолжала оставаться аграрно-сырьевым придатком Австро-Венгрии.

И.Г. Коломиец подробно, с привлечением богатого статистического материала характеризует промышленное развитие региона, которое шло очень медленно. Он рассматривает появление небольших предприятий в соляной и горнорудной промышленности, разработку нерудных ископаемых: гранита, мрамора, каолина.

В 1872 г. была построена первая железная дорога Чоп-Ужгород, а к началу XX в. железнодорожная сеть Закарпатья составляла уже около 500 км путей. Определенное развитие получила мелкая кустарная промышленность в деревне.

Слабое развитие промышленности обусловило малочисленность рабочего класса в регионе. В конце XIX в. в основных отраслях фабрично-заводской промышленности было занято около 7 тыс. чел. (Коломиец 1961b: 51). В целом же колониальное положение и феодальные пережитки в деревне задерживали развитие капитализма в Закарпатье.

Большое внимание в своей монографии И.Г. Коломиец уделял духовной сфере - проблеме языка и роли униатской церкви. В 1868 г. в Венгрии был принят закон «О национальностях», который декларировал, что в стране существует венгерская политическая единая нация. Государственным языком объявлялся мадьярский. Началась насильственная мадьяризация всего и вся.

Здесь необходимо остановиться на проблеме этнической принадлежности населения Закарпатья. После 1945 г. эта территория вошла в состав Украинской ССР. Официально жители области стали именоваться закарпатскими украинцами. По политическим соображениям Коломиец иногда применяет это название. Но чаще в своих работах он использует либо официальный в Австро-Венгрии термин «угрорусы», либо самоназвание жителей Закарпатья – русины. Они всегда отделяли себя от жителей соседней Галиции - украинцев. Генконсул России в Будапеште А.Н. Львов писал в одном из своих донесений: «Из славян, населяющих Венгрию, всего ближе нам угрорусы, родные братья наши по крови и языку и в известной части - по вере» (Коломиец 1961b: 174).

Чем хуже становились австро-русские отношения, тем ожесточеннее делались нападки на русинов за их «москальство», за использование ими русского языка, за издание русских книг. Журнал «Славянский век» констатировал: «В каждой русской букве видят

что-то вроде взрывчатого вещества, могущего поколебать основы Австро-Венгерского государства» (Вергун: 308).

Искоренить родной язык русинов старались, в частности, попытками заменить кириллицу латинским алфавитом, стремлением навязать народу искусственный, так называемый «угрорусский» («рутенский») язык, основанный на церковнославянском, мадьярском и местных диалектах. Проводилась кампания по замене русинских фамилий на венгерские.

И.Г. Коломиец подробно пишет о положении школ в Закарпатье, о политике властей, направленной на мадьяризацию детей с самого раннего возраста. В конце XIX в. школы в крае посещало лишь 51,7 % детей невенгерских национальностей. Главная причина этого - нищета основной массы населения, отсутствие у детей одежды и обуви, необходимость работать в хозяйстве. Многие крестьяне не хотели отдавать детей в мадьярские школы, поскольку не видели в этом практической пользы. По тогдашним законам немадьярский ребенок, окончивший 4-классную школу, должен был «вразумительно выразить свои мысли на мадьярском языке устно и письменно» (Коломиец 1961b: 233, 237).

Бедственное положение просвещения и культуры в Закарпатье было обусловлено и тем, что в конце XIX в. там насчитывалось всего 4 200 лиц умственного труда (чиновники, священники, учителя), что составляло 0,6 % всего населения края.

В конечном счете, политика мадьяризации населения в Закарпатье, проводившаяся властями и униатской церковью, успеха не имела. С 1880 по 1900 г. число русинов, владевших мадьярским языком, выросло с 5,5 до 7,3 % (Коломиец 1961a: 179). Как отмечал один из современников, «венгерские русины упорнее сохраняют свою этнографическую особенность, нежели другие немадьярские национальности Венгрии» (Коломиец 1961b: 180).

Венгерские власти в своей политике в Закарпатье опирались на поддержку униатской церкви. Возникшая в 1649 г., она представляла собой некий симбиоз католических догматов и обрядовости восточной греческой церкви. Власти Будапешта и епископат униатской церкви выступали за усиление католического начала в деятельности церковных организаций, а миряне и низшее духовенство - против превращения русинов в «папешников». Процесс окатоличивания русинов протекал очень медленно. Один из современников отмечал в 1883 г. своеобразие этого противоборства: малограмотные крестьяне равнодушно относились к тому, что говорил священник, но очень болезненно ко всякому нарушению обрядовости службы, идущей от православия: «Горе тому священнику, который захотел

бы ввести в православный обряд какие-нибудь новшества, он немедленно теряет доверие своих прихожан» (Коломиец 1961b: 221).

В итоге папская курия была вынуждена пойти на уступки в отношении сохранения восточнохристианского обряда: уже в 30-е гг. XX в. Ватикан официально высказался за сохранение в силе восточного обряда в униатских епархиях Закарпаття и Западной Украины (Коломиец 1961b: 287).

Завершая раздел о религиозной ситуации в Закарпатье, ученый пишет, что лишь к началу XX в. новая генерация священников униатской церкви, воспитанных в иезуитско-папистском духе, стала активной действующей силой в планах Габсбургов и Ватикана в Закарпатье, а «униатская церковь становится в полную зависимость от римско-католической церкви и превращается в русинский филиал римской "конгрегации пропаганды веры"» (Коломиец 1961b: 279).

Значительную часть монографии И.Г. Коломийца занимает раздел о борьбе против социального и национального гнета в Закарпатье. Заметим, что эта тема остается актуальной и в настоящее время (Досталь: 97-105). У этой борьбы были свои особенности, связанные с аграрным характером региона и его колониальным положением в системе Габсбургской империи. Рабочее и социал-демократическое движение было слабым. Каких-либо массовых выступлений в эти годы в крае не происходило: имели место лишь локальные забастовки и крестьянские волнения. Исследователь пишет, что особенности национального движения в Закарпатье «определялись аграрным характером движения, сочетавшегося с требованиями гражданского равноправия, свободного национально-культурного развития и автономии в церковно-религиозных делах» (Коломиец 1961b: 423-424).

Своеобразным общественным движением в Закарпатье была деятельность так называемых «будителей», о которых Коломиец писал весьма обстоятельно. Они активно занимались культурно-просветительной деятельностью, издавали книги и календари на русском языке, способствовали открытию библиотек и читален. Наиболее известным из «будителей» был А.И. Добрянский-Сачуров (1817-1901) (Юрасов: 78-90). Он служил чиновником, избирался депутатом венгерского парламента. Политические взгляды его были весьма консервативны. Достаточно сказать, что Добрянский был лично знаком с К.П. Победоносцевым и вел переписку с ним. Главным в его подходе к проблемам Закарпаття был тезис: русины - «это русский народ, живущий в Австрии» (Коломиец 1961b: 451).

Разработанная А.И. Добрянским программа развития Закарпаття предусматривала следующее:

- 1) создание автономной области «Воеводство Рутения» со своим «конгрессом» и администрацией из русинов;
- 2) предоставление русинам определенного количества мест в высших государственных учреждениях Венгрии (исходя из их процентной доли в общем составе населения страны);
- 3) учреждение самостоятельного «русского» архиепископства с выборностью высших духовных лиц по правилам восточнохристианской церкви;
- 4) обеспечение развития национальной культуры, преподавание в школах на родном языке и признание равноправия русского языка (Коломиец 1961b: 441).

Другим известным «будителем» был А.В. Духнович (1803-1865). Его литературное наследие значительно: он выступал как поэт, прозаик, драматург, публицист. Духнович был известен и как автор и издатель учебников и календарей на русском языке. Его называли «отцом русской школы и русской литературы» в Закарпатье (Алмаший: 17-19).

И.Г. Коломиец писал и о других представителях «будительского» движения - М.И. Раковском (1815-1855), А.П. Павловиче (1819-1900) и др. По его мнению, «будительство - это сложное и противоречивое общественное движение», слабость которого заключалась в игнорировании аграрного вопроса, отказе от революционных методов борьбы, реакционно-монархических воззрениях, отрицании существования украинской нации и украинского языка. Положительными моментами деятельности «будителей» ученый считал защиту национальных прав русинов, распространение грамотности и культуры, призывы к воссоединению русинов с русским народом.

Коломиец полагал, что «закарпатское "будительство" к концу XIX - началу XX в. исчерпало себя как идеологическое течение» (Коломиец 1959: 244). С этим утверждением можно соглашаться или не соглашаться, как и с некоторыми другими его формулировками. Поскольку труды исследователя несут на себе отпечаток своего времени, некоторые его выводы и характеристики действующих лиц могут вызвать у современного читателя определенные сомнения. Но в целом добротный подобранный и репрезентативный фактический материал дал ученому возможность сделать выводы, которые не могут быть оспорены. Поэтому можно констатировать, что его работы не потеряли своего научного значения и в наши дни. Ни один исследователь, занимающийся историей Закарпатья второй половины XIX в., не может пройти мимо его трудов.

*Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

ЛИТЕРАТУРА

Алмаший 2006 - *Алмаший М.* Национальное кредо А. Духновича: «Я русин был, есмь и буду» // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2006. № 1. С. 17-19.

Вергун 1901 - *Вергун Д.Н.* Подъяремная Русь и славянство на пороге XX «славянского» века: Лекция Д.Н. Вергуна, читанная в славянских обществах в Киеве, Петербурге и в Историческом музее в Москве // Славянский век. 1901. № 35-36. С. 305-311.

Досталь 2007 - *Досталь М.* Русинское национальное движение и его отражение в современной историографии // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2007. № 3. С. 97-105.

Жигалов 2008 - *Жигалов Б.С.* Иван Гаврилович Коломиец (страничка воспоминаний) // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / Сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов / Под ред. В.П. Зиновьева, С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 226-227.

Коломиец - *Коломиец И.Г.* Автобиография // Архив Музея истории Томского государственного университета. Дело И.Г. Коломийца. Л. 1-2.

Коломиец 1946 - *Коломиец И.Г.* Из истории земельных отношений в Закарпатье // Закарпатская Украина. 1946. 21-23 августа.

Коломиец 1953 - *Коломиец И.Г.* Очерки по истории Закарпатья. Борьба крестьян Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV-XVIII вв. // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева, 1953. Т. 121. С. 39-164.

Коломиец 1959 - *Коломиец И.Г.* Очерки по истории Закарпатья. Борьба крестьян Закарпатья против феодального гнета и католического порабощения в XV-XVIII вв. Ч. 2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1959. 243 с.

Коломиец 1961a - *Коломиец И.Г.* Социально-экономические отношения и общественные движения в Закарпатье во второй половине XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1961. Т. 1. 403 с.

Коломиец 1961b - *Коломиец И.Г.* Социально-экономические отношения и общественные движения в Закарпатье во второй половине XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1961. Т. 2. 677 с.

Коломиец 1948a - *Коломиец И.Г.* Что такое «Общество им. А. Духновича» // Закарпатская Украина. 1948. 9 мая.

Коломиец 1948b - *Коломиец И.Г.* Что такое «Просвіта» // Закарпатская Украина. 1948. 16 мая.

Коломиец 1948c - *Коломиец И.Г., Фурманов С.* Эпигоны Грушевского и его «школа» // Закарпатская Украина, 1948. 4, 10, 29 февраля, 24 марта.

Пушкаш 2006 - *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918-1945. М.: Изд-во «Европа», 2006. 564 с.

Юрасов 2012 - *Юрасов М. А.И.* Добрянский как историк // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2012. № 3 (29). С. 78-90.

References

Almashij 2006 - *Almashij M.* Nacional'noe kredo A. Duhnovicha: "Ja rusin byl, esm' i budu" ["I was Rusyn, am and will be"], Rusin. International historical magazine [Kishinev], red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2006, Nr 1, pp. 17-19 [in Russian].

Vergun 1901 - *Vergun D.N.* Podjaremnaja Rus' i slavianstvo na poroge XX "slavjanskogo" veka: Lekcija D.N. Verguna, chitannaja v slavjanskij obshhestvah v Kieve, Peterburge i v Istoricheskom muzee v Moskve [Ass Russia and the Slavs on the verge of XX "Slavic" Century], Slavjanskij vek, 1901, Nr 35-36, pp. 305-311 [in Russian].

Dostal' 2007 - *Dostal' M.* Rusinskoe nacional'noe dvizhenie i ego otrazhenie v sovremennoj istoriografii [Ruthenian national movement and its reflection in modern historiography], Rusin. International historical magazine [Kishinev], red. S.G. Sulyak, Nr 3, pp. 97-105 [in Russian].

Zhigalov 2008 - *Zhigalov B.S.* Ivan Gavrilovich Kolomiec (stranichka vospominanij) [I.G. Kolomiets (The Pages of memories)], Istoricheskomu obrazovaniju v Sibiri 90 let: istoricheskij fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominanijah i dokumentah / Sost. D.V. Haminov, S.A. Nekrylov / Pod red. V.P. Zinov'eva, S.F. Fominyh. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 2008, pp. 226-227 [in Russian].

Kolomiec - *Kolomiec I.G.* Avtobiografija [The autobiography], Arhiv Muzeja istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Delo I.G. Kolmijca, pp. 1-2 [in Russian].

Kolomiec 1946 - *Kolomiec I.G.* Iz istorii zemel'nyh odnoszenij v Zakarpat'e [From the history of land relations in Transcarpathia], Zakarpatskaja Ukraina, 1946, 21-23 avgusta [in Russian].

Kolomiec 1953 - *Kolomiec I.G.* Ocherki po istorii Zakarpat'ja. Bor'ba krest'jan Zakarpat'ja protiv feodal'nogo gneta i katolicheskogo poraboshhenija v XV-XVIII vv. [Essays on the history of Transcarpathia. Struggle of the peasants against feudal oppression Transcarpathia and Catholic enslavement in XV-XVIII centuries], Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kujbysheva, 1953, t. 121, pp. 39-164 [in Russian].

Kolomiec 1959 - *Kolomiec I.G.* Ocherki po istorii Zakarpat'ja. Bor'ba krest'jan Zakarpat'ja protiv feodal'nogo gneta i katolicheskogo poraboshhenija v XV-XVIII vv. [The Essays on the history of Transcarpathia. The Struggle of the peasants against feudal oppression Transcarpathia and Catholic enslavement in XV-XVIII centuries], ch. 2, Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 1959, 243 p. [in Russian].

Kolomiec 1961a - *Kolomiec I.G.* Social'no-jekonomicheskie otnoshenija i obshhestvennye dvizhenija v Zakarpat'e vo vtoroj polovine XIX v. [The Socio-economic relations and social movements in the Carpathians in the second half of the XIX century], Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 1961, t. 1, 403 p. [in Russian].

Kolomiec 1961b - *Kolomiec I.G.* Social'no-jekonomicheskie otnoshenija i obshhestvennye dvizhenija v Zakarpat'e vo vtoroj polovine XIX v. [The Socio-economic relations and social movements in the Carpathians in the second half of the XIX century], Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 1961, t. 2, 677 p. [in Russian].

Kolomiec 1948a - *Kolomiec I.G.* Chto takoe "Obshhestvo im. A. Duhnovicha" [What is the "Society them. A. Duhnovich"], Zakarpatskaja Ukraina, 1948, 9 maja [in Russian].

Kolomiec 1948b - *Kolomiec I.G.* Chto takoe "Prosvita" [What is a "Prosvita"], Zakarpatskaja Ukraina, 1948, 16 maja [in Russian].

Kolomiec 1948c - *Kolomiec I.G., Furmanov S.* Jepigony Grushevskogo i ego "shkola" [Epigones Hrushevskoho and his "school"], Zakarpatskaja Ukraina, 1948, 4, 10, 29 fevralya, 24 marta [in Russian].

Pushkash 2006 - *Pushkash A.* Civilizacija ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918-1945 [The Civilization or Barbarism: Transcarpathia 1918-1945], Moscow, Izd-vo "Evropa", 2006, 564 p. [in Russian].

Jurasov 2012 - *Jurasov M.A.* I. Dobrjanskij kak istorik [AI Dobriansky historian], Rusin. International historical magazine [Kishinev], red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2012, Nr 3 (29), pp. 78-90 [in Russian].

Жигалов Борис Степанович - кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Zhigalov Boris - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: vpz@tsu.ru

Фоминых Сергей Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Fominykh Sergey - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of department of Contemporary Russian History of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: fsf@mail2000.ru

УДК 811.16.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/14

РУСИНСКО-РУССКИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ

В.Г. Наумов

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: nauval@sibmail.com

SPIN-код: 5503-6769

Авторское резюме

В статье рассматриваются принципы отбора и оформления материала для русинско-русского словаря межъязыковых формально-семантических соответствий. Проект предполагает создание дифференциального словаря учебного типа. Дается характеристика понятий «межъязыковая омонимия», «межъязыковая паронимия», «межъязыковая синонимия», «ложные друзья переводчика» и некоторых других, так или иначе представляющих идею формально-смыслового межъязыкового взаимодействия. Предлагаемое в работе понятие «межъязыковые формально-семантические соответствия» характеризует любые формально (фонетически и/или графически) схожие межъязыковые лексические единицы, имеющие разную степень семантической близости.

Представлена структура словарной статьи, отмечены основные типы русинско-русского формально-семантического взаимодействия лексических единиц, включаемых в словарь. Русинско-русский языковой материал впервые подвергается лексикографической обработке такого рода.

Ключевые слова: межъязыковая омонимия, межъязыковые формально-семантические соответствия, русинский язык, русский язык, славянские языки, лексикография, учебный словарь.

The Ruthenian-Russian interlingual formal-semantic similarity in lexicographical representation

V.G. Naumov

Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: nauval@sibmail.com

Abstract

The article raises the issue of the principles of selection and presentation of the material for the Ruthenian-Russian dictionary of interlingual formal-semantic similarity. The project involves the creation of a differential dictionary of a learner's type. A description is given of the concepts "interlingual homonymy", "interlingual paronymy", "interlingual synonymy", "misleading words" and some others, somehow representing the idea of formal-semantic language interaction.

The concept "interlingual formal-similarity" describes any formally (phonetically and / or graphically) similar interlingual lexical units with different degrees of semantic relatedness.

The structure of the dictionary entry is presented; the main types of Ruthenian-Russian formal-semantic interaction of lexical units included in the dictionary are specified. It is the first time that the Ruthenian and Russian language material is analyzed lexicographically in this aspect.

Keywords: interlingual homonymy, interlingual formal-semantic similarity, Ruthenian language, Russian language, Slavic languages, lexicography, learner's dictionary.

Феномен межъязыковой формально-семантической соотнесенности лексических единиц заслуживает особого внимания, так как он связан с некоторыми общими проблемами лингвистики, в частности с проблемами соотношения формы и значения в разных языках в сопоставительном плане. Важнейшей задачей являлось и является изучение межъязыковых лексических соответствий родственных и близкородственных языков. В этой связи уникальный материал представляет русинский язык в случае его сопоставления с русским: прежде всего в силу особой близости графической и фонетической систем, на основе чего и осуществляется установление межъязыковых соответствий.

В данной статье делается попытка обоснования принципов репрезентации русинско-русских межъязыковых формально-

семантических соответствий в дифференциальном словаре учебного типа, основная цель которого – способствовать решению задач преодоления лексической интерференции.

Одним из самых популярных терминов, представляющих формально-семантическое взаимодействие в разных языках, является термин «межъязыковая омонимия», достаточно часто критически оцениваемый, но тем не менее широко распространенный. Среди работ, так или иначе связанных с проблемами межъязыкового формально-семантического взаимодействия, стоит особо отметить исследования, в которых представлена славянская лексика.

Так, например, в работе Г.Н. Аксеновой (Аксенова 1978) материалом стали русско-белорусские параллели. Польско-украинская межъязыковая омонимия описана в диссертации М.А. Беднажа (Беднаж 2000).

Традиционное представление о межъязыковых соответствиях омонимичного характера подвергается трансформации в работе Л.И. Голобородько (Голобородько 1975), посвященной изучению межъязыковой лексической синонимии. Аналогичный критический подход характеризует исследование Ю.П. Гольцекера (Гольцекер 1971), описывающее явления «межъязыковой омонимии и полисемии» в их взаимодействии.

Представляют интерес исследования, посвященные изучению формально-семантических соответствий в славянских языках разных ветвей-групп в их возможных комбинациях. Так, работа Т. Каде (Каде, Радева 1997) подводит итоги исследования русско-болгарской межъязыковой омонимии, словацкий и болгарский язык рассматриваются в статье Р. Чапака (Csarák 2012), в трудах М. Круль (Круль 2009) и К. Кусаля (Кусаль 2005) отражены польско-русские и русско-польские соответствия. З. Гросбарт (Гросбарт 1962) одним из первых заговорил о русско-польских «межъязыковых омонимах» в контексте всего славянского лексического массива.

Традиционно в рамках указанного направления рассматриваются языковые факты близкородственных языков. Материал русского и украинского языков проанализирован в исследованиях Н.В. Заславской (Заславская 1992), Е.В. Федорчук (Федорчук 2001a, 2001b), белорусского и русского – в представлении Г.Н. Аксеновой (Аксенова 1978), П.П. Шубы (Шуба 1975) и других авторов.

Имеется ряд исследований сопоставительного плана, в которых анализируется материал сразу нескольких славянских языков. Здесь можно назвать работы Б.А. Плотникова (Плотников 1974), Г. Рехториковой (Рехторикова), концентрирующей внимание на проблемах интерференции, Г.Ф. Селиванова (Селиванов 1976),

предлагающего, помимо понятия «межъязыковая омонимия» использовать понятийный вариант «межъязыковая гетеронимия», диссертация С.Д. Хуцишвили (Хуцишвили 2010), в которой обозначены основные итоги исследований славянских межъязыковых соответствий.

Невозможно обойти вниманием и проблему лексикографического отражения межъязыковой омонимии и подобных явлений. Стремление представить межъязыковое взаимодействие в виде словаря выглядит вполне естественным. Как пишет Л.П. Дронова, «актуальность теоретической проработки и практического, лексикографического, решения проблемы так называемой междialeктной (межъязыковой) синонимии (изосемии) и в том, что выделение наряду с типичными семантическими моделями и их вариантами «периферийных» или нетипичных моделей требует усиления культурологической составляющей исследования, иначе говоря, выхода из сферы отношений языка и мышления в сферу отношений языка и культуры» (Дронова 2012: 28).

Славянский материал в лексикографической обработке представлен на базе русского и белорусского языков работой С.М. Грабчикова (Грабчиков 1980), учебным болгарско-русским словарем лексических параллелей А.В. Зинкевича (Зинкевич 2001), в котором отражена и межъязыковая омонимия, словарем русско-украинских межъязыковых омонимов М.П. Кочергана (Кочерган 1997), учебным словарем русско-словацких омонимов В. Любимовой (Ljubimová 1976) и некоторыми другими лексикографическими работами (Kozielewski 1959; Kusal 2002; Lotko 1992; Šipka 1999 и др.).

Кроме того, имеются и электронные сетевые словари разного объема и с разной степенью обработки материала (напр.: Словарь).

Как уже было сказано выше, предлагаемый способ лексикографического представления русинско-русских межъязыковых формально-семантических соответствий – дифференциальный учебный словарь. Основная цель данного словаря – помочь преодолеть лексическую интерференцию, поэтому в центре внимания оказывается прежде всего формальная схожесть лексических единиц, на основании которой обучающийся устанавливает наличие и степень семантической общности или отсутствия таковой.

Формально-семантическая идентификация иноязычной лексики в целом представляет собой явление, отражающее способность человека улавливать, первоначально воспринимать любую формальную связь слов родного и иностранного языков независимо от значения. Установление семантического соответствия – второй этап идентификации, на котором устанавливается «ложность» или «истинность» первоначального восприятия.

Таким образом, в учебном словаре, отражающем любые формально схожие слова сопоставляемых языков, должны присутствовать единицы

- обладающие полным или частичным (в силу различия языковых систем) сходством звуковой и (или) графической формы;
- имеющие при этом тождество, или сходство, или различие в семантике.

В связи с этим возникает потребность терминологического обозначения лексики, которая должна быть отражена в проектируемом словаре.

Анализ имеющейся терминологии, описывающей формально-семантическое межъязыковое взаимодействие, позволил сделать следующие выводы.

1. Термин «межъязыковая омонимия», несмотря на его популярность, устойчивую употребительность и богатую историю, оказывается недостаточно точным для описания соответствующего материала, о чем говорят многочисленные критики этого термина (см., напр.: Правда 2010: 127-128). Прежде всего в рамках данного терминологического словосочетания наблюдается внутреннее противоречие самого понятия «омонимия», предполагающего в основе тождество формы, которое отсутствует даже при сопоставлении славянских языков хотя бы потому, что описываются языки, пользующиеся все-таки разными графическими системами и имеющие хотя и похожие в силу их родственности, но тем не менее различающиеся фонетические системы, поэтому первая часть «омо-» в ее лингвистическом понимании оказывается «не работающей» (ср. произношение русинского существительного *напасть* с ударением на первом слоге и русского глагола *напасть*; именно такого рода единицы описываются как межъязыковые омонимы). По той же причине не вполне адекватно отражают рассматриваемое явление термины «омофон», «омограф», «омоформа».

Допускается, конечно, обоснование особого статуса омонимии в межъязыковом взаимодействии (сопоставлении), что приведет к признанию многозначности данного термина. Однако и это не дает возможности использовать данный термин при описании единиц, входящих в проектируемый словарь, в силу того что при его применении за пределами анализа остаются слова, не различающиеся значением: как многочисленные интернационализмы (русинское *гамбит* – русское *гамбит*), так и довольно значительный круг исконных слов (типа *брат* – *брат*).

По этой же причине не могут быть использованы термины «межъязыковые соответствия омонимичного характера»,

«межъязыковые паронимы», «ложные друзья переводчика», «междуязычные аналогизмы».

Разного рода «ограничения» свойственны и другим терминам, так или иначе используемым при изучении формально-семантического взаимодействия на межъязыковом уровне.

Так, например, «межъязыковые семантические эквиваленты лексических единиц» предполагают в первую очередь учет соотносительности лексической семантики при сходстве формы, то есть за пределами исследования остаются единицы, абсолютно разные по значению.

«Когнаты» представляют только однокоренные слова с общим происхождением, что также ограничивает круг исследуемых единиц с формально-семантическим сходством.

В терминах «лексические параллели», «неполные лексические параллели» и «ложные лексические параллели» не отражено соотношение формы и значения, не уточнен характер параллелизма с точки зрения семантики сопоставляемых лексических единиц, поэтому их применение не может адекватно отразить характер сопоставляемых единиц.

Термины «межъязыковая полисемия», «межъязыковая синонимия» и «межъязыковая квазисинонимия» описывают слова сопоставляемых языков, полностью или частично совпадающие в семантике, что предполагает рассмотрение и тех единиц, которые полностью различаются формой (руси́нское *гызати* – русские *бегать*, *резвиться*, *метаться*). Такие слова не включаются в представляемый словарь, поскольку при первоначальном их восприятии не возникает аналогий со словами родного языка. Кроме того, данные термины не описывают слова с разными значениями, имеющими формальное сходство.

Используемые прежде всего в теории перевода термины «межъязыковая гипонимия» и «межъязыковая гетеронимия» описывают только те слова, которые отражают соотношение родовых и видовых понятий в разных языках и которые не совпадают в значении при сходстве формы; таким образом, формально схожие слова с близкой или тождественной семантикой не могут быть рассмотрены с использованием представленной терминологии.

Ограничен круг описываемых единиц и в случае применения терминов «межъязыковая антонимия» и «межъязыковая энантиосемия» – здесь присутствуют только формально соотносящиеся слова с противоположным значением.

Поиск универсального обозначения, позволяющего учесть максимально возможный массив формально-семантических соответствий, приводит некоторых исследователей к использованию терминов «межъязыковые ап(п)роксима(н)ты (сближения)» (напр.:

Иванов 2011) и «межъязыковые проксима(н)ты» (напр.: Правда 2010). При этом рассматриваются и случаи омонимии, и случаи паронимии, и различия в сочетаемости и стилистических характеристиках сопоставляемых единиц и т. п. Однако и здесь часть лексики остается за пределами анализа, к тому же данные термины многозначны: они по-разному описывают не только лексические, но и фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические соотношения.

В настоящем исследовании используется термин «межъязыковое формально-семантическое соответствие». Понятие, описываемое этим термином, шире понятий «межъязыковая омонимия», «межъязыковая паронимия», «межъязыковая полисемия», «ложные друзья переводчика» и т. п., поскольку характеризует любые формально (фонетически и/или графически) схожие межъязыковые соответствия, имеющие разную степень (вплоть до нулевой) семантической близости.

При сопоставлении русинского и русского языков выявлены следующие основные типы межъязыковых формально-семантических соответствий.

1. Русинские и русские слова полностью совпадают по форме и полностью совпадают по набору соотносящихся значений: *молочный* – *молочный*; *торгаш* – *торгаш*; *трав*_а – *трав*_а; *акробат* – *акробат*. Полное совпадение фонетической формы русинских и русских слов понимается условно – с учетом специфики фонетических систем близкородственных языков.

2. Русинские и русские слова полностью совпадают по форме и полностью различаются по значению: *рано* – утро; *наутро* – нареч. к ранний; о раннем времени; о еще не наступившем нужном сроке.

3. Русинские и русские слова полностью совпадают по форме и частично различаются по значению:

а) большее количество значений в русинском: *лавка* – широкая доска для сидения и лежания; парта; мостик, мосток; небольшой магазин.

б) большее количество значений в русском: *злостный* – злобный, исполненный злости, злобы, злонамеренный; сознательно недобросовестный; *абитуриент* – выпускник, тот, кто поступает в вуз.

4. Русинские и русские слова полностью совпадают по набору соотносящихся значений и частично различаются по форме:

а) различаются местом ударения *мольба* – *мольба*;

б) различаются графически: *транзістор* – *транзистор*;

в) различаются фонетически: *актер* – *актёр*;

г) различаются морфологически (категория рода, категория числа существительных, вид глагола и т. п.): *транша* – *транш*;

д) различаются словообразовательными морфемами и (или) формообразующими морфемами: *прово́лока* – *прово́лочка*.

5. Русинские и русские слова частично различаются набором значений и частично различаются по форме:

а) различаются местом ударения: *травни́к* – газон; *тра́вник* и *травни́к* – настойка на траве, гербарий, книга рецептов, газон;

б) различаются графически: *княгы́ня* – жена князя, попадьа; *княгця́* – жена князя;

в) различаются фонетически: *хра́м* – химический элемент; *хром* – химический элемент, мягкая кожа, желтая краска;

г) различаются морфологически (категория рода, категория числа существительных, вид глагола и т. п.): *бры́зга* – ж. крапинка, мн. брызги; *бры́зги* – мн. капли, мельчайшие частицы жидкости, мелкие частицы чего-л., перен. рассеянные лучи света;

д) различаются словообразовательными морфемами и (или) формообразующими морфемами: *люби́ти* – любить, чувствовать глубокую привязанность, нравиться; *люби́ть* – чувствовать глубокую привязанность и т. д.

6. Русинские и русские слова полностью различаются по значению и частично различаются по форме:

а) различаются местом ударения: *прово́лока* – *прово́лочка*, волокита; *про́волока* – металлическое изделие в виде гибкой нити;

б) различаются графически: *пиро́г* – вареник, пельмень; *пиро́г* – печеное изделие из теста; *а́гар* – борзая, гончая; *ага́р* – студенистое вещество;

в) различаются фонетически: *голь* – сухая ветка; *голь* – беднота; местность, лишенная растительности (буква «г» в русинском обозначает фриктивный звук);

г) различаются морфологически (категория рода, категория числа существительных, вид глагола и т. п.): *храни́* – ж. наледь; *храни́* – м. хриплые звуки, издаваемые спящим; *яри́* – ж. весна; сияние, блеск; *яри́* – м. крутой берег;

д) различаются словообразовательными и (или) формообразующими морфемами: *запну́ти* – застегнуть, включить, запахнуть; *запну́ть* – толкнуть, ударить ногой.

В рамках перечисленных типов соответствий возможны варианты, например совмещение различий фонетических и морфологических, графических и фонетических и т. п. (см. приведенный выше пример: *княгы́ня* – жена князя, попадьа; *княгця́* – жена князя (буквы «ы» и «и» обозначают частично различающиеся в двух языках звуки, буква «г» в русинском обозначает фриктивный звук)).

Единицы, полностью различающиеся по форме, в предлагаемом словаре не рассматриваются.

В качестве источника русинского материала был избран двуязычный русинско-русский словарь (Словник 2007). Выбор двуязычного словаря обусловлен прежде всего отсутствием относительно единого, достаточно полного толкового словаря русинского языка (издание неоднозначно оцениваемого критиками и специалистами «Словаря русинського языка» Юрия Чори (Ужгород) еще не закончено).

С другой стороны, основные проблемы в поисках материала для словаря были связаны с поливариантным статусом русинского языка (условно – карпатский и «балканский» варианты в их разновидностях), с разным уровнем кодифицированности этих вариантов языка и, соответственно, с разным уровнем отражения русинской лексики в имеющихся лексикографических источниках (в целом ряде словарей представлена диалектная и так называемая «литературно-диалектная» лексика). В названиях таких словарей не всегда используется и сам термин «русинский язык» (ср.: бачванско-русинский, галицкий, лемковский, карпаторусинский, пряшевский русинский, паннонско-русинский и др.) (см.: Горошак 1993; Hnat 2003; Šišková 2009 и др.).

Стоит отметить, что некоторые из этих словарей послужили источниками при составлении использованного двуязычного русинско-русского словаря.

Часть таких словарей существует в электронном виде, некоторые – в сетевом варианте с возможностью пополнения и редактирования состава словаря, что, конечно же, не всегда предполагает объективность и строгость представления лексикографического материала, (см.: Русинська мова; Словник 1; Словник 2; Словник 3; Словник 4).

Объем выбранного в качестве источника материала двуязычного словаря (свыше 58 000 слов), на наш взгляд, дает возможность достаточно адекватно сопоставить русинский и русский лексиконы с точки зрения их формально-семантического соответствия. Конечно же, двуязычный и толковый словари не вполне в равной мере представляют информацию об особенностях семантики (в толковом словаре подробнее даются толкования лексических значений, более развернут сам набор этих значений в рамках лемемы), стилистической специфики, грамматических характеристик сопоставляемых лексических единиц, однако с учетом использования словаря в дидактических целях – в качестве учебного, а также в переводческой деятельности такой принцип отбора источников материала видится вполне уместным.

Главным основанием для установления русинско-русских соответствий было формальное (фонетическое и графическое) сходство

русинского слова, приведенного в двуязычном словаре, с русским словом.

Значения русских соответствий уточнялись с использованием нескольких толковых словарей русского языка (Ефремова 2000; Ожегов 1988; Словарь 1999; Словарь 2002).

В перспективе возможно использование материалов Национального корпуса русского языка, тем более что работа по созданию корпуса русинского языка уже ведется (в частности, этим занимается Е. Э. Будовская из Джорджтаунского университета в США). Однако пока информации, представленной в перечисленных толковых словарях русского языка, вполне достаточно для идентификации основных межъязыковых формально-семантических соответствий русинского и русского языков.

Структура представляемого словаря должна соответствовать принципам подачи материала для описания межъязыкового взаимодействия формально сходных лексических единиц.

Существует несколько способов лексикографической интерпретации межъязыкового материала.

1. Заголовок словарной статьи представлен парой сопоставляемых лексических единиц, после чего эти единицы последовательно дублируются и сопровождаются лексико-семантическими вариантами значений каждой из них (см., напр.: Акуленко и др. 1969). В этом случае в качестве заглавного слова выступает сочетание сопоставляемых единиц (Акуленко и др. 1969: 12):

hooligan – хулиган

hooligan [...] нарушитель порядка на улице и в других общественных местах [...]

хулиган [...] 1. личность (*любого возраста*), позволяющая себе крайние бесчинства... (Акуленко и др. 1969: 154).

В некоторых словарях (напр.: Готлиб 1972) структура словарных статей варьируется. Она может состоять из двух частей, если значение сопоставляемых единиц не совпадает (напр.: немецкое слово – русское слово, русское слово – немецкое слово). При совпадении значений словарная статья состоит из одной части (немецкое слово – русское слово).

2. Сопоставляемые лексемы приводятся последовательно, одна за другой, словарная статья представлена двумя заглавными словами. Наборы значений указываются непосредственно после каждого заглавного слова (см., напр.: Словарь):

lakomý (= skúpy) – жадный, скупой

лакомый – maškrtný, paškrtný.

При этом возможны толкования значений как на одном из сопоставляемых языков, так и на обоих.

3. В некоторых словарях принцип подачи материала соответствует принципам организации словарной статьи «классического» двуязычного словаря. В этом случае заглавным словом является лексема одного из сопоставляемых языков. Например, в болгарско-русском варианте словаря:

крамолá *ж. разг.* 1) ссора, скандал; 2) бунт, мятеж (Зинкевич 2001: 28).

4. Обе лексемы сопоставляемых языков размещаются в параллельных блоках, словарная статья представлена двумя заглавными словами:

рок -а м. /*zast. poet.*/ osud, údel rok год -а м. (Ljubimová 1976: 61).

Принципы подачи грамматической характеристики слова, грамматических и стилистических помет варьируются достаточно широко, в том числе в соответствии со спецификой национальной лексикографии.

Иллюстративный материал приводится в разных словарях по-разному, в зависимости от целевой направленности или каких-то иных авторских установок.

Наиболее приемлемым в учебном межъязыковом словаре представляется четвертый способ подачи материала, прежде всего в связи с принципом параллелизма в расположении лексем. В этом случае соответствия отражены более наглядно, в результате чего быстрее устанавливается наличие или отсутствие соотносимой семантики.

Лексика Словаря русинско-русских межъязыковых формально-семантических соответствий располагается в алфавитном порядке. Словарная статья разделена на две части: в первой представлены русинские слова, а во второй – соответствующие русские лексемы. Заглавные слова выделяются полужирным шрифтом. Лексико-семантические варианты отмечены арабскими цифрами, омонимы в пределах одного языка отмечаются надстрочными арабскими цифрами.

В каждой из двух частей словарной статьи даётся заглавное слово в начальной форме с указанием ударения. После заглавного слова указаны его грамматическая характеристика, грамматические пометы, по необходимости – стилистические и специальные пометы.

Толкование значения слова в обеих частях дается на русском языке (в первой части толкование значения практически совпадает с переводом слова) по возможности максимально компактно, поскольку основная цель словаря – идентификация формально-семантических соответствий, а не детальное описание лексической системы.

Более подробно структура словарной статьи излагается во вступительной части словаря.

Примеры словарных статей:

лизати несов. перех. 1. Проводить языком по чему-либо, касаться языком кого-либо или чего-либо. 2. фам. Целоваться.	лизать несов. перех. 1. Проводить языком по чему-либо, касаться языком кого-либо или чего-либо. 2. Подбирая языком, есть, пить. 3. перен. Касаться чего-либо, охватывая, обдавая (о волне, пламени и т. п.).
корсак –а, м. Туфля с загнутым вверх носком.	корсак –а, м. Мелкое хищное животное рода лисиц с рыжевато-серой окраской.
брусник –а, м. Точильный брусок.	брусника –и, ж. Лесное растение.
табор –а, м. 1. Группа семейств цыган, кочующих вместе; место стоянки цыган. 2. Большая группа людей, расположившаяся на временную стоянку; место их расположения (лагерь; сбор). 3. Шабаш (ведьм).	табор –а, м. 1. ист. Походное боевое расположение войск. 2. разг. Большая группа людей, расположившаяся на временную стоянку; место их расположения. 3. Группа семейств цыган, кочующих вместе; место стоянки цыган.

Информативность словаря может быть увеличена за счет дополнительного алфавитного словника с «входными» русскими словами.

В дальнейшей работе над принципами организации словаря межъязыковых формально-семантических соответствий на материале русинского и русского языков следует обратить внимание на возможности формализации критериев фонетической и графической идентификации сопоставляемых единиц.

Помимо учебных целей представляемый в виде проекта словарь может быть использован в переводческой деятельности, помогая найти не только «ложных друзей переводчика», но и «истинных».

Словарь межъязыковых формально-семантических соответствий может дать представление о характере проявления одного из универсальных языковых законов – закона дихотомизма языкового

знака, когда в процессе восприятия текста на чужом языке в оппозиции «форма – значение» ведущая роль принадлежит форме языкового знака: в соответствии с особенностями внешней формы происходит идентификация семантики лексической единицы другого языка.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова 1978 - *Аксенова Г.Н.* Русско-белорусские межъязыковые омонимы и омографы // Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. Тематический сборник научных трудов / под ред. А.Е. Супруна, Н.Л. Желуденко. Минск, 1978. 318 с.

Акуленко В. В. и др. 1969 - *Акуленко В.В. и др.* Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Сов. энциклопедия, 1969. 384 с.

Беднаж 2000 - *Беднаж М.А.* Польско-украинская межъязыковая омонимия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 2000. 19 с.

Голобородько 1975 - *Голобородько Л.И.* О межъязыковой лексической синонимии в близкородственных языках // Труды Киргизского ун-та. Серия гуманитарных наук, 1975. Вып. 11. С. 50–58.

Гольцекер 1971 - *Гольцекер Ю.П.* Межъязыковая омонимия и полисемия как специфическая проблема в переводах с родственных языков // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. № 205. Самарканд, 1971. С. 129–136.

Готлиб 1972 - *Готлиб К.Г.М.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Сов. энциклопедия, 1972. 448 с.

1980 - *Грабчиков С.М.* Межъязыковые омонимы и паронимы: Опыт русско-белорусского словаря. Минск: изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1980. 216 с.

Гросбарт 1962 - *Гросбарт Э.* О русских и польских словах, близких по звучанию, разных по значению («межъязыковые омонимы») // Материалы третьего международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1962. С. 228–238.

Дронова 2012 - *Дронова Л.П.* Лексикографические проблемы в свете антропологической лингвистики // Вопросы лексикографии. 2012 №2. С. 26–32.

Ефремова 2000 - *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1–2.

Заславская 1992 - *Заславская Н.В.* К проблеме создания словаря межъязыковых омонимов (на материале русского и украинского языков) // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992. С. 23–25.

Зинкевич 2001 - *Зинкевич А.В.* Учебный болгарско-русский словарь лексических параллелей. Минск, 2001. 41 с.

Иванов 2011 - *Иванов К.И.* Межъязыковые апроксиматы в русском, белорусском и болгарском лексиконах / Карповские научные чтения: сб.

науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) и др. Минск: «Белорусский Дом печати», 2011. С. 156–159.

Каде, Радева 1997 - *Каде Т., Радева П.* Некоторые семантические аспекты межъязыковой русско-болгарской омонимии. Краснодар, 1987. 21 с.

Кочерган 1997 - *Кочерган М.П.* Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов. Киев: Академия, 1997. 465 с.

Круль 2009 - *Круль М.* Польско-русская лексическая квазианалогия. Функционально-прагматический анализ. Кельце, 2009. 266 с.

Кусаль 2005 - *Кусаль К.Ч.* Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 49 с.

Ожегов 1988 - *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.

Горошак 1993 - *Горошак Я.* Перший лемківсько-польський словник. Лєґніца, 1993. 257 с.

Плотников 1974 - *Плотников Б.А.* О межъязыковой синонимии и антонимии (на материале славянских языков) // Вопросы общественных и гуманитарных наук. Гомель, 1974. Вып 2. С. 226–227.

Правда 2010 - *Правда Е.А.* Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: типы проксиматов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 127–131.

Рехторикова - *Рехторикова Г.* Проблемы интерференции в родственно близких языках [Электронный ресурс]: Материалы III конференции «Социокультурные проблемы языка и коммуникации». Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина. URL: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/rehtorikova.doc> (дата обращения: 13.04.2012).

Русинська мова - Русинська мова. А – З [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.maidanua.org/T-%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0-%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%90-%D0%97?highlight=%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0+%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 10.11.2014).

Селиванов 1976 - *Селиванов Г.Ф.* Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии) // Вопросы русского и славянского языкознания: Межвузовский сборник. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1976. С. 116–126.

Словарь 1999 - Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований: под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Словарь 2002 - Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2002. 960 с.

Словарь - Словацко-русский словарь. Ложные друзья переводчика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovník.org/cgi-bin/main/main.pl/gu/00004/n> (дата обращения: 10.11.2014).

Словник 2007 - Русинсько-російський словник: у 2 т. Понад 58000 слів / Склад І. Керча. Ужгород: ПоліПринт, 2007.

Словник 1 - Русинсько-український словник. URL: <http://lang.slovopedia.org.ua/10/53392-0.html> (дата обращения: 10.11.2014).

Словник 2 - Словник галицької мови [Електронний ресурс]. URL: <http://halmova.if.ua/home.html> (дата обращения: 10.11.2014).

Словник 3 - Закарпатської (русинської) мови [Електронний ресурс]. URL: <http://transatlant.com.ua/index.php?what=dictionary> Словник русинської мови – <http://slovo.uz.ua> (дата обращения: 10.11.2014).

Словник 4 - Словник русинської мови [Електронний ресурс]. URL: <http://slovo.uz.ua> (дата обращения: 10.11.2014).

Федорчук 2001а - *Федорчук Е.В.* Межъязыковые омонимы и паронимы в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков): автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2001. 18 с. [Електронний ресурс]: URL: <http://www.disser.h10.ru/dis/fedorchukev.html> (дата обращения: 25.09.2014).

Федорчук 2001б - *Федорчук Е.В.* Типы семантических отношений и явление межъязыковой омонимии (на материале русского и украинского языков) // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии / под ред. С.С. Ваулиной. Калининград: изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2001. С. 142 – 151.

Хуцишвили 2010 - *Хуцишвили С.Д.* Славянские межъязыковые омонимы: дис. Тбилиси: Изд-во ТГУ им. Ив. Джавахишвили, 2010. 169 с. [Електронний ресурс]. URL: <http://www.press.tsu.ge/GEO/internet/disertaciebi/S.Khutsishvili%20Disertacia.pdf> (дата обращения: 13.01.2012).

Csapák 2012 - *Csapák R.* Medzijazyková homonymia v spisovnej slovenčine a bulharčine ako lexikologický problém / Zborník zo 7. študentskej vedeckej konferencie: Univerzitná knižnica Prešovskej university. Prešov, 2012. pp.808 – 813 [Електронний ресурс]. URL: http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Chovanec3/pdf_doc/jazykoveda/7.pdf (дата обращения: 14.10.2014).

Kozielewski 1959 - *Kozielewski Ī.* Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim. Warszawa, 1959.

Hnat 2003 - *Hnat A.* Kratký Rusínský slovník. Trebišov, 2003.

Kusal 2002 - *Kusal K.* Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych, Wrocław, 2002.

Ljubimová 1976 - *Ljubimová V.* Stručný školský slovník ruskoslovenských homoným / V. Ljubimová. Bratislava: SPN, 1976. 86 s.

Lotko 1992 - *Lotko E.* Zrádná slova v polštině a češtině: lexikologický pohled a slovník. Olomouc: Votobia, 1992.

Šipka 1999 - *Šipka D.* Serbsko-polska międzyjęzykowa homonimia i paronimia, [B:] Rečnik srpsko-poljskih mešujezičkih homonima i paronima 158 / Słownik serbsko-polskich homonimów i paronimów. Poznań, 1999.

Šišková 2009 - *Šišková R.* Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i. Euroslavica, 2009. 200 s.

References

Aksenova 1978 - *Aksenova G.H.* Russko-belorusskie mezh"yazykovye omonimy i omografy [The Russian-Belarusian interlingual homographs and homonyms], Voprosy prepodavaniya russkogo yazyka v shkole s belorusskim yazykom obucheniya [Questions of teaching Russian at schools with the Belarusian language of instruction], Tematicheskii sbornik nauchnykh trudov. Suprun A.E., Zheludenko H.L. (eds.), Minsk, 1978, 318 p. [in Russian].

Akulenko V.V. i dr. 1969 - *Akulenko V.V. i dr.* Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' "lozhnykh druzey perevodchika" [The English-Russian and Russian-English dictionary of misleading words], Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1969, 384 p. [in Russian].

Bednazh 2000 - *Bednazh M.A.* Pol'sko-ukrainskaya mezh"yazykovaya omonimiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Polish-Ukrainian interlingual homonymy. Abstract of Philology Cand. Diss.], Kiev, 2000, 19 p. [in Russian].

Goloborod'ko 1975 - *Goloborod'ko L.I.* O mezh"yazykovoy leksicheskoy sinonimii v blizkorodstvennykh yazykakh [Interlingual lexical synonymy in closely related languages], Trudy Kirgizskogo un-ta, seriya gumanitarnykh nauk, 1975, issue 11, pp. 50–58 [in Russian].

Gol'tseker 1971 - *Gol'tseker Yu.P.* Mezh"yazykovaya omonimiya i polisemiya kak spetsificheskaya problema v perevodakh s rodstvennykh yazykov [Interlingual homonymy and polysemy as a particular problem in translations from related languages], Issledovaniya po russkomu i slavyanskomu yazykoznaniiyu, 1971, issue 205, pp. 129–136 [in Russian].

Gotlib 1972 - *Gotlib K.G.M.* Nemetsko-russkiy i russko-nemetskiy slovar' "lozhnykh druzey perevodchika" [The German-Russian and Russian-German dictionary of misleading words], Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1972, 448 p. [in Russian].

Grabchikov 1980 - *Grabchikov S.M.* Mezh"yazykovye omonimy i paronimy: Opyt russko-belorusskogo slovaryia [Interlingual homonyms and paronyms: Experience of a Russian-Belarusian dictionary], Minsk: izd-vo BGU im. V.I. Lenina, 1980, 216 p. [in Russian].

Grosbart 1962 - *Grosbart Z.* O russkikh i pol'skikh slovakh, blizkikh po zvuchaniyu raznykh po znacheniiyu ("mezh"yazykovye omonimy") [Russian and Polish words similar in sound and different in meaning ("interlingual homonyms")], Materialy tret'ego mezhdunarodnogo metodicheskogo seminaru prepodavateley russkogo yazyka stran sotsializma [Proceedings of the Third International methodological seminar of teachers of Russian in socialist countries], Moscow, 1962, pp. 228–238 [in Russian].

Dronova 2012 - *Dronova L.P.* Leksikograficheskie problemy v svete antropologicheskoy lingvistiki, Voprosy leksikografii, 2012, Nr 2. pp. 26–32 [in Russian].

Efremova 2000 - *Efremova T.F.* Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy [The New Dictionary of the Russian language. Explanatory-derivational], In 2 vols, Moscow, Russkiy yazyk, 2000 [in Russian].

Zaslavskaya 1992 - *Zaslavskaya N.V.* K probleme sozdaniya slovarya mezh"yazykovykh omonimov (na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov) // *Sovremennyye problemy leksikografii* [On the problem of creating a dictionary of interlingual homonyms (based on the Russian and Ukrainian languages)], *Sovremennyye problemy leksikografii* [Modern issues of lexicography], Kharkov, 1992, pp. 23–25 [in Russian].

Zinkevich 2001 - *Zinkevich A.V.* Uchebnyy bolgarsko-russkiy slovar' leksicheskikh paralleley [The advanced learner's Bulgarian-Russian dictionary of lexical parallels], Minsk, 2001, 41 p. [in Russian].

Ivanov 2011 - *Ivanov K.I.* Mezhyazykovyye aproksimaty v russkom, belorusskom i bolgarskom leksikonakh [Interlingual approximate words in Russian, Belarusian, Bulgarian lexicons], *Karpov scientific readings: proceedings*, Minsk, 2011, issue 5, pt. 2, pp. 156–159 [in Russian].

Kade, Radeva 1997 - *Kade T., Radeva P.* Nekotorye semanticheskie aspekty mezh"yazykovoy russko-bolgarskoy omonimii [Some semantic aspects of Russian-Bulgarian interlingual homonyms], *Krasnodar*, 1987, 21 p. [in Russian].

Kochergan 1997 - *Kochergan M.P.* Slovar' russko-ukrainskikh mezh"yazykovykh omonimov [The Dictionary of Russian-Ukrainian interlingual homonyms], Kiev, Akademiya, 1997, 465 p. [in Russian].

Krul' 2009 - *Krul' M.* Pol'sko-russkaya leksicheskaya kvazianalogiya. Funktsional'no-pragmaticheskiy analiz [Polish-Russian lexical quasianalogy. Functional-pragmatic analysis], *Kielce*, 2009, 266 p. [in Russian].

Kusal' 2005 - *Kusal' K.Ch.* Russko-pol'skaya mezh"yazykovaya omonimiya i paronimiya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The Russian-Polish interlingual homonymy and paronymy. Abstract of Philology Dr. Diss.], St. Petersburg, 2005, 49 p. [in Russian].

Ozhegov 1988 - *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov, red. N.Yu. Shvedovoy [The Russian dictionary], 20th edition, Moscow: Russkiy yazyk, 1988. 750 p. [in Russian].

Goroshchak 1993 - *Goroshchak Ya.* Pershiy lemkiivsko-pol'skiy slovník. [The first Lemko-Polish glossary], Legnica, 1993 [In Lemko, Polish].

Plotnikov 1974 - *Plotnikov B.A.* O mezh"yazykovoy sinonimii i antonimii (na materiale slavyanskikh yazykov), *Voprosy obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Interlingual synonyms and antonyms (based on Slavic languages)]. *Voprosy obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, Gornel, 1974, issue 2, pp. 226–227 [in Russian].

Pravda 2010 - *Pravda E.A.* Mezhyazykovyye proksimaty v parallelyakh serbskogo i russkogo, slovatskogo i russkogo yazykov: tipy proksimativ [On the Serbian-Russian and Slovak-Russian interlingual proximates: types of proximate units. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*], *Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, *Proceedings of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication*, 2010, Nr 1, pp. 127–131 [in Russian].

Rekhtorikova - *Rekhtorikova G.* Problemy interferentsii v rodstvenno blizkikh yazykakh [The interference problems in closely related languages]. *Materialy III konferentsii "Sotsiokul'turnye problemy yazyka i kommunikatsii"*

[Proceedings of the III Conference "Social and cultural problems of language and communication"], Saratov, 2012. Available at: URL: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/rehtorikova.doc> (accessed: 13.04.2012) [in Russian].

Rusins'ka mova - Rusins'ka mova. A-Z [The Ruthenian language]. A-Z. Available at: URL: <http://forum.maidanua.org/T-%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0-%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%90-%D0%97?highlight=%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0+%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (accessed: 10.11.2014) [In Ruthenian].

Selivanov 1976 - *Selivanov G.F.* Yazykovye kontakty i problema mezh"yazykovoy omonimii (geteronimii) [Language contacts and the problem of cross-language homonymy (heteronymy)]. Voprosy russkogo i slavyanskogo yazykoznaniiya [Issues of Russian and Slavic linguistics], Ivanovo: Ivanovo State University, 1976, pp. 116–126. [in Russian].

Slovar' 1999 - Slovar' russkogo yazyka: in 4 vol. [The Russian dictionary]. In 4 vols. 4th edition., Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy, 1999 [in Russian].

Slovar' 2002 - Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Modern Dictionary of Russian language], St. Petersburg, Norint, 2002, 960 p. [in Russian].

Slovar' - Slovatsko-russkiy slovar'. Lozhnye druz'ya perevodchika [The Slovak-Russian dictionary. Misleading words]. Available at: URL: <http://www.slovník.org/cgi-bin/main/main.pl/ru/00004/n> (accessed: 10.11.2014) [In Slovak, Russian].

Slovník 2007 - Rusins'ko-rosiys'kiy slovník: u 2 t. Ponad 58000 sliv [The Ruthenian-Russian glossary], in 2 vol., Uzhgorod, PoliPrint, 2007 [In Ruthenian, Russian].

Slovník 1 - Rusins'ko-ukraíns'kiy slovník [The Ruthenian-Ukrainian glossary]. Available at: URL: <http://lang.slovopedia.org.ua/10/53392-0.html> (accessed: 10.11.2014) [In Ruthenian, Ukrainian].

Slovník 2 - Slovník galits'koï movi [The Dictionary of Galician language]. Available at: URL: <http://halmova.if.ua/home.html> (accessed: 10.11.2014) [In Ruthenian].

Slovník 3 - Zakarpats'koï (rusins'koï) movi [The Dictionary of the Transcarpathian (Ruthenian) language]. Available at: URL: <http://transatlas.com.ua/index.php?what=dictionary> (accessed: 10.11.2014) [In Ruthenian].

Slovník 4 - Slovník rusins'koï movi [The Dictionary of the Ruthenian language] Available at: URL: <http://slovo.uz.ua> (accessed: 10.11.2014) [In Ruthenian].

Fedorchuk 2001 - *Fedorchuk E.V.* Mez"yazykovye omonimy i paronimy v blizkorodstvennykh yazykakh (na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov): avtoref. dis.... kand. filol. nauk [Interlingual homonyms and paronyms in closely related languages (based on the Russian and Ukrainian languages). Abstract of Philology Cand. Diss.], Moscow, 2001, 18 p. Available at: URL: <http://www.dissert.h10.ru/dis/fedorchuk.html> (accessed: 25.09.2014) [in Russian].

Fedorchuk 2001 - *Fedorchuk E.V.* Tipy semanticheskikh otnosheniy i yavlenie

mezŕyazykovoy omonimii (na materiale ruskogo i ukrainskogo yazykov) [The types of semantic relations and the phenomenon of interlingual homonyms (based on the Russian and Ukrainian languages)], *Semantika yazykovykh edynits i kategoriy v diakhronii i sinkhronii* [Semantics of language units and categories in synchrony and diachrony], Kaliningrad, Kaliningrad State University, 2001, pp. 142–151 [in Russian].

Khutsishvili 2010 - *Khutsishvili S.D.* Slavyanskíe mezŕyazykovye omonimy: dis. [The Slavic interlingual homonyms]. Tbilisi: Tbilisi State University, 2010, 169 p. Available at: URL: <http://www.press.tsu.ge/GEO/internet/disertaciebi/S.Khutsishvili%20Disertacia.pdf> (accessed: 13.01.2012) [in Russian].

Csapák 2012 - *Csapák R.* Medzijazyková homonymia v spisovnej slovenčine a bulharčine ako lexikologický problem, Zborník zo 7. študentskej vedeckej konferencie: Univerzitná knižnica Prešovskej university, Prešov, 2012. p. 808–813. Available at: URL: http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Chovanec3/pdf_doc/jazykoveda/7.pdf (accessed: 14.10.2014).

Kozielewski 1959 - *Kozielewski Ĺ.* Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim. Warszawa, 1959.

Hnat 2003 - *Hnat A.* Kratký Rusínský slovník, Trebisov, 2003.

Kusal 2002 - *Kusal K.* Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych, Wrocław, 2002.

Ljubimová 1976 - *Ljubimová V.* Stručný školský slovník ruskoslovenských homoným, V. Ljubimová, Bratislava, SPN, 1976. 86 p.

Lotko 1992 - *Lotko E.* Zrádná slova v polštině a češtině: lexikologický pohled a slovník, Olomouc, Votobia, 1992.

Šipka 1999 - *Šipka D.* Serbsko-polska międzyjęzykowa homonimia i paronimia, [B:] Rečnik srpsko-poljskih mešujezičkih homonima i paronima, Słownik serbsko-polskich homonimów i paronimów, Poznań, 1999.

Šišková 2009 - *Šišková R.* Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i. Euroslavica, 2009, 200 p.

Наумов Валерий Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Naumov Valery – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of National Research Tomsk State University.

E-mail: nauval@sibmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2014, № 4 (38)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь», 2014.

- 208 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,

ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 12.12.2014. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 900 экз.

Заказ 301.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:

г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2014 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

НАПРАСНЫЙ ТРУД – НЕТ, ИХ НЕ ВРАЗУМИШЬ...

Ф.И. ТЮТЧЕВ

Напрасный труд – нет, их не вразумишь,—
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им её идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Май 1867

